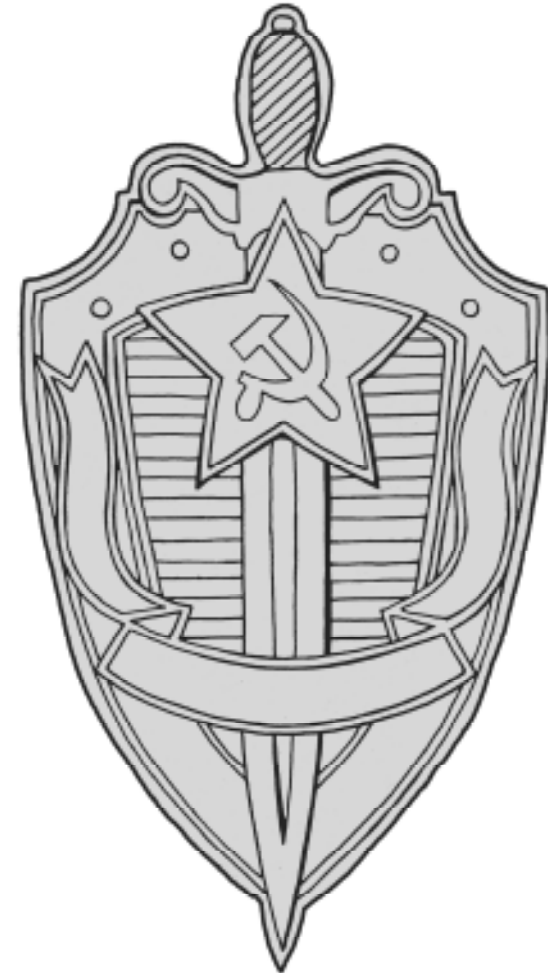

С. Ю. Туманов

СУДЬБА ОФИЦЕРА

Кузбассвузиздат
Кемерово, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Судьба офицера» – второе художественное произведение автора Туманова Сергея Юрьевича. (Первая книга «Витек – террорист» вышла в 2002 году). В «Судьбу офицера» входят два очерка и одна повесть. Первый очерк повествует о гражданской жизни и военной службе лейтенанта Советской Армии Игоря Рощинского, прототипом которого является хороший знакомый автора Ращупкин Игорь Николаевич, погибший в 1982 году в Афганистане. Игорь Ращупкин родился в конце пятидесятых годов прошлого века, когда государство жило уже мирной жизнью. Но традиции служения Родине и честного выполнения воинского долга Игорь впитал буквально с молоком матери. В очерке в художественной форме описывается жизнь главного героя, начиная с учебы в школе. Прослеживается, как мальчик, затем юноша решил посвятить себя служению Отечеству в рядах Вооруженных Сил. Жизнь Игоря была до предела короткой, но яркой. Молодой человек, как истинный патриот, решил служить там, где сложнее и опаснее, подав рапорт о включении его в состав контингента советских войск в Афганистане. После Афганистана молодые люди, возрастом такие, как Игорь и младше его, прошли и проходят службу в Чечне, также честно и благородно выполняя свой воинский долг. «На войне как на войне», без потерь никогда не бывает, но страна не забывает своих сыновей, сложивших на службе головы... Думаем, что очерк «Судьба офицера» будет интересен людям

Туманов С. Ю.

«Судьба офицера». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 196 с.

ISBN

В книгу «Судьба офицера» вошли повесть «Артист не того театра» и очерки «Судьба офицера» и «Не рой другому яму».

В повести «Артист не того театра», через судьбу главного героя, рассказывается о работе органов госбезопасности СССР в 40-е – 80-е годы.

Очерк «Судьба офицера» повествует о гражданской жизни и военной службе офицера-«афганца».

Очерк «Не рой другому яму» повествует о нескольких сотрудниках одного из областных управлений налоговой полиции России в контексте с функциями и задачами одного из основных структурных подразделений – службы собственной безопасности.

Предназначена для широкого круга читателей.

ISBN

© Туманов С. Ю., автор, 2003

© Брагин А. В., оформление, 2004

© Изд-во «Кузбассвузиздат», 2004

Предисловие

различных возрастов, в том числе юношам, которым предстоит служба в Российской Армии. В школе №21 г. Киселевска, где учился Игорь Ращупкин, есть небольшой музей, в котором сконцентрированы воспоминания об офицере- «афганце». Автор подарил несколько экземпляров своей книги музею, а также матери Игоря - Ращупкиной Александре Николаевне.

Повесть «Артист не того театра» повествует о трудной судьбе Назара Кошечкина, романтика оперативно- розыскной деятельности. Этот образ собирательный, конкретного прототипа не имеет. В повести, на основе жизнеописания главного героя, проходит довольно много характеров других лиц, отображенных- одних- подробно и конкретно, других- т. н. «мазками». В ней, не в пример современным «компьютерным детективам», в которых 99 процентов вымысла, а остальное- полуправда, объективно, без очернения и прикрас описана сложная, интересная и многогранная деятельность советских спецслужб в различные периоды времени, начиная от органа военной контрразведки СМЕРШ и заканчивая Комитетом Госбезопасности.

Судьба не жаловала Назара Кошечкина, а всему виной вторая мировая война. Главный герой, ввиду объективных обстоятельств, был поставлен в сложные, практически безальтернативные, условия, заставившие его пойти на сотрудничество со спецслужбами фашистской Германии, за что он справедливо наказан. Но, как говорится, «сила действия равна силе противодействия», и Назар, как гражданин страны, в своей последующей жизни оказал

Предисловие

значительную помощь органам госбезопасности СССР.

В повести довольно ярко изображены сотрудники спецслужб, такие как опер СМЕРШа Баймухаметов и его непосредственный начальник, первые разработчики «Артиста»; сотрудники оперчасти исправительно-трудовых учреждений для особо опасных госпреступников и др., а также объекты заинтересованности органов и, наконец, представители криминального мира. Повесть «Артист не того театра» написана живо и динамично, представляет интерес для различных категорий читателей.

Очерк «Не рой другому яму» повествует о нескольких сотрудниках одного из областных управлений налоговой полиции России в контексте с функциями и задачами одного из основных структурных подразделений- службы собственной безопасности. В очерке ярко описаны ситуации и личностные характеристики главных героев, и, читатель, прочтя произведение, сразу же сделает вывод, почему так назван очерк.

В целом книга С. Ю. Туманова «Судьба офицера» представляет несомненный художественный интерес, и, на наш взгляд, заинтересует широкий круг читателей.

Составители.

АРТИСТ НЕ ТОГО ТЕАТРА

Повесть

Назар Кошечкин родился примерно в 1917- 1918 году, в одном из сельских районов Сумской области, что на Украине. Его родители: отец- счетовод, мать - ветеринарный фельдшер, были по тому времени образованными и довольно состоятельными людьми. В 1925 году Назар пошел в первый класс сельской школы, в которой окончил 8 классов, затем поступил в финансовый техникум в городе Сумы. Окончив техникум, направлен по распределению на должность помощника бухгалтера в один из колхозов в западной части области.

Все шло хорошо, молодой финансист активно участвовал в общественной жизни молодежи колхоза, жил на квартире у пожилой женщины, у которой и питался. Всерьез подумывал о женитьбе, приглядывал себе достойную пару из представительниц сельской интеллигенции (медсестра, учительница, библиотекарь, счетовод). К политике ВКП(б) и ее молодежного отряда-комсомола относился лояльно, и секретарь комсомольской ячейки колхоза Мыкола Ступар несколько раз предлагал Назару вступить в комсомол, красочно расписывая перспективу карьерного роста молодого специалиста.

Назар под разными благовидными предложениями отказывался, но не потому, что отрицательно относился к молодежному отряду партии, а ввиду нежелания нести общественную нагрузку, которую в то время имел каждый

член комсомола. Участвовал в деятельности «ОСОАВИАХИМа» (предшественник ДОСААФ), бегал в военной амуниции кроссы, изучал устройство противогаза, винтовки, стрелял из «воздушки» по мишеням в районном тире.

Жизнь шла хорошо, но все планы на будущее Назара, как и миллионов его сверстников, разрушила война. Кошечкин по состоянию здоровья мобилизации в Красную Армию не подлежал, так как у него от рождения была ограничена подвижность правой руки. Внешне она ничем не отличалась от левой, но подвижность и чувствительность её была недостаточной и медики на военно-врачебной комиссии единодушно вынесли свой вердикт: не годен к военной службе. Назар особо не расстраивался, хотя и видел, как молодёжь стремится к военной службе, как девушки положительно и ласково относятся к военным и стремятся связать свою судьбу с демобилизованными солдатами и сержантами, не говоря уже об офицерах.

Наступление немецко-фашистских войск было столь быстрым, что подавляющее большинство жителей деревни, где жил Кошечкин, эвакуироваться на восток не смогли и остались под оккупацией. Немцы сразу же развернули в районном центре структуры полиции и военной жандармерии. Полицаем в деревню назначили Василя Стреху, лет 25, год назад освободившегося из мест лишения свободы за кражу вещей из магазина. Стреха особо в деревне не свирепствовал, но, тем не менее, выполнял все устные и письменные указания оккупационных властей.

Примерно раз в неделю он ездил в район отчитываться

о своей работе по выявлению подозрительных лиц, возможно связанных с органами НКВД, либо с военной контрразведкой Красной Армии, мобилизации сельхозпродуктов на нужды германской армии, а также по отбору кандидатов на отправку на принудительные работы в Германию.

Ходил Василь по деревне в гражданской одежде, только на левой руке была повязка с надписью по-немецки «полицай». По всей вероятности, он также освещал общественно-политическую обстановку в деревне, подбирал и собирал характеризующие данные на кандидатов в информаторы для военной жандармерии рейхсвера. Раза два в месяц в деревню наезжал представитель военной жандармерии, в чине унтер-офицера, Герман Пфлигер, лет тридцати пяти, обрусевший немец из Запорожской области, имеющий за плечами, до войны, строительный техникум и должность мастера-строителя одной из строительных организаций города Сумы.

Где-то в начале 1942 года, Стреха зашел в дом, где квартировал Назар Кошечкин, и вручил ему напечатанную на пишущей машинке повестку, заверенную печатью, с предписанием явиться такого-то числа, к такому-то времени в районный центр, в военную жандармерию, для допроса. На вопрос Назара о причине вызова, Стреха небрежно пояснил, что ничего страшного здесь нет, немцы полдеревни уже вызывали в район, и все вернулись живыми и невредимыми. Кошечкин спросил, а может быть, хотят отправить на работу в Германию, но Василь пояснил, что рейху инвалиды не нужны – ведь там придется работать физически, как на заводах и фабриках, так и в сельском

хозяйстве. Назар облегченно вздохнул, подумав как права пословица «нет худа без добра». Естественно, в точно назначенное время, Назар прибыл в военную жандармерию, где дежурный солдат проводил его в кабинет Германа Пфлигера.

Герман поинтересовался, как Назар добрался до райцентра, не голоден ли, распорядился секретарше принести в кабинет чаю и бутербродов с маслом и колбасой. За чаем началась неторопливая беседа. Герман задавал конкретные вопросы, в основном автобиографического и производственного характера, и, видимо, сличая в уме с уже имеющимися в его распоряжении данными в отношении Кошечкина. Вероятно, у него было личное дело помощника бухгалтера Кошечкина, которое в спешке не успели уничтожить в правлении колхоза, да, и к тому же, оперативные материалы, полученные на Назара от знающих его односельчан, в том числе и от Стрехи.

В беседе Герман одобрил факт невступления Назара в комсомол, его трудолюбие, любознательность и общую эрудицию. Здесь же он пояснил, что жидовский режим коммунистической верхушки России во главе с бывшим семинаристом Иосифом Джугашвили (Сталиным) ставил перед собой цель искоренить славянское население, сделать из них рабочее «быдло» для жидов и прочих инородцев. Привёл примеры, где фигурировали поляк Феликс Дзержинский, инородец Генрих Ягода, сионизированный русский Николай Ежов, грузин Лаврентий Берия, все наркомы внутренних дел, и что они «наворочали» за время руководства репрессивным аппаратами ВЧК – ОГПУ -

НКВД. Зачитал распоряжение Ленина о создании концентрационных лагерей для «социально чуждых элементов». Красочно рассказал о миллионах репрессированных, благодаря рабскому труду которых, значительно поднялся уровень индустриализации и военной мощи России. Твердо заявил, что «третий рейх», как минимум к концу 1942 года, одержит окончательную победу в войне с жидомасонами и коммунистами, и наступит безбедная жизнь и процветание для славянских народов. Назар делал вид, что внимательно слушает унтер-офицера, мучительно думал, куда же клонит представитель жандармерии. Но ответ был получен спустя час-полтора. Пфлигер сделал Кошечкину вербовочное предложение, что называется, «в лоб», заявив, что по своей эрудиции, трудолюбию и другим качествам Назар может оказать существенную помощь оккупационному режиму, что, безусловно, зачтется новыми властями после окончательной победы Германии.

Кошечкин уныло парировал, что, дескать, я могу, ведь я и в армии-то не служил, думая, что его хотят назначить на должность полицая. Пфлигер пояснил, что от Назара отнюдь не требуется знание военного дела, но будущие задачи будут сводиться к скрытому выявлению агентов НКВД, саботирующих, новый порядок и могущих совершить акты диверсий и террора против представителей немецких войск и гражданской администрации, а также вести скрытую разведывательную работу о передвижении, вооружении и концентрации вооружённых сил вермахта. Добавил, что его предложение, как представителя германского государства,

служит как бы лакмусовой бумажкой на лояльность Кошечкина новым властям, намекнув, что в случае отказа, у Назара могут быть большие неприятности, самая меньшая из которых – отправка на принудительные работы в Германию. Ну что тут сделаешь... и Назар согласился.

Пфлигер выйдя из кабинета, приказал секретарше принести две стопки водки. Затем он вытащил из ящика стола лист бумаги, где типографским шрифтом на немецком и русском языке было напечатано обязательство о сотрудничестве с военно-полевой жандармерией германских вооружённых сил. Ему только следовало вписать в обязательство фамилию, имя, отчество, поставить дату и расписаться. Когда Назар это сделал, Пфлигер пояснил, что в делопроизводстве жандармерии он ни в коем случае не должен фигурировать под своей настоящей фамилией и тут же спросил, какой советский артист нравится Назару. Тот ответил, что Николай Крючков, кумир довоенного кинематографа, очень нравившийся прекрасной половине российского зрителя, особенно по патриотически романтическому фильму «Трактористы», да и другим произведениям тогдашнего киноискусства.

Герман предложил собеседнику взять себе фамилию Крючков, но Назар, немного подумав, сказал: «Можно я буду просто – «Артистом», без фамилии». Пфлигер согласился, после чего «обмыли» взаимное соглашение. И начались у Кошечкина серые будни, как негласного информатора жандармерии. Естественно, вначале он внутренне переживал, но потом успокоился, резонно подумав, что не он первый и не он последний; тем более что война есть война,

и каждый человек в ней должен приспособливаться и каким-то образом выживать.

Нельзя не сказать, что как оперативный работник жандармерии, Пфлигер был не очень силён. Но он с немецкой педантичностью выполнял все предписания своего ведомства, где чётко прописаны цели, задачи и методы работы с информаторами из числа российских граждан, проживающих в окружении военных частей германских войск. Естественно, встречался Пфлигер со своими осведомителями в гражданской одежде, вне здания жандармерии либо в райцентре, либо в лесном массиве неподалёку от него.

Тут следует сказать, что военно-полевая жандармерия в лице Пфлигера «угадала» с Кошечкиным, т.к. по натуре он был любознательным человеком, обладавшим аналитическим складом ума, стремившимся зачастую докопаться до истины. То есть был своеобразным романтиком информационно-осведомительской деятельности.

Вскоре у вновь испечённого «Артиста» появились конкретные результаты. В частности, он выявил вновь прибывших в деревню под видом беженцев несколько молодых женщин, которые, на его взгляд, не вполне соответствовали обличью и поведению сельского жителя, да и нередко они выезжали за пределы деревни, как Назар выяснил, в районный центр и другие места, где дислоцировались немецкие войска и административные органы. Тщательно присмотревшись к каждой из женщин, он поделился своими сомнениями с шефом Пфлигером. Тот

пообещал разобраться, и, спустя некоторое время, женщины были арестованы и отправлены в райцентр.

На встрече, на лесной опушке Пфлигер поздравил «Артиста» с первым успехом и вручил ему в качестве вознаграждения сто рейхсмарок, не забыв дать ему расписаться в ведомости о получении денег. Дальше – больше. Кошечкин всё входил и входил во вкус сыскной работы. Самым крупным его успехом было выявление представителя советских партизан, который, подкупив полицая Стреху деньгами и самогоном, получил статус деревенского жителя и устроился кучером в райцентр к одному из руководителей немецкой гражданской администрации. После ареста партизана, говорили, что в погребу у него при обыске нашли крупную сумму в рублях и рейхсмарках и даже радиостанцию, но действительно ли это было так, либо это было вымыслом, Назар так и не узнал.

За утерю бдительности и потворство партизану, Василию Стрехе немцы «намылили шею», продержали несколько суток под арестом, и, в конце концов, убедились, что полицай просто по своей нерадивости и жадности к деньгам «пригрел» партизана, но цели навредить новому порядку не имел.

Видимо, структура военно-полевой жандармерии доложила о перспективном информаторе «Артисте» в вышестоящий орган, где на него сделали определённую ставку, однако посоветовали тщательно проверить осведомителя на предмет надёжности и лояльности к оккупационным властям.

Проверку информатора Пфлигер учинил следующим

образом, наивно не сомневаясь в своей опытности, дальновидности и мастерстве в жандармском деле. Как-то вечером в дом, где квартировал Назар, зашёл молодой мужчина лет двадцати пяти (примерно того же возраста, что и Кошечкин) и спросил, может ли он видеть постояльца. Хозяйка ответила утвердительно и позвала Назара. Пришедший представился Семёном Никитенко, бывшим комсомольцем и выпускником архитектурно-строительного техникума. Передал привет Назару от бывшего комсомольского секретаря Мыколы Ступара, по рекомендации которого он и пришёл к Кошечкину. Назар внимательно посмотрел «аусвайс» Никитенко, который он усиленно толкал в руки собеседнику и спросил, а где сейчас Мыкола. Никитенко, понизив голос, заговорщически сообщил, что Ступар сейчас большой человек в партизанском отряде. Назар поинтересовался, чем он может быть полезным Никитенко. Тот попросил содействия в поиске работы и жительства в их деревне. Кошечкин ничего конкретно не обещая, пояснил гостю, что будет иметь его просьбу в виду, но удастся ли это дело решить – весьма проблематично, т.к. он человек маленький.

По ходу беседы Назар ненавязчиво поинтересовался, как здоровье Мыколы Ступара, по-прежнему ли его мучает язва желудка. Гость, нисколько не смутившись, ответил, что сейчас Мыколе с язвой гораздо легче, боли прекратились. Назар плавно перевёл разговор на другую тему. На самом же деле Мыкола был здоров как бык, никакими болезнями не страдал. Этот вопрос был лишь ненавязчивой уловкой «Артиста» по проверке гостя. Про себя Назар подумал, что

Никитенко непросто и довольно находчив, но его шефы не продумали всех нюансов беседы с Кошечкиным, проинструктировав его о внешности, характере, наклонностях бывшего комсомольского секретаря, а вот о его здоровье рассказать забыли.

Расстались собеседники внешне доброжелательно, Семён обещал придти к Назару недели через две-три, пояснил, что он остановился в райцентре у знакомой женщины по ул. Т. Шевченко, дом пятнадцать. На предложение гостя выпить по стакану самогона из имеющейся у него маленькой фляжки, Назар вежливо, но твёрдо отказался, резонно про себя отметив, что не гоже употреблять спиртное с незнакомым человеком, пусть даже передавшем привет не только от комсомольского вожака, но и от родителей Кошечкина.

Спустя несколько дней, Никитенко на встрече с Пфлигером рассказывал своему шефу о результатах общения с объектом заинтересованности Кошечкиным. Герман «затемнил» ему, что в жандармерии имеются непроверенные сведения о нелояльности Кошечкина и возможной связи его с представителями партизан. Никитенко во всех подробностях описал Пфлигеру ход беседы с Назаром, не забыв подчеркнуть, как он ловко выкрутился при ответе на вопрос о язве желудка у Мыколы Ступара, получив одобрение у шефа. Герман поблагодарил «своего человека» за выполнение поручения, вручил вознаграждение и рекомендовал дальнейшее общение с Назаром не вести, а при случайной встрече в райцентре пояснить, что вопрос с трудоустройством и жильем он решил через другие

возможности.

Примерно в тот же отрезок времени «Артист» условным сигналом на столбе неподалёку от военной жандармерии попросил срочной встречи с шефом. На лесной опушке Назар после приветствия и непродолжительной беседы рассказал Пфлигеру о контакте с подозрительным человеком по фамилии Никитенко Семёном Михайловичем, 1918 года рождения. Герман спросил, чем же подозрительным оказался «Артисту» Никитенко. Назар по полочкам разложил содержание состоявшегося разговора с Семёном, акцентировав внимание на ответ гостя на вопрос о язве желудка комсомольского секретаря, и его высокой должности в партизанском отряде.

Пфлигер деловито делал пометки в своём блокноте, в заключение заявил, что они, т.е. военная жандармерия тщательно разберутся с Никитенко и о результатах обязательно проинформируют «Артиста». Вручил информатору вознаграждение в рейхсмарках и, довольный результатом проверки Кошечкина, распрощался с ним. Доложив письменно информацию о проверке «Артиста» в вышестоящую инстанцию военно-полевой жандармерии, Пфлигер получил указание задействовать «Артиста» в более важных и серьёзных мероприятиях жандармерии. Вскоре Герман сказал Назару, что их «большой шеф» поручает ему ответственную миссию: руководство группой информаторов (резидента) и спросил, справится ли с этим делом «Артист». Кошечкин ответил: «Буду стараться». После этого он был подробнейшим образом проинструктирован о формах и методах работы с негласными источниками информации.

В течение следующего месяца Пфлигер познакомил Назара с каждым из информаторов. Ими были: местный сапожник, ветеринарный фельдшер, сторож бывшего правления колхоза и пожилая женщина – вдова, регулярно сдающая комнату в своём доме квартирантам. «Артист» своим аналитическим умом прикинул – что он может поиметь от каждого из своих помощников.

Результаты оперативной деятельности Назара не замедлили сказаться. Его группой выявлены несколько связанных партизанского отряда и кадровый офицер Красной Армии, бежавший из плена, и, под видом беженца из района военных действий, остановившийся на постой у пожилой вдовы. Та незамедлительно сообщила своему руководителю «Артисту», что её постоялец хоть немыт и обросший, вовсе не похож на крестьянина, говорит грамотно и культурно, вежлив, и, кроме того, в его телогрейке в потайном кармане она обнаружила жетон офицера Красной Армии. Далее было делом техники; ночью в дом зашли два жандарма, произвели допрос и обыск постояльца и увезли его в райцентр. Дальнейшая его судьба Назара не интересовала.

Негласная деятельность по линии немецкой военной жандармерии всё больше завлекала и втягивала его, он имел деньги на поощрение информаторов, часть которых он оставлял себе, сам расписываясь в денежной ведомости. Это не считая, что лично сам он получал от Пфлигера определённые суммы. Повторяю, что им двигала романтика негласной работы, выгоды от неё, осознание, что он является как бы хозяином человеческих судеб. О том, что наносит урон своей Родине, ничем его не обидевшей и давшей ему

бесплатное образование, должность, право на отдых и т.п. он как-то не задумывался.

Родители Назара также никаких обид и претензий к государству не имели, воспитывали сына, как положено, хотели видеть его преуспевающим бухгалтером, но война спутала все карты. Кстати младший брат Назара – Виктор, 1921 г. р. был призван в 1940 году в Красную Армию и героически погиб под Ельней. Но видно у каждого человека своя судьба, которая обусловлена его знаком зодиака, расположением звёзд при рождении и множеством других факторов, на которых останавливаться не будем.

Прошёл год работы «Артиста» в качестве резидента военной жандармерии. О нём уже знали в центральном аппарате жандармерии в Берлине и доложили в управление имперской безопасности (которое возглавлял обергруппенфюрер (генерал) СС Кальтенбруннер), с предложением о более активном использовании в интересах безопасности рейха перспективного резидента «Артиста» из числа русских граждан.

Один из руководителей отдела управления, прочитав докладную военной жандармерии, высказал своё мнение – использовать «Артиста» в разработке подполья Организации Украинских Националистов (ОУН) на Западной Украине, которые, кстати сказать, приносили немало урона и вреда немецким войскам.

Читатель, должно быть, знает, что с 1920 по 1939 год Западная Украина находилась под Речью Посполитой (Польшей). И только в начале второй мировой войны, когда Германия оккупировала Польшу, Красная Армия вошла в

Западную Украину, и тем самым было осуществлено насильственное присоединение западных областей Украины к Советскому Союзу, мотивируя это волей населения, около двадцати лет бывшего под Польшей. Так Союз и Германия разделили свои сферы влияния. Польская тайная полиция («дефензива») особо активно по структурам ОУН не работала, так как имела много других проблем, что позволило организации украинских националистов «набрать вес» в западных областях Украины (прим. автора).

ОУН имела разветвлённую налаженную сеть, начиная с мелких сёл и деревень, кончая крупными городами и областными центрами. Структуры ОУН назывались проводами. Функционировали центральный провод, районные и областные провода, которые возглавляли проводники, авторитетнейшие люди в иерархии националистов, хорошо образованные и грамотные люди, имевшие большой жизненный опыт, навыки конспиративной, агитационной и боевой деятельности. В ОУН имелись большие финансовые средства, хорошее вооружение, за исключением, пожалуй, танков и самолётов, пропагандистские материалы, нелегальные типографии. Руководители ОУН нацеливали своих членов на бескомпромиссную борьбу за «самостийную» Украину, основными врагами которой они считали русских («москалей»), немцев (Германию) и поляков.

С учётом того, что Кошечкин был по национальности украинцем, хорошо знал украинский язык (хотя украинцы – западники говорили на смеси польского и украинского языка), нравы и обычаи народа, было принято изложенное

выше решение управления имперской безопасности Германии об использовании «Артиста» по освещению деятельности оуновцев.

В подразделение военной жандармерии в г. Сумы вскоре пришла шифровка с предписанием командировать «Артиста» в город Луцк Волынской области в распоряжение подразделения имперской безопасности. Вскоре на военном самолёте он был доставлен в Луцк.

В деревне, где жил и работал Кошечкин, был распространён слух, что Назар якобы бежал к партизанам, либо в расположение войск Красной Армии и проводились даже розыскные мероприятия с использованием местного полиция и группы жандармов из райцентра. Всё это делалось с целью зашифровки резидента «Артиста». Легенды, объясняющие внезапный отъезд Кошечкина, были также доведены до каждого его помощника из числа сельских жителей.

Прибыв в Луцк, Назар был поселен на конспиративную квартиру структуры имперской безопасности в тихий, незаметный домик на окраине города. На следующий день с ним встретился руководитель отдела управления имперской безопасности доктор Иоганн Хальценбайн, имеющий чин СС, соответствующий армейскому званию «подполковник». Об Иоганне остановимся подробнее.

Это был сорокалетний мужчина, тёмный, худощавый и невысокий, совсем не похожий на арийца. Довольно неплохо владел русским языком. Родился в небогатой семье мастера одного из заводов Круппа. После окончания школы поступил в университет в Лейпциге на факультет

математики, успешно окончил его и получил степень доктора математики, что соответствует нашему званию «кандидат наук». Преподавал в университете, в 1934 году вступил в национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП), искренне веря, как и большинство граждан рейха, в гуманные идеи партии по заботе о простом народе Германии, в первую очередь о рабочем классе, которые проповедовали Гитлер, Борман, Рем и другие партийные руководители. Он резонно полагал, что при правлении кайзера никогда бы не стал доктором математики, а был бы в лучшем случае мастером на заводе или сельским учителем. А вот Гитлер и его детище НСДАП, дали ему всё. Он активно участвовал в митингах и партийных собраниях, нередко выступая на них с зажигательными речами о свободе, равенстве и особой мировой миссии народа рейха.

Где-то в 1935 году к нему в кабинет пришёл солидный человек в штатском, предъявив удостоверение сотрудника службы имперской безопасности Германии. Мужчина подробно расспросил о житье-бытье Иоганна, его жалованье, работе, семейной жизни, связях. Спустя час-полтора сделал ему предложение перейти на службу в управление имперской безопасности, пояснив, что Германия нуждается в таких людях, как Хальценбайн. Иоганн не задумываясь, согласился, только слегка усомнился, «потянет» ли он на новой для себя работе. Мужчина пояснил, что «не боги горшки обжигают», было бы желание, и он освоит в полной мере сложную и опасную работу сотрудника-агентуриста имперской службы безопасности.

Затем была полугодовая индивидуальная подготовка

с изучением испанского и русского языка. После этого, зарубежная командировка, под прикрытием корреспондента небогатой рабочей газеты, в Испанию, целью которой было вскрытие каналов военного сотрудничества, в том числе и финансирования со стороны РСФСР, республиканской Испании. Нужно отметить, что Иоганн добился конкретных положительных результатов, приобрел информаторов из числа членов испанской компартии и представителей военных. Его краткие, четкие, выверенные доклады с изложением конкретных фактов и прогнозов (математика давала о себе знать) ложились на стол высшего руководства имперской канцелярии. Естественно, Иоганну присваивались досрочно звания, вручались подарки, благодарственные письма от имени руководства управления. После начала второй мировой войны он руководил отделом по выявлению и пресечению антигитлеровской деятельности со стороны представителей украинских националистических организаций: ОУН и УПА (украинская повстанческая армия).

Несмотря на большую занятость, Хальценбайн выбрал время для поездки в Луцк и встречи с «Артистом», о котором были такие положительные отзывы из управления военной жандармерии. На встрече с Назаром он вёл себя холодно-вежливо, но без высокомерия. Активно интересовался жизнью Кошечкина в России, положением дел на территории Сумской области после оккупации её немецкими войсками, методикой сыскной деятельности военной жандармерии и многими другими проблемами.

Пока Назар подробно отвечал на вопросы и

рассказывал о себе, Иоганн думал, какова всё-таки жизнь. Ведь по идее русский должен быть на стороне своей родины, если не в армии, или в партизанах, то хотя бы соблюдать нейтралитет, а тут видишь как. Вот что значит судьба, воспитание, идеология. Не все, видимо, у коммунистов-жидомасонов в порядке с идеологией, коль скоро сдаются и переходят на сторону рейха целыми армиями, имея в виду ударную армию генерал-лейтенанта Власова, с высшими чинами которой ему приходилось общаться в Берлине. Спустя полтора – два часа, поднялся, и дружелюбно распрощался с Кошечкиным, пояснив ему, что на следующий день ему придётся встретиться с одним из руководителей структуры имперской безопасности, осуществляющих контрразведывательную работу на территории Волыни. Вернувшись в здание структуры, по «горячим следам» написал своё резюме по поводу беседы с «Артистом» с выводами и предложениями по его дальнейшему использованию в разработке оуновского подполья, действовавшего на территории Волынской области, но только с акцентом на недопущение ими вреда Германии, а России – сколько угодно. Пригласил в кабинет руководителя подотдела Вильгельма Ратенау, чей эсэсовский чин также соответствовал армейскому подполковнику, его возраст подходил к пятидесяти.

Кратко остановимся на судьбе Ратенау. Это был выходец из зажиточной бюргерской семьи. Окончил юнкерское училище, принимал участие в первой мировой войне. В конце двадцатых годов, принят на службу в структуру внешней разведки Германии. Был в двух

длительных заграничных командировках в странах с испаноязычным населением т.к. хорошо владел испанским языком. В последней командировке в одной из латиноамериканских стран, сопредельных с Соединенными Штатами Америки, с ним произошёл неприятный случай, поставивший крест на его дальнейшей карьере разведчика. Естественно, основной задачей посольской резидентуры Германии в сопредельной с США стране явилось добывание военной, политической и экономической информации по могущественному соседу небольшого государства. Как говорил шеф Вильгельма, будучи немного «под шофэ»:

-Ты будешь находиться на самом острие нашей тайной войны с толстопузыми американскими олигархами.

Внешне Ратенау был весьма симпатичным, рост примерно 175 см, атлетически сложен, белокур, обличье мужественное, арийское. Естественно, он нравился женщинам, и они нравились ему. Однажды в одном из ресторанов он познакомился со смуглой мулаткой Долорес, с её слов работающей секретаршей в одной из фирм, продающей автомобили, поступающие из США. Вильгельм прикинул, что знакомство с ней будет для него вдвойне полезным: и для работы и для души. Завязался роман.

Долорес на контакт с арийцем шла охотно, отличалась весёлым, общительным нравом, была стройной, подвижной молодой женщиной. «Вот что значит солнце, и море и фрукты», - думал Вильгельм, латиноамериканки гораздо шустрее, симпатичнее и раскованнее немецких фройляйн и фрау, в том числе и его супруги Марты. Однажды после совместного времяпровождения в ресторане, Вильгельм

предложил Долорес продолжить веселье в номере маленькой гостиницы, который он уже заказал. На самом же деле этот номер использовался посольской резидентурой Германии для встреч с нужными людьми и оплачивался из казны посольства. Использовать в личных целях и «светить» номер, категорически запрещалось, но если очень хочется... Когда вечеринка достигла апогея и любовники оказались голыми в постели, в номер ворвались два человека в штатском в сопровождении администрации гостиницы.

Долорес разыграла неподдельный испуг, визжала и плакала. Ворвавшиеся мужчины, (один белый, второй негр) предъявили Вильгельму служебные удостоверения ФБР США, приказали одеться, а Долорес покинуть номер. Ратенау предъявил им своё посольское удостоверение и пояснил, что обладает дипломатической неприкосновенностью.

-Мы вас заочно прекрасно знаем, - отпарировали американцы, - Но, думаем, что в ваших интересах переговорить с нами.

-Вы же находитесь и действуете на территории независимого государства, - заявил Ратенау.

-А у нас с этим государством имеется письменный договор о сотрудничестве и оказании взаимной помощи, в том числе, и в правоохранительной сфере, - отпарировал сотрудник ФБР, показав заверенную печатью копию межправительственного договора.

-Всё предусмотрели сволочи, - грустно подумал Вильгельм и согласился на беседу.

Основную роль в вербовочной беседе с немцем играл чернявый, похожий на еврея американец, лет 40. В его

удостоверении значилась длинная фамилия типа Залмансон, а имя Аарон. Негр, здоровый детина весом под 100 кг, играл могучими бицепсами и изредка вставлял в разговор короткие фразы. «Наверное, бывший борец или боксёр и взят на операцию на случай оказания мною физического сопротивления. Такой одним ударом быка свалит, не то, что человека».

Между тем, Аарон вёл вербовку Ратенау по накатанной колее и отработанной схеме. Тут фигурировали и автобиографические данные Вильгельма, его участие в войне 1914 года, супруга Марта и дети, скрытно сделанные фото в различных ракурсах с Долорес и т.п. Аарон подчёркивал, что руководство попавшего впросак немецкого разведчика-агентуриста по головке его не погладит, тем более, что «погорел» он на женщине - подставе. «Где же ваш выдержанный арийский характер?», - вопрошал Аарон, а негр по имени Джозеф саркастически улыбался. Ратенау про себя решил, что на сотрудничество с фэбээровцами он никогда не пойдёт, но поиграет с ними в «кошки-мышки». В заключение, Аарон и Джозеф предложили «замять» этот неприятный для Вильгельма инцидент, но взамен он должен поставлять им некоторые сведения по посольству Германии, а, особенно, по резидентуре.

Ратенау, делая вид что, мучительно переживает и колеблется, согласился, но сразу же сказал, что никаких документов подписывать не будет, и попросил при нём уничтожить его фотокарточки с Долорес и их негативы. Американцы охотно согласились, так как располагали копиями, а весь разговор с Ратенау скрытно записывали на

портативный магнитофон, спрятанный в просторном пиджаке Джозефа. На том и порешили, обговорили способ конспиративной связи и сумму вознаграждения за услуги Ратенау. Оставили в качестве аванса тысячу долларов (десять стодолларовых купюр с портретом одного из президентов Америки). Их Вильгельм брать отказался, но американцы оставили деньги на столике, залопотав «о кей, о кей». Внешне доброжелательно распрощались и покинули помещение.

Придя в посольство, Ратенау сразу попросился на приём к заместителю резидента Фишеру, пояснив, что разговор серьёзный и безотлагательный. О случившемся с ним в гостинице он подробно рассказал Фишеру, затем всё изложил письменно и приложил к документу 1000 долларов, полученных от сотрудников ФБР. Заместитель сразу же прошёл к резиденту, а тот спустя час, к послу. Глубокой ночью на имя руководителя внешней разведки рейха поступила шифровка, где описывалось случившееся с Ратенау и высказывалось предложение затеять оперативную игру с ФБР. Но вскоре пришёл ответ, в котором предписывалось откомандировать Вильгельма Ратенау в Берлин. По прибытии в Германию, в беседе с двумя высокопоставленными сотрудниками разведки Вильгельма по отечески пожурили, сказав, что строго наказывать не будем и предложили перейти на службу в восточное представительство имперской безопасности, действующее в одном из городов на границе с Польшей. Вначале Вильгельму поручили ведение разработок сионистского подполья, выявление и пресечение каналов связи и финансирования его со стороны еврейской международной

организации «Джоинт». Здесь Ратенау преуспел, помня, как его «опрокинул» Аарон и как ФБР «обставили» его с любовным романом с Долорес, чьё смуглое тело, чёрные волосы и живые тёмные глаза он хорошо помнил. Ретивого и трудолюбивого сотрудника сразу заметили, стали поощрять и двигать по служебной лестнице. Так Вильгельм возглавил подотдел представительства имперской службы безопасности, в функции которого входила контрразведывательная работа по структурам организации украинских националистов и еврейских сионистов. Руководство имперской безопасности знало, что начнётся война с Россией, и Польшу никак не миновать, и заблаговременно организовали плановую агентурно-оперативную работу на территории Польши.

Так судьба свела нашего героя повествования Назара Кошечкина с неудавшимся разведчиком, но опытным контрразведчиком Вильгельмом Ратенау, который провёл с «Артистом» на протяжении недели ряд встреч на конспиративной квартире. Он сразу поставил перед Назаром задачу, внедриться в подпольную структуру ОУН с целью выявления её планов и замыслов по вооружённой и идеологической борьбе с третьим рейхом. Пояснил, что задача эта очень сложная. Рассказал об истории возникновения ОУН, её материальной и идеологической основе, главных руководителях, формах и методах боевой и пропагандистской деятельности, организационной структуре.

Следует отметить, что имперская служба безопасности, не хуже чем НКВД СССР работала по ОУН и

накопила по ней солидную базу данных, которые в случае оперативной необходимости умело доводили до сведения коллег из России. Затем Вильгельм познакомил «Артиста» с «опером» (если можно так назвать рядового сотрудника имперской безопасности) Оливером Кацке. Это был молодой мужчина, историк по образованию, чьё звание соответствовало армейскому «обер-лейтенант». Кацке тщательно отработывал со своим помощником Назаром методику внедрения в Волынский районный провод ОУН, дал развёрнутые характеристики руководителям референтур и особенно службы безопасности.

По информации Оливера, провод возглавлял бывший магистр медицины Василь Балабан, лет сорока пяти, авторитетнейшая фигура в среде ОУН. Грамотный, начитанный человек, хороший организатор. Лично знаком со Степаном Бандерой. Готов работать сутками по борьбе за «самостоятельность Украины». К врагам - жесток и беспощаден. Вместе с тем, доброжелателен к рядовым боевикам и функционерам, особенно по линии разведки и контрразведки. Деловит, с подчинёнными руководителями строг, но справедлив. Никаких элементов заносчивости и чванства в связи с высокой занимаемой должностью, нет. Несколько раз арестовывался контрразведывательными органами Польши и Румынии, но обводил их за нос и выходил из воды сухим.

Начальником службы безпеки провода, со слов Кацке, был Тарас Головня, лет тридцати пяти, окончивший Львовский университет, факультет естественных наук. Хитрый и коварный человек, до сих пор холост. Говорил,

что женится только тогда, когда Украина обретёт независимость. Прекрасно владеет формами и методами оперативной работы и, по всей вероятности, обладает гипнотическим даром. «Мягко стелет, но жёстко спать». Борец за идею, бессеребренник. Постоянно выдумывает и планирует хитроумные комбинации по выявлению агентов НКВД, гестапо, дефензивы (тайная полиция Польши), работающих против их организации. Болезненно подозрителен, особенно к вновь попавшим в его поле зрения людям. Имеет прямой выход в любое время дня и ночи на районного проводника Балабана.

Кроме того, Оливер дал развёрнутые характеристики боевикам службы безопасности, утомлять которыми читателя не буду, но на одном остановлюсь. Это Ондрей Миц, возраст двадцать восемь лет, бывший дьякон униатской (греко-католической) церкви в одном из приходов Луцка. Видимо сам бог благословил Ондreja на «свёртывание голов» со врагов ОУН. Имел за плечами всего лишь незаконченное среднее образование, но много читал, любил исторические романы, особенно ему нравилось произведение Н.В. Гоголя – «Тарас Бульба». Многие из этой книги он взял себе на вооружение как боевик-агентурист службы безопасности провода. Голова его, несмотря на небольшой возраст, была практически лысой, носил очки. Был жесток и удачлив, любил свою супругу и двух маленьких детей, живших в селе под Луцком. Охотно брался за любую операцию по устранению выявленных врагов организации, постоянно выдумывал новые способы устранения и устрашения этими фактами, как немцев, так и местных жителей, нейтрально

относящихся к ОУН. «Все, кто не с нами, тот против нас», - любил повторять Миц. Располагал широким кругом гласных и негласных связей среди жителей городов и сёл, входящих в территорию функционирования Волынского провода ОУН. Пользовался авторитетом у руководителя СБ Головни, которому начальник доверял самые важные секреты, а также планируемые активные операции и комбинации.

Но вернёмся к «Артисту» и его непосредственному шефу Оливеру Кацке. Оливер посоветовал Назару проштудировать основные трактаты ОУН, содержание их листовок, цели и задачи организации, чтобы уже вооружённым знанием «засветиться» перед кем-либо из активистов ОУН. Причём ввод в поле зрения будет не прямым, а поэтапным, с использованием агента имперской службы безопасности, ранее внедрённого в структуру Волынского провода.

Этот человек по фамилии Бронислав Головинский уже неоднократно говорил своему шефу из ОУН, что в Сумской области у него есть дальний родственник, «гарный хлопец» Назар Кошечкин, грамотный человек, имеющий за плечами средне-специальное образование. В армии не служил, в комсомоле не состоял, в тюрьме не сидел. А вот его отец якобы преследовался чекистами и был раскулачен в двадцатые годы. К немцам и «москалям» Назар относится отрицательно, и его вполне можно привлечь к нашей борьбе. Исподволь внушал шефу, чтобы тот проверил через службу безопасности Назара, а также дал добро на написание ему письма, содержание которого согласовал с руководителем и доложил, что отправил письмо Кошечкину, где предлагалось переехать

в Луцк, где есть неплохо оплачиваемая работа для финансиста. На самом же деле письмо Бронислав никуда не отправлял, а конспиративно передал Кацке. Сотрудник имперской безопасности через свои возможности поставил на нём штамп и оставил его у себя. А когда «Артист» прибыл в Луцк, отдал послание ему, подробно обговорив, какую цель преследует мероприятие с письмом, а также какую роль играет в этом Головинский, детально описав его внешность, приметы, характерные выражения и манеру разговора, а также по какой линии тот якобы является дальним родственником Назара.

Когда «Артист» всё усвоил, Оливер приказал ему не бриться, не принимать душ, несколько дней не есть, чтобы выглядеть измождённым после дальней поездки из Сумской области в Луцк, не забыв предоставить использованные железнодорожные билеты и рассказать, через какие станции, и в какое время проходит поезд.

Через несколько дней, в квартиру Головинского в Луцке постучался скромно одетый, обросший двухнедельной щетиной, нестриженный молодой мужчина, с маленьким чемоданчиком в руке. Дверь открыл сам Бронислав, поздоровались. Назар показал ему аусвайс и письмо, о котором изложено выше. Хозяин пригласил гостя пройти в комнату, предложил чай и нехитрую снедь. Сам же извинился, пояснив, что отлучится на час и придёт вместе с помощником руководителя боёвки. Однако, пришли они не вдвоём, а втроём. Третьим был Ондрей Миц, о котором говорилось выше.

Помощник руководителя и Ондрей представились

Назару и пожали ему руку. Далее за чаем завязалась неторопливая беседа. «Артист» чётко выдерживал отработанную ему Кацке линию поведения и разговора с оуновцами. Палку не перегибал, старался выглядеть человеком из глубинки, но, тем не менее, в достаточной мере разбирающимся в истории Украины, попытках русификации её «москалями». На вопросы, что побудило его примкнуть к националистам, отвечал сбивчиво, но достаточно логично. Беседу в основном вёл помощник руководителя боёвки Филимон Сова, мужчина лет 35, бывший работник почтового ведомства Луцка. Ондрей Миц изредка вставлял в разговор фразы, но со стороны внимательно наблюдал за реакцией Назара на те или иные вопросы, обращая внимание, не дрожат ли у гостя руки, не краснеют ли уши, то есть выполнял роль живого детектора лжи. Для «Артиста» это не было неожиданным, так как на 90% эту ситуацию для него сэкстраполировал Оливер Кацке. Назар про себя отметил неплохой профессионализм и знание психологии оуновцев сотрудником имперской безопасности. В заключение Филимон Сова сказал Назару, что в принципе его берут в боёвку, но надо пройти подготовку типа курса молодого бойца. Пояснил, что против ОУН в данный период активно работают две мощных спецслужбы: НКВД России и имперская служба безопасности Германии и, естественно, неподготовленного человека они сразу «расколят». Назар без колебаний согласился на подготовку к борьбе. После этого его в сопровождении боевика отвезли в отдалённый хутор километрах в пятидесяти от Луцка, где стояло всего несколько хат, и куда немцы практически не приезжали.

Вместе с ним курс подготовки проходили ещё четверо молодых хлопцев. Все они имели псевдонимы, настоящих фамилий, имён и биографических данных о себе никто не сообщал. Назару присвоили псевдоним «Писарь». Перед окружением они должны играть роль наёмных работников хозяина, выполнять все его распоряжения. Из хутора никуда не отлучаться. Занятия с курсантами проводили приезжие преподаватели, которые кроме псевдонима, ничего о себе не рассказывали.

Проходили темы конспирации, агитационной работы, организации связи с помощью «грипсов» (шифрованных писем), явочных квартир, «почтовых ящиков». В ночное время выезжали в лес, где стреляли из различных видов оружия, начиная от пистолета, и кончая автоматом. Учились метать гранаты, устанавливать мины-ловушки. Назар методом наблюдения выявил, что из соседней хаты, как днём, так и ночью за ними ведётся скрытое наблюдение, из окон и с чердака. Кроме того, один из курсантов «Грицко» вёл негласное изучение сотоварищей, и, видимо, ранее уже прошёл где-то оперативную и боевую подготовку, но о чём тщательно скрывал, выдавая себя за такого же неподготовленного человека, как и остальные курсанты. Назар, не проявляя видимого интереса к курсантам, подробно запомнил их внешние приметы, повадки, возраст, манеру разговора, тем самым уже заполучил оперативно-ценную информацию для имперской службы безопасности.

Спустя полтора месяца, курсантов отправили по разным боёвкам и больше они не виделись. Назар попал в боёвку, которую возглавлял Сашко Кравчук, имеющий

псевдо «Коваль», так как хорошо умел подковывать лошадей, что очень способствовало общению его с широким кругом людей. «Коваль» поручил Назару создать в одном из сёл разветвлённую конспиративную сеть ОУН по материальному и продовольственному обеспечению боёвки, ведущей вооружённую борьбу с немцами и постоянно дислоцирующейся в лесу. Кроме того, ему поручено выявлять информаторов немецкой полиции и военной жандармерии, кадровых сотрудников этих структур, и с помощью своих людей внедриться в их агентурную сеть.

Назар, делая вид неопытного боевика, активно взялся за дело, периодически консультируясь и советуясь с «Ковалём». Вскоре появились положительные результаты в работе «Артиста» как для ОУН, так и для имперской службы безопасности. По договорённости с Оливером Кацке Назар периодически устно передавал информацию Головинскому, будучи по бытовым и оуновским делам в Луцке. Медленно, но верно он подбирался к выявлению информации о точной дислокации «лесных братьев», их вооружении, связниках.

Всё, казалось бы, шло хорошо. Но время бежало неумолимо. Во-первых, Россия понемногу стала оправляться от неудач военных действий 1941-42 годов и начала наносить ощутимые удары по вермахту, пример которых Курская битва в июне 1943 года. Неудачи на фронте военных действий, естественно, отрицательно влияли на деятельность разведывательных и контрразведывательных органов третьего рейха. Где-то к концу 1944 года над Назаром нависла смертельная опасность, о которой расскажем поподробнее. Дело в том, что его шефу Оливеру Кацке вышел срок для

присвоения очередного специального звания по линии СС. Естественно, Вильгельм Ратенау написал на него представление, где наряду с другими положительными результатами в служебной деятельности подчинённого, заложил такую фразу. «Подготовил и внедрил информатора уроженца Восточной Украины в одну из конспиративных структур Волынского провода ОУН; умело наладил с ним связь с помощью второго агента и регулярно получает от него оперативно-ценную информацию. На основании данных ценного источника, по дислокации вооружённой группы ОУН с помощью авиации нанесён массированный бомбовый удар».

Рукописное представление дал напечатать секретарше Лоре Шнабель. Лора длительное время жила в Польше, зарекомендовала себя патриотом рейха. Ни в чём предосудительном не замечалась, и после оккупации Германией Польши, ей предложили работу в качестве секретаря-машинистки в структуре имперской службы безопасности. Как было сказано выше, организация украинских националистов довольно уверенно чувствовала себя в Польше, и их аналитики предрекали, что, в конце концов, Речь Посполитая будет захвачена могущественным соседом, Германией. Так оно и получилось. Служба безопасности центрального провода ОУН предписывала своим районным и областным подразделениям активизировать приобретение информаторов из числа лиц немецкой национальности.

Гарный украинский молодой человек, Влодько Шелудяк, работавший зубным техником и по совместительству – сотрудником службы безопасности районного

провода, сумел «подкрасться» к невзрачной немецкой девушке, вначале завлёл её в амурный роман, а затем в агентурную сеть ОУН. По рекомендации Шелудяка, Лора под предлогом поиска работы «засветилась» перед одним из сотрудников имперской безопасности, который затем и рекомендовал её в секретари-машинистки. Словом, у службы безопасности ОУН в Волынской структуре имперской безопасности имелся хорошо законспирированный ценный информатор.

Напечатав представление на Оливера Кацке, Лора несколько раз прочитала фразу о наличии информатора германской спецслужбы из числа уроженцев Восточной Украины в Волынском проводе ОУН и осуществлении связи с ним с помощью второго агента и тщательно запомнила изложенное. После этого рукопись и напечатанный документ отдала в руки Ратенау, не забыв предупредить его уничтожить черновик. Вильгельм утвердительно закивал головой. Отработав до конца рабочего дня, Лора пришла домой и сразу же позвонила по телефону в стоматологическую лечебницу, сказав, что у неё сильная зубная боль, и поинтересовалась, можно ли сейчас прийти на консультацию и лечение. Приятный мужской голос на другом конце провода ответил, что рабочий день у них заканчивается, но если она дополнительно немного заплатит, то они задержатся и окажут необходимую медицинскую помощь. Разговор этот был заранее обусловленным и Влодько Шелудяк понял, что у его информатора имеется неотложная «горящая» информация. Лора составила чёткий и краткий «грипис» на четвертушке бумаги и пошла на приём к дантисту. Следует пояснить, что

в Луцке, как и в других областных городах Западной Украины после оккупации их немцами, была довольно мирная жизнь, как в глубоком тылу, ведь фронт проходил на тысячу километров восточнее. Работали почта, телефоны, кинотеатры, рестораны, кафе, словом, вся городская инфраструктура функционировала без сбоев.

Придя в медучреждение, Лора заученно рассказала симптомы своего заболевания. Влодько вежливо пригласил её в стоматологическое кресло, тщательно осмотрел зубы. Затем пригласил медсестру и назначил лечение в виде укола и полоскания полости рта. Медсестра выполнила все рекомендации шефа и Лора стоически приняла укол в десну и другие процедуры. Далее Влодько пригласил её в свой кабинет для выписки счета за лечение. Лора, в числе рейхсмарок, вручила Шелудяку свой «грипс», и, вежливо распрощавшись с медиками, ушла.

Боевик службы безопасности, расшифровав «грипс», сразу же позвонил на «почтовый ящик» и бытовым условленным разговором вызвал к себе связного безопасности. Спустя двое суток «грипс» лежал на столе у Тараса Головни, начальника службы безопасности Волынского провода ОУН. Тарас несколько раз перечитал «грипс» и задумался. В голове сразу же зароились мысли, каким образом «вычислить» немецких агентов в своей среде. О том, что эта комбинация имперской службы безопасности, с целью отвлечь безопасность на бесплодные дела, Головня мысль сразу же отбросил. «Не похоже, чтобы это была дьявольская провокация Вильгельма Ратенау». Хотя Тарас мог ожидать от своего визави всякое. Далее он с помощью связного-посыльного вызвал к себе

боевика «опера» Ондreja Мица, с которым наметили ряд конкретных мер по перепроверке информации Лоры, установлению и обезвреживанию немецких агентов в Волынском проводе ОУН.

На следующий день Головня был уже на приёме у районного проводника Балабана. Проводник сразу же «врубился» в информацию Лоры и мероприятия по проработке данных от ценного источника. «Я не сомневаюсь, что твоя служба, Тарас, выявит предателей и накажет их, а наказание только одно – смерть», - так закончил встречу с главным эсбистом районный проводник. Словом «карт-бланш» был получен, и службе безопасности оставалось только действовать активно, конспиративно и решительно. Естественно, выявили и составили список всех уроженцев Восточной Украины из числа боевиков провода. Во – вторых, проанализировали, какие схроны в лесу подвергались бомбовым ударам. В – третьих, установили связи «восточников» с другими боевиками. Анализ полученных всех совокупных данных показал, что везде замелькала фамилия Назара Кошечкина. После этого Головня ещё раз встретился с Ондреем Мицем и обменялись мнениями об объективности полученных данных на Кошечкина. Сошлись, что именно он «зробил зраду» (предал) провод.

В заключение начальник «безопаски» сказал Мицу, чтобы тот подобрал трёх-четырёх дюжих хлопцев: «Так как будем брать Кошечкина и Головинского живьём». Через несколько дней после этого разговора боевиков СБ на имя «Коваля» пришёл «грипс» за подписью одного из руководителей районного провода, чтобы весь личный

состав его боёвки такого-то числа к такому-то часу был на месте, так как приедут работники из референтуры пропаганды и агитации, привезут свежие идеологические материалы и будут давать комментарии к ним, а при необходимости – ответят на вопросы боевиков. Дисциплина в ОУН была строгой, так что «эсбисты» были уверены, что Кошечкина они там и возьмут. На это же время был намечен захват Бронислава Головинского. Как планировалось, так и получилось. Двое крепких молодцов сели неподалёку от Назара и по условному сигналу Ондreja Мица с двух сторон заломили назад обе руки Назара, защёлкнув на них наручники. Их старший объяснил, что этот человек «зробил зраду» организации, поэтому арестован для проведения расследования и определения меры его вины. Все, конечно, были потрясены, но через некоторое время успокоились и стали заниматься своими делами.

Примерно по такому сценарию «взяли» и Головинского, только в другом месте. Пленников отвезли на один их дальних хуторов, где по отдельности под охраной поместили в специально оборудованные землянки, из которых сбежать практически невозможно. Спустя несколько часов, в землянку зашли Тарас Головня и Ондрей Миц. Оба были несколько возбуждены. Посадили Назара на табурет, а сами сели за стол напротив. Тарас с «места в карьер» заявил:

- Кошечкин, мы всё о тебе знаем, Оливер Кацке - наш человек и он тебя сдал с потрохами.

Миц в это время наблюдал за реакцией Кошечкина.

В голове Назара пронёсся рой мыслей, главная из которых о том, как и где он мог «провалиться». Ничего не

сообразив, он спокойно, насколько мог, отпарировал:

- Я не знаю никакого Кацке и, видимо, в моём задержании кроется какая-то дьявольская ошибка.

- Хорошо, - сказал Тарас, - А в каких отношениях ты со связником Брониславом Головинским?

Назар ответил:

- С Головинским я нахожусь в дальних родственных отношениях, о том, что он чей-то связник я и знать не знаю.

После этого минут пять разъяснял эсбистам степень родства с Головинским.

- Гладко врёшь, видно хорошо проинструктировали в имперской службе безопасности, но мы и не таких раскалывали, - заявили в один голос Тарас и Ондрей.

- Сейчас мы тебя чуть-чуть «потрясём», и, через несколько дней, ты расколешься, как спелый арбуз.

Ондрей громко произнес:

- Гопанец, зайди.

В землянку вошел заросший щетиной здоровый детина, неся в руках удавку, какие-то щипцы, паяльную лампу.

- Займись этой падлой, - приказал Головня.

Гопанец неожиданно тонким голосом запричитал:

- Дружко начальник, всё будет исполнено в лучшем виде. Через день - два я гарантирую вам его полное признание.

Затем подошел сзади к сидящему Назару, накиннул на его шею удавку и начал палочкой крутить, выбирая зазор. Напомним, что Назар сидел с завёрнутыми назад руками, и, к тому же, в наручниках. Дыхание перехватывало, в голове

мощно пульсировала кровь. Гопанец являлся мастером своего дела, он прекрасно знал, как принести «клиенту» максимум страданий, но так, чтобы не лишить его жизни.

- Слушай сюда внимательно, злыдень, это только «цветочки», а вот, когда начну щипцами выдергивать твои ногти и поджаривать паяльной лампой твои яйца, тогда, наверняка, заговоришь, - пищал палач.

Через час, когда Назар был достаточно измочален, Головня приказал Гопанцу прекратить пытку, и сказал, что на следующий день всё продолжится и предложил Назару ещё раз взвесить и продумать своё положение.

- Если всё расскажешь и расквесишься, то, может быть, сохраним тебе жизнь, - «темнили» эсбисты. (Хотя Назар был заранее обречён на смерть.)

После этого, Головня и Миц ушли, а Назара оставили на попечение охранника, мужчины лет тридцати, вооруженного маузером, так как с винтовкой или автоматом в землянке несподручно.

Охранник сразу же закрыл Кошечкина в специальном закутке, обнесенным сплетенной стальной проволокой, наручники остались, один из которых он пристегнул к сетке, чтобы свобода действий задержанного была до предела ограничена. Сам же охранник сел за стол, вынул из кармана шматок сала, лук, хлеб, деловито и не спеша, стал закусывать, запивая это холодным чаем из фляжки. Ни в какие разговоры он с Назаром не вступал, так как это было категорически запрещено. От запаха сала и лука пленника начало подташнивать, ввиду того, что Назар около суток ничего не ел, а, также, перенес сильный нервный стресс,

связанный с задержанием и допросом под пыткой. Кошечкин отвернулся к стене и стал мучительно обдумывать свое положение. Может быть, действительно всё рассказать начистоту и будь что будет? С другой стороны, конкретных обвинений боевики безопасности ему не предъявили, пытались взять на испуг. Но, ведь, откуда-то узнали про Оливера Кацке, и, что, Головинский является связником. Да, ситуация крайне сложная и надо тщательно её проанализировать, но утро вечера мудренее, и с этой мыслью задремал. Но, видимо, Назар родился в рубашке, или под счастливой звездой.

Было уже начало 1945 года, Красная Армия наносила по немцам мощные удары на всех фронтах, и те дружно отступали. В ночь, когда пленник с охранником находились в землянке, хутор и близлежащая к нему территория, подверглись массированному авиационному удару. Одна из бомб угодила чуть - ли не в землянку, охранник лежал контуженный и по шею заваленный землей и досками. От такой же участи Назара спасла проволочная клетка, которая всё - таки приняла на себя обрушившийся потолок землянки. Назар сразу же начал действовать, отсоединив наручник, пристегнутый к клетке. Спустя некоторое время, он выбрался из клетки, и ладонями стал разгрести путь к выходу. Пригодилась обломанная доска от обшивки потолка, которую он использовал как лопатку. Наутро Назар выбрался из землянки, конвоира трогать не стал. Мысль была одна, добраться до Луцка, или другого города, выйти на связь с работниками имперской безопасности и рассказать о случившемся, да, и передать накопленную им информацию, полученную за время нахождения у оуновцев. Он сразу же

сориентировался, куда ему двигаться, добрался до близлежащего леса, и в густых зарослях обустроил себе убежище. Целый день он пролежал в нём, а к ночи стал двигаться к намеченной цели. Спустя несколько суток, он вышел к городу Ковелю, находящемуся северо-западнее Луцка.

Методом наблюдения он выявил небольшой домик на окраине Ковеля, где жила одинокая старушка. Зайдя к ней в дом, он вежливо поздоровался и на западно-украинском сленге подробно объяснил ей, что является инвалидом, был угнан с Сумской области на принудительные работы в Германию. Но поезд на территории Польши попал под бомбёжку «москалей», многие погибли или были ранены. Он чудом уцелел и сейчас двигается к месту жительства в родное село. Сердобольной старушке стало жалко измождённого, обросшего щетиной молодого мужчину и она любезно пригласила его в дом, предложила покушать нехитрой снеди. Дала ножницы, чтобы он подстригся. Сказала, что если он ей поможет по хозяйству, то может пожить у неё несколько дней, привести себя в порядок, чтобы не привлекать внимание немецкой полиции. На том и порешили. Назар наколот дров, подремонтировал дом, сбросил снег с крыши дома и хозяйственных построек. Помылся в бане, постирал одежду и бельё.

Прожив три или четыре дня у старушки, он, длинными ночами, мучительно рассуждал о своих дальнейших действиях. Выйти на связь с представителями имперской безопасности означало опять возвращение в ОУН или в лучшем случае на территорию, которая в ближайшее время

будет занята советскими войсками. Словом, и так плохо и так нехорошо, потому, что органы НКВД и отделы армейской контрразведки «СМЕРШ» (смерть шпионам) работают, пожалуй, лучше службы безопасности организации украинских националистов. Ситуация складывалась патовая, а жить так хотелось, так как длительная война подходила к концу и грезилась мирная жизнь со всеми вытекающими из неё нюансами: работа, семья, детишки, культурный отдых и так далее.

Неожиданно в голову Назара пришла блестящая мысль – вернуться обратно в родное село, объяснив жителям, что был угнан на принудительные работы в Германию, оттуда бежал. Старушка из Ковеля сможет подтвердить его алиби. Естественно, всё нужно продумать до мелочей, начиная с маршрута движения в Германию и обратно, фамилии и примет немецкого хозяина, членов его семьи, месторасположения усадьбы. Школа Оливера Кацке давала о себе знать. Довольный собой он заснул крепким сном. Наутро он честно и благородно рассказал старушке о своём намерении вернуться в родное село, устроится работать, завести семью и, начать мирную жизнь. Попросил старушку по мере возможности собрать ему сухой паёк и посоветовать, через какие населённые пункты лучше и безопаснее всего двигаться на Восток. Та охотно разъяснила бедняге Назару наиболее оптимальный путь на восток к его родному дому, показав неплохие знания Западной Украины. Собрала ему в мешочек вкрутую сваренные яйца, варёной картошки, хлеба и небольшой кусок сала. Назар сердечно поблагодарил благодетельницу, с дальним прицелом написал ей на листике

бумаги свою фамилию, имя отчество и домашний адрес, справедливо полагая, что это может сыграть при определённых обстоятельствах для него положительную роль. На следующий день ранним утром, Назар двинулся в дальний путь к родному дому.

Два с лишним месяца наш герой добирался до своей деревни, старательно избегая встреч вначале с немецкими, а затем с советскими войсками. Придя в деревню, он застал там новую жизнь, была восстановлена советская власть со всеми исполнительными органами. Пожилая женщина, у которой он ранее квартировал, находилась в добром здравии и с радостью восприняла возвращение её «блудного» постояльца. С неделю Назар не выходил из дому, отсыпался, приводил в порядок свой внешний вид и мысли. Хозяйке он подробно рассказывал о своих злключениях во время принудительных работ в Германии. Назвал ей город Билефельд, в окрестностях которого он якобы не зная сна и отдыха, трудился у немецкого бауэра. Живописно рассказывал о подневольном труде, о своих товарищах по несчастью, давал развёрнутые (выдуманные им) характеристики на бауэра Фридриха Штейнке, его супругу Эльзу и трёх дочерей. В ходе длительных разговоров с хозяйкой, исподволь интересовался своими бывшими «шефами», Пфлигером Германом и Василем Стрехой, а также своими информаторами из резидентуры военно-полевой жандармерии. С удовлетворением воспринял, что Пфлигер бежал с немецкими войсками, Стреха убит партизанами, а все информаторы, за исключением женщины, сдававшей внаём дом, и выдавшей ему советского офицера, исчезли из

села. «Ничего страшного»,- подумал Назар: «Если она не дура, то никому не расскажет о своём сотрудничестве с немецкими властями и Кошечкиным, так как это не в её интересах». Где-то через полмесяца, пришел в сельсовет и правление колхоза, где подробно рассказал о своих злключениях, и попросил дать ему работу по финансовой части. Назначили его помощником бухгалтера, и начались трудовые будни в трудное послевоенное время. Однажды, он случайно встретил женщину - своего бывшего информатора, но та, глядя сквозь него, прошла мимо.

Теперь, на время, оставим Назара и перейдем к другим людям и событиям, сыгравшим ключевую роль в дальнейшей судьбе «Артиста».

Опер СМЕРШа, Баймухаметов Сергара.

Одним из основных героев нашего повествования является сын казахского народа, Баймухаметов Сергара. Родился он в 1922 году, в маленьком ауле Восточно-Казахстанской области. Отец его был чабаном, пас баранов, мать- домохозяйка. У Сергары было ещё пять братьев и сестёр, он был старшим среди детей. В пятнадцать лет Сергара поступил в педучилище города Усть-Каменогорска, и успешно окончил его в 1940 году. Для Казахстана, да и страны в целом, средне-специальное образование было очень престижным. Сергару назначили учителем истории в восьмилетнюю школу, в один из районных центров. Молодой учитель с желанием взялся за учебный процесс, проводил дополнительные занятия, классные часы, усердно изучал методическую литературу по истории, совершенствовал свои знания русского языка. Активно участвовал в общественной

жизни школы, избран секретарём комсомольской организации. Всё шло хорошо, но в июне 1941 года грянула война. Сергара, как патриот Родины, не дожидаясь повестки, пришел в районный военкомат и попросился добровольцем на фронт. Пожилой капитан, заместитель райвоенкома, одобрил патриотический порыв Сергары и сказал ему, что такие кадры нужны Красной Армии не только в качестве рядовых, но и офицеров. Рекомендовал молодому человеку подождать некоторое время для того, чтобы военное ведомство подобрало для Сергары достойное военное училище. В начале 1942 года Баймухаметов направляется на краткосрочные курсы в артиллерийское училище, в один из городов средней полосы России, а в июле этого же года, молодой младший лейтенант отбывает на фронт.

Командир артиллерийского взвода Баймухаметов храбро и достойно воевал в составе I Украинского фронта, получил медаль «За боевые заслуги», но осенью 1943 года был ранен осколком мины в грудь. Лечение проходил в полевом госпитале, старался как можно скорее встать в строй. Но судьба распорядилась по-своему. Перед выпиской из госпиталя к нему прибыл нарочный из Особого отдела дивизии и вручил Сергаре предписание прибыть в Особый отдел. Баймухаметов мучительно думал, чем же он понадобился структуре НКВД, но так и ничего не придумал. Просто он не знал, что приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в войсках были созданы отделы военной контрразведки «СМЕРШ» (смерть шпионам), призванные вести оперативно-розыскную работу в действующих войсках и их окружении, выявлять вражеских

агентов, паникёров, лиц, вынашивающих изменческие намерения, ведущих антисоветскую агитацию и т. п. Естественно, отделам «СМЕРШ» нужны грамотные, хорошо подготовленные, а, самое главное, патриотично настроенные кадры. Этим критериям и отвечал младший лейтенант Баймухаметов. Начальник дивизионного «СМЕРШа» капитан Коршунов по прибытии к нему Сергары сразу, что называется, «взял быка за рога». Он не стал долго рассусоливать, а «с места в карьер» сказал:

- Товарищ младший лейтенант, Вам Родина доверяет ответственную службу в органах военной контрразведки «СМЕРШ».

Сергара, было, хотел пояснить:

- Я, ведь, не имею соответствующих знаний и опыта.

Но Коршунов, предвидя это, заявил, что в 1917 году, в ВЧК, приходили люди с трехклассным образованием, от станка и сохи, но, тем не менее, при должном желании и соответствующем руководстве опытных наставников, добивались конкретных положительных результатов в выявлении и пресечении деятельности внутренних и внешних врагов молодой Советской Власти. Сергара понял, что вопросы и полемика здесь неуместны и спросил, когда и куда прибыть к новому месту службы. Коршунов сказал, что как только Вас выпишут из госпиталя, сразу прибыть в расположение дивизионного «СМЕРШа». Так, в 1943 году, Баймухаметов Сергара связал свою жизнь с этим серьёзным подразделением. В первую пору, наставником к нему был назначен старший оперуполномоченный, лейтенант Козаченко Василий Павлович, бывший оперативный

работник одного из горотделов НКВД Донецкой области. Василий был опытным оперативным работником, и, как мог, передавал свой опыт контрразведывательной работы в войсках молодому коллеге. Словом, к концу 1943 года, Сергара в полном объёме стал вести оперативно-розыскную работу в одном из батальонов дивизии. В первой половине следующего года, дивизия с боями выбила немецкие войска из города Сумы и близлежащих районов, в том числе из села, где жил и работал Назар Кошечкин. На одном из оперативных совещаний в отделе контрразведки «СМЕРШ», начальник в своём выступлении сказал, что Сумская область длительное время находилась под оккупацией и, по имеющимся оперативным данным, здесь активно работали представители военно-полевой жандармерии вермахта, а также, гестапо. Естественно, часть их агентуры осталась на освобожденной территории с конкретными заданиями по освещению советских войск, контрразведывательных органов, а также, политической обстановки в освобождённых районах. Не исключены, также, диверсионные и террористические акты. Поэтому, оперсоставу «СМЕРШа» следует активно поработать по окружению советских войск, то есть с местным населением, приобрести ценных информаторов, особенно из числа лиц, находившихся под оккупацией и хорошо знавших обстановку в тот период времени. Младший лейтенант Баймухаметов активно взялся выполнять распоряжение начальника дивизионного «СМЕРШа». Вначале, он, как мог, изучил оперативную обстановку в освобождённом селе, часто встречался с людьми, с целью их изучения, а, также,

возможного получения оперативно-ценной информации. Селянам- украинцам импонировал невысокий опрятный младший лейтенант, говоривший по-русски с незначительным акцентом. Спустя некоторое время, Сергара приобрёл в селе нескольких негласных информаторов, доверительных связей из числа всех категорий населения деревни. Информационная сеть дала молодому сотруднику «СМЕРШа» положительные результаты. Так вскоре он узнал данные о Германе Пфлигере, Василе Стрехе, их непосредственных начальниках, а также других полицах и служащих военно-полевой жандармерии. Получил оперативные и официальные сведения о лицах, лояльно относившихся к оккупационному режиму. Естественно, в поле зрения Баймухаметова попал и Назар Кошечкин, как лицо, жившее в деревне под немцами, а также прибывшее к месту проживания из Германии, где находился на принудительных работах. Сергара даже вызвал Назара к себе в кабинет и провёл подробнейший опрос Кошечкина и, в заключение, попросил его описать свою жизнь в деревне при немцах и в Германии. Назар психологически настроился на беседу с опером «СМЕРШа», продумал свой рассказ о жизни под оккупацией до мельчайших подробностей. В пределах разумного, дал характеристики Стрехе, хозяину-немцу Штейнке, а так же другим людям, которыми интересовался сотрудник военной контрразведки «СМЕРШ». Каких-либо подозрений Назар у Баймухаметова не вызвал, тем более, что при отступлении немецких войск все архивы и текущие документы полиции и военно-полевой жандармерии были сожжены их владельцами. После ухода из кабинета

сотрудника «СМЕРШа», Кошечкин последующие три дня снимал стресс употреблением самогона перед сном. Самогона у его хозяйки было в предостаточном объёме, и от торговли им, она получала дополнительный доход.

Прошел месяц после беседы с опером «СМЕРШа», и Назар окончательно успокоился, подумав, что, по всей вероятности, его, слава Богу, пронесло. Но судьба Кошечкиным распорядилась иначе. Читатель, наверное, помнит, как женщина, информатор Кошечкина, выдала советского офицера, бежавшего из плена. Но, к счастью, офицер сумел избежать печальной участи и во второй раз, вырвался из рук немцев. Естественно, он не мог избежать внимания военной контрразведки, и на допросах всё подробно рассказал, в том числе о своём пребывании и аресте полицаями в деревне Сумской области. Так в поле зрения «СМЕРШа» попала хозяйка дома, где останавливался бежавший из плена советский офицер. Далее копия допроса этого человека и ориентировка о хозяйке дома, где он квартировал, были направлены в отдел «СМЕРШа», который возглавлял капитан Коршунов, начальник Баймухаметова Сергары. Коршунов был опытным оперработником и сразу же понял, что информация коллег очень серьёзная. Он вызвал младшего лейтенанта Баймухаметова и наметил рабочий план разработки «Фёклы», такую кличку они дали делу. Сергара тщательно проверил объекта, заполучив на неё максимум данных, но ничего компрометирующего не добыл. Тогда было принято решение официально допросить фигуранта дела и «Фёкла» в сопровождении автоматчика была доставлена в отдел военной контрразведки. Всё это

произошло очень неожиданно для неё и сыграло позитивную роль для офицеров «СМЕРШа». Короче говоря, «Фёкла раскололась», всё подробно рассказала о Кошечкине, Пфлигере и советском офицере, о котором она высказала подозрения своему «руководителю» Назару. Заметим, что свой «червонец» (десять лет лишения свободы) она получила. Так сгустились тучи над «Артистом», разработка которого прошла в сжатый срок.

Летом 1945 года в два часа ночи в дверь дома, где жил Назар, раздался громкий стук. На вопрос хозяйки: «Кто там?», - требовательный голос сказал: «Открывай живо, НКВД». Заспанный Назар был доставлен в помещение «СМЕРШа» и подвергнут допросу. Вначале он повторил легенду о своём угоне в Германию, рассказал видимую сторону жизни в селе при немцах, естественно, не сказав ни слова о своём сотрудничестве с военно-полевой жандармерией и её сотрудником Пфлигером. Но следователь допрашивающий «Артиста», блестяще провёл психологическую атаку на объекта, предъявив ему протокол допроса «Фёклы», и пояснил, что в будущем намечена их очная ставка. После недолгих запирательств Назар принял внутреннее решение взять на себя только этот эпизод, наивно полагая, что на сём всё и закончится, и его уголовное дело сдадут в суд. Но он глубоко ошибался, сотрудники «СМЕРШа», будучи опытными оперработниками и следователями, прекрасно понимали, что выявили резидента немецкой военно-полевой жандармерии, и ставили перед собой цель установить всю его агентурную сеть и эпизоды враждебной деятельности. Параллельно со следственными

действиями, шла активная оперативная разработка «Артиста» с использованием внутрикамерных информаторов, в том числе специально подготовленных, экипированных, выступавших в роли власовцев, агентов германской разведки и т.п., офицеров советской военной контрразведки. Всё это постепенно стало приносить положительные результаты, объект на следствии признавал эпизод за эпизодом оказания им негласной помощи военно-полевой жандармерии, на кого он опирался, какие конкретные результаты получил. Но «Артист» решил на этом ограничиться, постоянно подчеркивая, что у него практически не было выхода, что Пфлигер, якобы, ему угрожал самыми серьёзными последствиями, в том числе и расстрелом, если он не будет помогать рейху. Здесь же он выдал «дезу», что за невыполнение очередного задания шефа по выявлению связных и информаторов партизанского отряда, он был угнан на принудительные работы в Германию, подробно описав свой «рабский» труд у бауэра Штейнке, кто еще там с ним находился и счастливый случай, помогший ему бежать из неволи. Подробно описал маршрут своего возвращения на восток, особенно адрес и все реальные нюансы проживания его у старушки в деревне, неподалеку от Ковеля. Этот факт следствие официально задокументировало, путём направления запроса в Ковельский горотдел НКВД, а вот работу «Артиста» у бауэра подтвердить не представилось возможным, так как город Билефельд находился в зоне оккупации англо-американских войск. Разработчики и следователи по делу «Артиста» намеревались, было, считать факт угона объекта в Германию

отработанным, но, неожиданно, им улыбнулся «фарт». Как изложено выше, у органов НКВД имелись хорошие оперативные позиции внутри ОУН, в том числе и в Волынском проводе. Один из глубоко законспирированных информаторов в руководящем звене провода сообщил своему шефу из НКВД, что служба безопасности провода, в частности Головня и Миц, тогда-то выявили и арестовали агента имперской безопасности по имени Назар, возрастом примерно 25-30 лет, уроженца одной из областей Восточной Украины. Однако ему чудом удалось бежать из-под стражи, так как в схрон, где он содержался под арестом, попала бомба. Охранника нашли и откопали, а вот, Назара след простыл. Центральный аппарат НКВД разослал во все территориальные органы НКВД Украины, а, также, структуры военной контрразведки, ориентировку с изложением полученных данных на агента имперской безопасности, и указанием организовать его розыск. Получив ориентировку, Коршунов и Баймухаметов пришли к однозначному выводу, что Назар Кошечкин может быть разыскиваемым агентом имперской безопасности, но решили пока не «звенеть», а приложить максимум усилий, чтобы «расколоть» объекта и по этому эпизоду. «Как всё решим, так и доложим руководству «СМЕРШа» армии, а он, если сочтёт нужным, и в Москву», - подвёл итог Коршунов, а Сергара согласился с мнением руководителя.

Естественно, оперативные работники прекрасно понимали, что «Артист» человек умный и хитрый и без достаточных доказательств (оперативные материалы в счёт не шли) не признаёт своего сотрудничества со службой

имперской безопасности Германии. Здесь же возникал и второй вопрос: работая по освещению процессов и конкретной враждебной деятельности организации украинских националистов, Назар оказывал помощь Германии, но отнюдь не в её войне с Советским Союзом. Тем более ОУН, как мы знаем, активно вела подрывную деятельность против России и, тем самым косвенно «Артист», сам того не желая, оказывал помощь нашему государству. Все вопросы оперов в одночасье развеял начальник следственного отдела СМЕРШа армии майор Суржиков, прибывший в дивизионный орган военной контрразведки для инспектирования и оказания практической помощи по наиболее важным делам. Ознакомившись со следственными и оперативными материалами на «Артиста», он уверенно заявил, что сам факт оказания советским гражданином помощи разведке или контрразведке иностранного государства в период войны, согласно уголовному кодексу РСФСР, расценивается как «измена Родине» и назвал соответствующий пункт статьи 58 УК РСФСР. Суржиков имел высшее юридическое образование и ещё в довоенное время в следственных подразделениях НКВД занимался расследованием особо опасных государственных преступлений и очень хорошо ориентировался в специфике этих дел.

- Ваша позиция, - сказал начальник следственного отдела, обращаясь к Коршунову и Баймухаметову, - скорее всего подходит для адвоката, который будет защищать «Артиста» в судебном процессе, а ваша задача – наиболее полно вскрыть и процессуально задокументировать все

факты враждебной деятельности Кошечкина против нашего государства.

Здесь же он взял авторучку и на отдельном листе бумаги изложил свои рекомендации оперработникам и следователям, ведущим дело на «Артиста», по скорейшему завершению дела и сдаче его в суд. Но нет худа без добра, оперработники Коршунов и Баймухаметов решили использовать свою идею, что «Артист» вольно или невольно помогал Союзу в ослаблении ОУН, в работе с подследственным. В частности, на одном из допросов объекта, присутствующий при сём Сергара, как бы, между прочим, сказал, что ты, Назар, ещё не до конца осознаёшь всю сложность ситуации, в которую попал. «Артист» недоумённо посмотрел на опера, а Сергара пояснил ему, давай после допроса поговорим, попьём чаю, и я расскажу тебе все плюсы и минусы твоей ситуации, в том числе и перспективу, которая тебя ждёт. Назар криво усмехнулся и заявил, что перспектива у него одна - пуля в лоб. Баймухаметов внимательно посмотрел на объекта и сказал, что даже из безвыходной ситуации есть два выхода: один – хороший, второй – плохой, и вышел из кабинета. Ведущий допрос, следователь младший лейтенант Шелудько, «нагонял пургу», пытаясь вытащить из объекта сведения, касающиеся его работы по ОУН в пользу рейха. Но «Артист» считал, что следствие должно само доказывать его вину, и он в этом Шелудько не помощник. В заключение, Шелудько дал расписаться Кошечкину под протоколом допроса, устно пояснив, что, как бы ты не хотел, а на высшую меру наказания ты себе заработал. После этого приказал конвоиру

пригласить в кабинет Баймухаметова, и когда тот пришел, следователь оставил ему протокол допроса, а сам ретировался. Сергара неспеша разогрел чайник, намазал маргарином два бутерброда, один из которых подвинул Кошечкину, и налил ему в кружку чаю. Началась неторопливая беседа двух молодых людей примерно одного возраста. В ходе её опер сказал: «Назар, я тебе не «темню», но положению твоему не позавидуешь. Тем более, ты недооцениваешь возможности НКВД и армейской контрразведки «СМЕРШ». А, ведь, в Луцке моими коллегами «накрыт» документальный архив тамошней структуры имперской безопасности, и, в одном из материалов, фигурируешь ты, как негласный информатор, работающий по ОУН. Желаете сам чистосердечно рассказать об этом эпизоде – рассказывай, нет – мы запросим из Луцка соответствующие заверенные копии немецких документов, и всё равно, вменим тебе этот эпизод в вину. Но есть второй вариант, ты собственноручно пишешь признание, а мы, то есть дивизионный «СМЕРШ», учтём это в положительную сторону, так как ОУН – УПА являются злейшими врагами Советской Власти». Всё это сказано Сергарой так обыденно и правдиво, как - будто речь шла о загородной прогулке. Назар подумал: «А неспроста ведь Шелудько так активно добивался от него новых показаний, а тут ещё и опер подсыпается с документами архива, якобы захваченного в Луцке». Следует отметить, что архив имперской безопасности в Луцке захвачен не был, а всё сказанное Сергарой ничто иное, как оказание положительного влияния на объекта дела, с целью склонения его к даче правдивых

показаний. Назар откусывал маленькими кусочками бутерброд, запивая их чаем, делая вид, что поглощён едой, а сам мучительно обдумывал и анализировал предложение Баймухаметова, А что, если лейтенант не берёт его «на понт», и играет с открытыми картами? А что будет, если он продолжит категорически отрешиваться от своего пребывания в Луцке и сотрудничества с имперской службой безопасности? Словом, и так – плохо, и так – нехорошо. Но внезапно внутренний голос подсказал: «Назар, расскажи правду и тебе повезёт, ведь «не так страшен чёрт, как его малюют». Поставив кружку с недопитым чаем на стол, «Артист» с решительностью заявил:

- Гражданин лейтенант, я расскажу Вам всю правду, а Вы, с моих слов, запишите.

Баймухаметов охотно согласился, открыл блокнот и приготовился делать пометки. Назар рассказывал часа два, потом устал и начал сбиваться. Сергара, видя что «клиент» устал, сказал:

- Давай на сегодня прервём наш разговор, а завтра вернёмся к нему со свежими головами.

Вызвал конвоира и приказал ему увести подследственного в отдельную камеру и накормить его из солдатского котла. Опер принял это решение, чтобы исключить возможную расшифровку «Артиста» перед сокамерниками, а, также, для недопущения негативного влияния на него отдельными арестованными, резко отрицательно настроенными к советскому строю.

Прекратив беседу с объектом, Сергара собравшись с мыслями и набросав в блокноте тезисы своего доклада, сразу

же пошёл к Коршунову, где ещё часа полтора рассказывал начальнику мельчайшие детали их беседы с «Артистом». Коршунов очень благожелательно воспринял доклад оперработника, приказал ему плотно работать с объектом, отразить весь его рассказ документально. «На этом мы «привяжем» его на короткий поводок и «Артист» ещё принесёт большую пользу органам госбезопасности в мирное время, так как конец войны уже не за горами. Естественно, сотрудничество Кошечкина со следствием будет учтено при назначении ему меры наказания, но это уже дело второе... Сейчас стоит первоочередная задача – выжать из объекта максимальный объём информации о формах и методах работы имперской безопасности против ООН, подготовке и внедрении перспективных информаторов в эту среду, характеризующие данные и приметы сотрудников РСХА, контактировавших с «Артистом». Параллельно примерно такие же вопросы намечались выяснить по Волынскому проводу ООН. Тем самым мы одним выстрелом убиваем двух зайцев».

Сергара внёс в свой рабочий блокнот указания Коршунова и пошёл отдыхать. Плотнo поужинав, он лёг в кровать, стараясь быстрее заснуть. Но сон не шёл. Как захватывающий детектив он прокручивал все детали рассказа «Артиста» о его похождениях и перипетиях за время контактов с представителями вражеских спецслужб. Для себя он сделал очень важный вывод, что в оперативно-розыскной работе пределов для совершенства нет, о чём свидетельствует пример Кошечкина: рядовой информатор немецкой военно-полевой жандармерии, благодаря своему

уму, памяти, артистическим данным и умелому руководству оперативных сотрудников (в данном случае немецких контрразведывательных служб), в конце концов сделался ценным и перспективным агентом. И только объективные и субъективные обстоятельства, не зависящие от «Артиста», не позволили ему достичь весомых результатов, в своей негласной работе по организации украинских националистов. Здесь же Сергара, засыпая понял, что, как и в любой другой сфере жизни, в оперативно-розыскной деятельности присутствует некий «фарт». Вот повезло с Кошечкиным его первому наставнику Герману Пфлигеру, затем Вильгельму Ратенау и Оливеру Кацке. Определённая доля везения присутствовала в деятельности Сергары по разработке серьёзного объекта «Артиста». Ведь в принципе мы могли ограничиться только эпизодами сотрудничества «Артиста» в качестве информатора и резидента немецкой военно-полевой жандармерии, а тут вон куда вывела кривая...

Всю последующую неделю Сергара по пять-шесть часов подряд работал с «Артистом», скрупулезно отражая мельчайшие нюансы, могущие иметь значение для дела. Нельзя забывать, что наряду с этой разработкой, у Баймухаметова были не менее важные задачи и проблемы, касающиеся задач военной контрразведки «СМЕРШ». Рабочий день нашего опера длился по 12-15 часов с небольшими перерывами на обед. Естественно, никаких выходных тогда у сотрудников «СМЕРШа» не было. В результате упорной и напряжённой работы оперработника Баймухаметова с «Артистом» на свет родились протокол

допроса и оперативная справка, примерно по десять листов машинописного текста. Назар очень внимательно прочитал протокол, сделал ряд незначительных замечаний и поставил свою роспись в конце каждой страницы.

Пока следователь Шелудько компоновал уголовное дело на Кошечкина, пока оно ходило по инстанциям (военная прокуратура, трибунал), наши оперативные работники Коршунов и Баймухаметов с санкции руководства «СМЕРШа» армии, использовали «Артиста» в качестве агента на крупных железнодорожных узлах. Здесь учитывались хорошая память, наблюдательность Назара, его умение ориентироваться в сложных ситуациях. С помощью «Артиста» органам НКВД на железнодорожных станциях удалось выявить и задержать нескольких скрывающихся фашистских карателей, полицаев, офицеров власовской армии, а так же высокопоставленного функционера одной из референтур ОУН Волынского провода.

Но время шло, судебная машина работала, и, через несколько месяцев, Сергара, условленным сигналом, вызвал «Артиста» на связь и сказал, куда и когда ему прибыть для последующего взятия под стражу, что Назар и сделал. Кстати у него была возможность раствориться в необъятных просторах страны, добыть себе новые документы, но он категорически отверг эту шальную мысль, реально полагая, что с НКВД и «СМЕРШем» такие «штучки» не пройдут.

На судебном заседании областного суда в г. Сумы обвиняемому Кошечкину Назару Владимировичу, 1917г. рождения по нескольким пунктам статьи 58 УК РСФСР за измену Родине назначено наказание в виде пятнадцати лет

исправительно-трудовых лагерей.

Теперь, на некоторое время, вернёмся к оперработнику Баймухаметову. После окончания Великой Отечественной войны, Сергара из «СМЕРШа» перешел на работу в территориальные органы госбезопасности. Назначен на должность старшего оперуполномоченного одного из райотделений Восточно-Казахстанской области. Спустя несколько лет, возглавил райотделение. В 1975 году, на тридцатилетие Победы, ему присвоили воинское звание полковник, а, где-то, к восьмидесятым годам, Баймухаметова пригласили на преподавательскую работу на Высшие курсы КГБ СССР в город Алма-Ату. Слушателям курсов импонировал опытнейший оперработник – преподаватель, зачастую в подтверждение теоретических посылов приводивший примеры из своей богатой оперативно-розыскной практики. Одет он был всегда аккуратно, полковничья форма ладно сидела на нём, к тому же солидная орденская колодка на кителе свидетельствовала, что Сергара был боевым офицером и принёс государству конкретную пользу. Кстати, за разработку «Артиста» он получил медаль «За Боевые Заслуги», а его шеф Коршунов – орден «Красной Звезды». Вёл он себя в кругу слушателей доброжелательно, охотно вступал в приватные беседы на различную тематику, нисколько не кичась своим высоким воинским званием. Когда заступал ответственным дежурным по курсам в выходные дни, никогда не отказывался принять участие в товарищеских застольях по поводу дня рождения кого-либо из слушателей. Будучи слегка «под шофэ», обязательно вспоминал свою боевую молодость, первого начальника,

капитана Коршунова, а, также, рассказывал мельчайшие детали оперативной разработки «Артиста». Нельзя не отметить, что он не причислял только себе заслуги в выявлении и аресте агента имперской безопасности, но в равной степени распределял их между Коршуновым, следователями и другими сотрудниками, внесшими лепту в это сложное дело.

Примерно в 55 лет, Сергара ушел на пенсию, устроился начальником первого отдела в один из научно-исследовательских институтов. Крайне был расстроен и опечален по поводу развала СССР, прямо заявляя, что ни народу, ни государственным, промышленным и правоохранительным структурам разделение никакой пользы, кроме вреда, не принесет.

Подводя резюме по поводу оперработника Баймухаметова, сыгравшего немалую роль в судьбе «Артиста», нельзя не сказать, что представитель казахского народа своим участием в войне, и на «тайном» фронте, сполна отдал долг Родине, которая дала ему образование, работу, материальное обеспечение, хорошую пенсию. Он никогда не отказывался выступить со своими воспоминаниями перед молодежью, а, также, в стенах Комитета Национальной безопасности Казахстана (так, после 1991 года стала называться эта спецслужба). На этом мы заканчиваем повествование о первом разработчике «Артиста».

Лагеря... Лагеря

Но вернёмся опять к нашему герою «Артисту». После ответа Президиума Верховного Совета СССР на ходатайство

адвоката, срок наказания «Артисту» снижен до четырнадцати лет. (Это была либо счастливая судьба, либо помощь работников СМЕРШа.) Назар, в течение трёх месяцев, в телячьих вагонах с многочисленными пересылками добрался до Скальнинского исправительно-трудового учреждения для особо-опасных государственных преступников (Пермская область). Заключённому Кошечкину, уроженцу юга, очень трудно было приспособиться к климату северного Урала, но человек привыкает ко всему...

В зоне, ввиду инвалидности, он назначен помощником счетовода по фиксации объёмов выполненных зеками работ. В лагере «Артист» вёл себя тихо и незаметно, что называется, не выпячивался. На вопросы заключённых, за что отбывает наказание, отвечал по заранее отработанной схеме (правду о сотрудничестве с военно-полевой жандармерии и не слова о работе с имперской службой безопасности Германии). В Скальнинском лагере отбывали наказание бывшие каратели, полицаи, оуновцы, офицеры власовской армии, а также довоенные осуждённые по статье 58, это троцкисты, правые и левые уклонисты, агенты различных иностранных разведок, вредители, а также верующие, особенно, баптисты, пятидесятники, свидетели Иеговы. Для создания выгодного равновесия в лагере содержались и осуждённые-бытовики. Назар попал в «семью» (соседи по нарам), в которую входили свидетель Иеговы Алексей, мужчина лет 25, отказавшийся по религиозным мотивам от службы в Красной Армии и посещавший нелегальные молитвенные собрания; бывший капитан РККА, а затем власовской армии Шелеповский, попавший в плен, будучи легко раненым, и, по

выздоровлению, согласившийся вступить в РОА (российская освободительная армия под командованием генерал-лейтенанта Власова); бывший полицай из небольшого села Белоруссии Василий Тылындус, дезертировавший из Красной Армии и добровольно записавшийся в немецкую полицию; и последним был католический ксёндз из Литвы Ричардас Павлаускас, мужчина лет тридцати, благообразной внешности, в «профессорских» очках, медленно и с сильным акцентом говоривший по-русски. Назар, видимо, из-за схожести судеб, сошёлся с Тылындусом; Алексей с Ричардасом, как глубоко верующие люди, а Шелеповский, как кадровый офицер, держался несколько обособленно.

Жизнь в исправительно-трудовом лагере шла по утверждённой руководством «ГУЛАГа» инструкции: подъём - в 5 часов, полтора часа личного времени, в том числе и завтрак, 7 часов – проверка и вывод на работу в пром. зону. Питание в лагере слабое, в основном, суп с рыбой, в котором зачастую плавали гнилая картошка, морковка и т.п. овощи; а на второе – различные низкосортные каши. Назар сильно похудел, сказывалось слабое питание и малоподвижный образ жизни, т.к. на работе он в основном сидел, заполняя многочисленные производственные документы, касающиеся, объёмов выполненных бригадами работ. Назар всегда с пониманием относился к просьбам бригадиров или их помощников зависить объём выполненных работ за месяц с тем, чтобы за невыполнение плана не навлечь на бригаду штрафных санкций, особенно, с питанием.

«Артист», как человек неплохо ориентирующийся в методике оперативно-розыскной деятельности, сделал для

себя определённые выводы, кого из административного персонала колонии следует опасаться, а кого – не очень, то есть вести себя посвободнее. В конце концов, он собрал необходимый для себя минимум сведений, и сделал вывод, что наибольшую опасность для него, да и не только, а для любого зека, представляет заместитель начальника ИТЛ по режиму капитан Валуйский. Это мужчина лет сорока, относился скорей всего к категории вечных неудачников. Ему постоянно задерживали присвоение очередных званий, от него ушла жена, как он ни старался, не мог завести любовницу. Все его однокашники по училищу НКВД давно уже стали подполковниками, отдельные из них возглавляли исправительно-трудовые учреждения, служили на ответственных должностях в Управлениях исправительных лагерей. Поэтому Валуйский вымещал всю свою накопившуюся злость и неудовлетворённость собственной судьбой на людях, стоящих ниже него по иерархической лестнице, а особенно, на осуждённых. Он постоянно к чему-нибудь придирался и был недоволен. То зек нечисто выбрит, то не так коротко подстрижен, то у него бледный опознавательный знак, то рваная телогрейка или роба и т.д. Строго наказывал зеков за малейшие нарушения режима: опоздал на развод, не встал по сигналу побудки, не лёг на нары после отбоя...

Однажды он вызвал к себе в кабинет Кошечкина и стал выставлять ему претензии за то, что тот якобы постоянно превышает процент выполняемых объёмов работ, идя на поводу у бригадиров. Назар вежливо всё отрицал, говоря, что всё проверяемо и никаких нареканий со стороны майора

Бородкина, зам. начальника по производству и экономике, не имеется. В конце концов, будучи доведённый Валуйским чуть ли не до белого каленя, «Артист» заявил:

- Гражданин капитан, вы вторгаетесь не в свою прерогативу, ведь нарушений режима содержания за мной не замечалось, никаких рапортов и нареканий от охранников и других административных работников на меня нет.

- Ты, сука, каратель - заорал Валуйский, - У тебя руки по локоть в крови, а ещё так ведёшь себя с заместителем начальника лагеря. Да я тебя в карцере сгною, а за что, всегда найду.

После этого разговора «Артисту» в течение трёх месяцев дважды пришлось отсидеть по десять суток в карцере с выводом на работу. Видимо, Валуйский отдал распоряжение своим подчинённым обратить пристальное внимание на Кошечкина и о малейших нарушениях письменно докладывать ему. Длинными вечерами, сидя в карцере, Назар подробно обдумывал и анализировал своё положение. И принял решение сделать ставку на опера («кума»), курировавшего их лаготделение, с тем, чтобы оградить себя от притеснений.

«Кумом» был капитан Нагорный, имевший за плечами военное училище НКВД и участие в боевых действиях в качестве командира разведвзвода в составе первого Украинского фронта под командованием генерала армии Ватутина Н.Ф. Получив тяжёлое ранение, Нагорный длительное время находился на излечении в госпитале; уже решался вопрос об увольнении по состоянию здоровья из рядов Вооружённых сил, но опытный военный разведчик

всё-таки упрямился не увольнять его из армии. С учётом его образования, принято решение направить его в распоряжение главного управления исправительно-трудовых лагерей НКВД, а оттуда он был назначен старшим оперуполномоченным оперативной части Скальнинского ИТУ. Нагорный являлся трезвомыслящим человеком, комплекса неполноценности не имел. К тому же, он воочию видел на фронте, как храбро воевали и выполняли практически невыполнимые боевые задачи бойцы штрафного батальона, состоявшего из бывших осуждённых. Ну, а что касается политических заключённых, то тут у него был свой взгляд на эту систему вещей. Как, например, маршалы Блюхер и Уборевич из героев гражданской войны и видных военачальников молодой советской республики вдруг превратились в злейших врагов народа и агентов империалистических разведок? Почему генерал Рокоссовский К.К., будучи ранее судим по пятьдесят восьмой, возглавил фронт и одерживал блистательные победы и почему ему был доверен такой высокий командный пост? Видимо, велась какая-то дьявольская политическая игра, когда из любого человека можно вылепить героя (например лётчик Чкалов В.П.), а из других врагов народа.

С такими воззрениями, Нагорный прибыл в Скальнинский ИТЛ. Вначале, он подробно ознакомился с делами осуждённых обслуживаемого им лаготделения, сделал для себя необходимые выписки. Также, изучил административный и младший командный состав лагеря, закончил рядовым ВОХРом. Принял на связь уже имевшихся осведомителей, и активно стал подбирать новых.

Естественно, он понимал, что бывший троцкист, или правый уклонист, осуждённый ещё до войны, и каратель-полицай, участвовавший в истреблении своих мирных соотечественников, либо бандеровец-боевик, стрелявший из-за угла в советских солдат и представителей советской власти, а, при определённых обстоятельствах, участвовавший в зверских расправах над ними, - это две большие разницы, как говорят в Одессе.

Но вернёмся опять к «Артисту». Он методом наблюдения и в непринуждённых беседах с зеками сумел составить конкретное представление о «куме» Нагорном. Но ведь с пустыми руками к нему не пойдёшь и лапшу о мифических врагах народа ему на уши не повесишь... Следовательно, нужна конкретная значимая информация о лицах или фактах, могущая привлечь пристальное внимание опера, и естественно, не останется в стороне источник этой информации. Назар на своём примере прекрасно понимал, что каждый подследственный стремится скрыть от следователей свои преступные действия и признаёт их только под давлением неопровержимых доказательств. Чистосердечное признание и раскаяние, это сказки для детей... Поэтому «Артист» здраво рассуждал, что «кума» Нагорного, скорее всего, интересуют следующие факты и стоящие за ними люди, а именно: скрывшие от следствия серьёзные эпизоды преступной деятельности, могущие повлечь увеличение срока наказания; лица склонные к побегу из ИТЛ или готовые к побегу; осуждённые, ведущие среди окружения антисоветскую пропаганду. Выйдя из карцера, Назар стал пристальнее присматриваться к заключённым,

более активно вести с ними беседы, начиная с притеснений режимника Валуйского, своих впечатлений от пребывания в карцере, и кончая изложением отдельных эпизодов своей жизни вне лагеря.

Между тем жизнь в «семье», в которую входил Кошечкин, шла своим чередом. Алексей – «Иегова», как его называли зеки, и ксендз Павлаускас в каждую свободную минуту читали евангелие и другие религиозные трактаты, переписанные в записные книжечки, размером чуть более спичечного коробка. Эти книжечки они хранили как зеницу ока, тщательно пряча их от внезапных «шмонов» контролёров. И, видимо, Бог помогал им, так как после обысков духовная пища Алексея и Ричардаса оставалась в целостности и сохранности. Когда же им удалось сходиться вместе, то они вели бесконечные теократические споры. Алексей говорил, ссылаясь на священное писание, что рай божий будет на земле, а Ричардас также со ссылками на Библию утверждал, что человечество ждёт райская жизнь на небесах. Консенсус между собой в спорах Алексей и Ричардас не находили, всегда оставались при своём мнении. Однако в спорах вели себя вежливо и достойно, никогда не повышая голоса, но с чувством, с толком, с расстановкой, уважая вероисповедание оппонента.

Шелеповский пытался командовать членами «семьи», но это ему плохо удавалось, так как здесь была не армия, и армейские порядки, отнюдь, не подходили и не приживались. Тогда бывший капитан двух армий (Красной и Власова), красочно описывал боевые эпизоды, в которых он участвовал, а также каким образом и где попал в плен. На

вопрос Назара, а нельзя ли было бежать из плена или, на худой конец, отказаться от предложений власовских волонтеров, капитан с видимым унынием отвечал, что в том и другом случае конец был один – смерть. Это только сталинские пропагандисты внушали, что бойцы Красной Армии в плен не сдаются; на самом же деле было далеко не так. Сдавались в плен не только одиночки и небольшие группы, но и роты, полки и даже целая вторая ударная армия под командованием Власова, попавшая в окружение немецких войск и длительное время ведущая тяжёлые изнурительные бои. Однако никаких враждебных суждений Шелеповский в своих рассказах не допускал, так как был человек грамотный и себе на уме.

Но однажды «Артисту» улыбнулась удача. Осенним вечером они вместе с Василием Тылындусом приготовили в кружке крепкий чай (чифир) и пили его вместе с хлебом, который не съели в столовой за ужином. Василий в этот вечер был очень разговорчивым, рассказывал о своём довоенном житье в белорусской деревне, как были раскулачены и выселены в Сибирь его родители, каким притеснениям и оскорблениям подвергался он сам, как член семьи кулаков. Именно по этой причине его не приняли в сельхозтехникум, и он остался с семиклассным образованием. Назар ненавязчиво перевёл разговор о военном периоде жизни Тылындуса и за что он осуждён. Василий рассказал, что когда их сельский район заняли немцы, в деревню приехал бургомистр в сопровождении двух полицейских. Полицейские согнали народ на сход, и перед ними выступил

бургомистр, поляк по национальности, в мирное время работавший инспектором в районо. В своём выступлении бургомистр остановился на четырёх основных проблемах: сдаче радиоприёмников и огнестрельного оружия; продовольствия на нужды немецкой армии; правилах поведения и передвижения при новом режиме; выявление партизан и им сочувствующих и немедленном информировании о них оккупационных властей; а также, наборе кандидатов на службу в немецкую полицию. Дал адрес, куда можно обращаться лицам, желающим поступить в эту структуру. На следующий же день, Василий рано утром поехал на лошади в районный центр и к девяти часам был уже в здании бывшего райотдела НКВД, где размещалась немецкая полиция. Служащий велел ему заполнить краткую стилизованную анкету, написать автобиографию, в которой отразить причины и мотивы поступления на службу в полицию. Оставив бумаги у себя, служащий рекомендовал Тылындусу через неделю прибыть в полицию, где ему объявят о принятом в отношении него решении. Словом, через неделю в районной полиции появилась новая боевая единица. На вооружение новому полицаяу выдали винтовку, на руку повязку, а для передвижения – велосипед. Особо Василий в родной деревне не свирепствовал, резонно полагая, что в будущем всяко может быть, и для наступления стабильности требуется время.

Но обида на власть, репрессировавшую родителей Тылындуса, и причастных к этому лиц, непрестанно жгла сердце Василия. И однажды ему подвернулся «счастливый» случай. Начальник полиции собрал нескольких полицейских

в район и поставил перед ними задачу выехать в одну из деревень, задержать там несколько человек из числа бывших активистов прежней власти, имевших отношения к раскулачиванию и другим репрессиям в отношении односельчан. К тому же по неофициальным данным эти люди имели связь с партизанами и сообщали им сведения, касающиеся военной и политической обстановки в районе. Начальник подробно проинструктировал, когда и куда доставить задержанных, кому их сдать для проведения следствия. Призвал полицейских к бдительности при конвоировании задержанных, пояснив, что в случае их попытки к бегству, а также, физического сопротивления представителям новой власти, стрелять без предупреждения. Василий спросил, сколько намечено провести задержаний и что это за люди. Начальник назвал цифру и фамилии. Одна из них принадлежала мужчине, принимавшему участие в раскулачивании семьи Тылындуса и отправке её в Красноярский край. Он знал других полицейских, входящих в их группу, хлопцы, вроде бы, надёжные и не болтливые. После инструктажа Тылындус сказал товарищам, что накануне у него был день рождения и он, пользуясь случаем, решил угостить их. Пояснил, что дома у него есть самогон, сало, солёные огурцы, словом, закуска неплохая. Полицейские с одобрением восприняли это предложение. Василий, вскочив на велосипед, рванул в свою деревню, где быстро собрал вещевой мешок продуктов, положив туда большую бутылку самогона. Прибыв в район, он показал всё это членам своей группы. Решили, что до задержания выпивать не будут, а

когда всё исполнят, тогда и расслабятся.

В деревне им пришлось арестовать пятерых человек, в числе которых и одна женщина, бывший секретарь сельсовета. Путь до районного центра был не близкий, около пятнадцати километров. Тылындус сразу заметил обидчика своей семьи, но вида не подал. Полицейские пояснили задержанному, что лично они против них ничего не имеют, но приказ есть приказ, и они должны его выполнять. Арестованные угрюмо молчали.

День стоял жаркий, приходилось идти по открытой местности. Пройдя половину пути, конвоиры заметно устали, то и дело вытирая пот со лба. И тогда Тылындус предложил коллегам зайти в близлежащий лес, пообедать и переждать жару. И нам будет хорошо и арестованным неплохо, тоже отдохнут. Все охотно согласились с предложением. Лес был в двух-трёх километрах от дороги. В лесу арестованных связали одной верёвкой между собой, привязав одним концом к дереву, как привязывают телёнка, чтобы не убежал. Дали им воды и хлеба.

Полицейские сели обедать. Сразу возникла идея выпить немного самогона, которую все без исключения поддержали. Вначале выпили по одному стакану, плотно поели, затем по второму. Завязался весёлый разговор, травили анекдоты, в основном, про евреев и женщин. Спустя некоторое время Тылындус вызвался проверить задержанных и дать им ещё воды. Подойдя к ним, он незаметно ослабил узел на дереве и на руках одного из задержанных, прошептал им, что они незаметно могут сбежать, пользуясь пьянкой конвоиров. Арестованные с благодарностью посмотрели на своего

«благодетеля», но это была дьявольская «домашняя заготовка» Тылындуса. Придя к застолью, Василий ещё предложил выпить по стакану, незаметно подвинув к себе винтовку. Сел он так, чтобы визуально наблюдать за арестованными. Он видел, как они осторожно освобождались от пут, тихо переговариваясь между собой. Когда они попытались бежать врассыпную, Тылындус истошно заорал:

- Смотрите, бегут!

Схватил винтовку и начал стрелять. Его же примеру последовали и другие полицейские. Спустя десять минут всё было кончено. Провели совет, как выбраться из этой сложной ситуации. Решили о пьянке не рассказывать, а доложить начальству, что задержанные сами напали на них в пути следования и пришлось применить оружие... А, чтобы не было ненужных очевидцев, трупы были снесены в ближайший лес и замаскированы ветками. На том и порешили. Хмель быстро прошёл. Полицейские ещё некоторое время посидели на траве, обсуждая конкретные детали сложившейся ситуации. Решили нескольким конвоирам порвать одежду и нанести на лицах ссадины, свидетельствующие о нападении на них.

Придя в райцентр, полицейские доложили о случившемся начальнику, а тот, в свою очередь, бургомистру. Составили соответствующий письменный акт. Было решено о расстреле задержанных никому не рассказывать, а распустить слух, что задержанные освобождены партизанами и скрылись вместе с ними. В тот же день глубоким вечером полицейские на повозке прибыли в лес, где лежали тела их жертв, выкопали глубокую

яму и произвели захоронение. «Ну теперь мы все крещены кровью»: сказал один из них и ещё раз рекомендовал держать язык за зубами, а то мало ли что будет...

Но время шло. Спустя некоторое время советские войска освободили Белоруссию. Василий решил не бежать с немцами на запад в Польшу, а обосноваться в одной из деревень, километрах в тридцати восточнее от своего места проживания. Он полагал, что в своей деревне, будучи полицаем, особого вреда никому не сделал, и о нём вскоре забудут. Но Тылындус наивно ошибался...

Работники райотдела НКВД, который вскоре начал функционировать на освобождённой от врага территории, сразу же приступили к выявлению лиц, сотрудничавших с оккупационными властями. Информацию они получали как от бывших партизан, так и местного населения жившего под немцами. Вскоре за Тылындусом пришли два человека в форме НКВД, предъявили ордер на арест и обыск. После тщательного обыска (никаких компрометирующих материалов на Тылындуса найдено не было) его отвезли в районный центр, где поместили в камеру предварительного заключения. Здесь он узнал нескольких коллег по службе в полиции. Следствие велось активно, благо свидетелей было достаточно. Полицаям дали по 12-15 лет исправительно-трудовых лагерей. Эпизод с расстрелом конвоированных в деле не фигурировал, так как об этом факте никаких сведений не получали. Так Василий попал в Скальнинский ИТЛ.

«Артист» как бы рассеянно слушал рассказ Тылындуса и задал всего один вопрос:

- А далеко ли от деревни захоронили расстрелянных?.

- Да нет, километрах в семи на запад от моей деревни,

- ответил собеседник.

После этого, Назар также подробно рассказал о своём сотрудничестве с военно-полевой жандармерией, но о негласной работе по ОУН в пользу имперской службы безопасности, естественно, умолчал.

Дело было сделано, ценная информация для «кума» получена. Теперь оставалось каким-то образом выйти на опера Нагорного. Здесь требовалась максимальная осторожность и изобретательность, потому что сексотов оперчасти в лагере карали беспощадно. Но и здесь Назару повезло. Из райотдела УНКВД Сумской области в оперчасть ИТУ пришла секретная депеша, где говорилось, что «Артист» в период следствия по уголовному делу на него, оказал помощь отделу военной контрразведки «СМЕРШ» в выявлении нескольких лиц, сотрудничавших с оккупантами. Подчёркивался хороший опыт «Артиста» в негласной работе, его память, наблюдательность, находчивость. Связь с ним можно установить, передав привет от Баймухаметова Сергары. Получив документ, Нагорный конспиративно стал присматриваться к заключённому Кошечкину. Тот вёл себя вполне пристойно, нигде не выпячивался, с зеками старался ладить. Здесь же он отметил притеснения Назара со стороны зама по режиму Валуевского. После этого принял решение выйти на связь с «Артистом», которое утвердил начальник оперчасти майор Безрядчиков.

Однажды в каптёрку, где занимался Назар с многочисленными процентовками, зашёл «кум» Нагорный.

Кошечкин в это время находился один, его напарник был вызван к начальству. «Артист» вскочил, чётко представился и продолжал стоять по стойке смирно перед «кумом». Нагорный разрешил ему сесть и спросил:

- Знаешь кто я?

- Так точно, гражданин капитан, - ответил «Артист».

- Я хочу передать тебе привет от Баймухаметова Сергары из Сумской области.

- Большое спасибо, - поблагодарил «Артист».

- Расспрашивать о тебе я не буду, - сказал «кум», - Потому что кое-что я уже знаю. Лучше скажи, есть ли что у тебя полезное для оперчасти.

Назар утвердительно кивнул и кратко и чётко «вылепил» информацию о Тылындусе. Глаза у опера загорелись, как у кота Базилио при виде пяти золотых монет в ладошке у Буратино. Нагорный поблагодарил «Артиста», дал ему пачку чая, махорки и тщательно проинструктировал информатора о способах связи с ним. После этого, он вышел из каптёрки, предварительно удостоверившись, не видит ли его кто-либо из заключённых или администрации.

Спустя два-три месяца после встречи «Артиста» с Нагорным, в лагерь приехал старший следователь НКВД Белоруссии. В течение недели в помещении оперчасти ИТЛ он ежедневно по несколько часов допрашивал Тылындуса и затем выехал в Минск. Через несколько недель после отъезда следователя, в лагерь пришло предписание этапировать осуждённого Тылындуса в Минск для проведения следственных действий по вновь открывшимся обстоятельствам. А спустя три-четыре месяца «кум» в ходе

кратковременной встречи с «Артистом» рассказал ему, что пятеро полицаев, в том числе и Тылындус, Верховным судом Белоруссии приговорены к высшей мере наказания за расстрел группы советских граждан. Нельзя не отметить, что после первого контакта Нагорного с «Артистом» притеснения Валуцким Назара прекратились, режимник как бы потерял к Назару всякий интерес.

В Скальнинском ИТУ Назар пробыл около семи лет. Работал на одной и той же должности по учёту выполненных работ. Регулярно поставлял «куму» оперативно-ценную информацию, как по конкретным лицам из числа заключённых и ВОХР, так и по процессам в исправительно-трудовом лагере. По одной из информаций «Артиста» письменно проинформирован центральный аппарат НКВД. Дело было так. В одном бараке с Кошечкиным находился бывший референт отдела пропаганды Тернопольского провода ОУН Грицько Стецуняк, мужчина лет тридцати пяти, имевший высшее филологическое образование. Это был грамотный, начитанный, хорошо владевший ораторским искусством человек. Пользовался авторитетом в землячестве украинцев-западников в ИТЛ. В свободное от работы, проверок и разводов время, он постоянно читал произведения классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу, языкознанию, праву наций на самоопределение. Всё это он конспектировал в имевшуюся у него общую тетрадь. При «шмонах» он охотно показывал её контролёрам, подчёркивал, что это конспекты произведений В.И. Ленина, И.В. Сталина и других вождей страны.

Несколько раз рукопись Стецуняка забирали для ознакомления сотрудников оперативной части ИТЛ; те сличали конспекты с подлинниками, но ничего крамольного не выявили и отдавали через контролёров тетрадь владельцу. Между тем, где-то в середине тетради он между строчками конспектов работ классиков марксизма-ленинизма написал резко националистический трактат под названием: «Национализм, как противодействие насильственной русификации народа Украины». После написания своего произведения Грицько в беседе с руководителем «безпеки» оуновского землячества в ИТЛ Хомой Гробом, окончившим в былые времена юридический факультет Львовского Университета и проработавшим некоторое время в органах прокуратуры, попросил его переправить свой трактат на волю, пояснив, что он будет иметь ценное значение в пропагандистской работе. Хома, не дав никаких конкретных обещаний Стецуняку, всё же заверил своего коллегу, что через имеющиеся у «безпеки» возможности он приложит все усилия, чтобы трактат достиг Западной Украины. Грицько сказал, что заранее благодарен, и верит в высокие профессиональные качества эсбиста Гроба. На том и разошлись. Хома долго думал и советовался с зеками-оуновцами, умудрёнными в вопросах конспирации. Сошлись на том, что надо использовать возможности блатарей, которые регулярно получали с воли наркотики, деньги, и, даже, спирт и переправляли туда малявы с описанием процессов и конкретных лиц в зоне, а также нуждах «братвы».

Работу Хома Гроба и его подручных мы описывать не

будем, но, спустя месяца два после их беседы со Стецуняком, «смотрящему» за зоной Лёне Севочкину, вору с большим стажем и уроженцу Одессы пришла по этапу «малява» от мамы из этого черноморского города. В письме мамаша, наряду с чисто житейскими новостями, просила сына оказать помощь находящемуся с ним в лагере Хоме Гробу, поясняя, что родственники Гроба очень помогли ей как морально, так и материально.

Мы знаем, как блатные уважительно относятся к своим матерям, поэтому Лёничка сразу же через своих людей установил, кто такой Гроб, за что и на сколько судим, в каком лаготделении находится. После этого в промзоне произошла встреча бандеровца с уголовным авторитетом Севочкиным по кличке «Сева». «Сева» показал Хоме «маляву» от мамы и поинтересовался, какая помощь нужна Гробу. Вначале авторитет подумал, что Гробу и его людям нужен «подогрев», но ошибся. Хома попросил Лёничку переправить на волю по одному из адресов в г. Перми общую тетрадку с конспектом работ Ленина и Сталина. «Сева» не стал вникать в содержание конспекта, потому что, как истинный вор, совершенно не интересовался политикой, только поставил цену вопроса - тысячу рублей, которые люди Гроба должны передать его мамаше в Одессе, а та их сдаст в «общак». Гроб с усмешкой сказал:

- Какой разговор, Лёня, ты же, наверное, кое-что слышал о силе и мощи Организации Украинских Националистов (ОУН). Надо, значит, надо, деньги мы найдём, и как только рукопись будет у адресата в Перми, они сразу же будут у твоей уважаемой мамы.

На том и разошлись, пожав друг другу руки.

Но задумку ОУНовцев разрушил «Артист», то есть Назар Кошечкин. Сотрудничая с «кумом» Нагорным, он имел постоянное задание по наблюдению за конкретными авторитетами оуновского землячества, в том числе и за Грицько Стецуняком. Однажды в бараке, в воскресенье вечером, он заметил, как к нарам, где лежал Грицько, подошел молодой парень незапоминающейся внешности, и они о чём-то стали тихо разговаривать. «Артист» выбрал удобное для себя место для незаметного наблюдения за беседующими, возле печки, где он усердно рубил полена на мелкие щепки, подбрасывая их в топку. Вдруг он заметил, что Стецуняк осторожно вытащил из-под матраца свою общую тетрадку и, осмотревшись по сторонам, отдал её молодому человеку. Тот молниеносно спрятал её за полу ватника и, как ни в чём ни бывало, продолжал беседу. «Артист» выгреб золу из печки в углярку и пошел выносить её из барака. Проходя мимо нар Стецуняка, он искоса взглянул на ватник парня, где на правой стороне была пришта матерчатая табличка с указанием фамилии, инициалов и номера отряда владельца ватника. Естественно, взгляд «Артиста» скользнул по гостю доли секунды, но номер отряда парня ему удалось зафиксировать. Мимо беседующих Стецуняка и парня, проходили и другие зеки, один из которых, даже, попросил у парня окурков, но тот на жаргоне послал просителя куда подальше. После того, как тетрадь была передана гостю, беседа бывшего референта пропаганды с ним вскоре закончилась, и парень, вихляющей походкой блатаря, вышел из барака, не упустив момента

высказать язвительное замечание в адрес одного из «доходяг» - политических.

«Артист» сразу сообразил, что он явился очевидцем конспиративной передачи общей тетради оуновским авторитетом уголовнику. Сразу же, по отработанной схеме, он срочно вызвал на связь Нагорного; кратко и чётко рассказал ему о событии, могущем представлять интерес для оперчасти, не забыв подробно описать приметы молодого блатаря и номер его отряда.

Нагорный сразу же сконтактировал с опером, курирующем осужденных за общеуголовные преступления. Установить молодого парня, приходившего к Грицько, труда особого не составило. Блатарь был взят в оперативное изучение. Ничем особым не отличался, судим за грабёж, никакой политикой не интересовался, по национальности – русский, выходец из крестьянской семьи. Один факт насторожил внимание оперов: парень являлся доверенным лицом («шестёркой») смотрящего Лёни Севочкина и выполнял все его указания. Естественно, по ним были «заряжены» информаторы из числа уголовников. Вскоре, один из них сообщил «куму», что по имеющемуся каналу связи зеков-уголовников с волей, они намерены передать какую-то рукопись за большое вознаграждение. Оперработниками продумана и осуществлена оперативная комбинация по изъятию «произведения» Стецуняка, причём всё это было обыграно так, что произошло какое-то досадное недоразумение, а не следствие оперативной разработки. «Научный труд» референта пропаганды официально направлен нескольким кандидатам философских наук

Пермского госуниверситета для экспертной оценки. Резюме их было однозначным, произведение: «Национализм, как противодействие насильственной русификации украинского народа», носит резко антисоветский и националистический характер, и направлено на разжигание национальной розни между народами страны. После этого, за подписью начальника Управления НКВД по Пермской области в Москву направлено информационное сообщение о пресечении попытки оуновских авторитетов, с использованием каналов связи уголовников с волей, переправить на Западную Украину националистический трактат. В результате, «кум» Нагорный награждён золотыми наручными часами, его шеф – грамотой, за подписью наркома, а, в отношении Стецуняка, прокуратурой области, возбуждено уголовное дело по статье 58-10 Уголовного Кодекса РСФСР (контрреволюционная агитация и пропаганда). После закрытого судебного процесса, Грицьку ещё добавили несколько лет отсидки, и он был переведён в другое ИТУ.

В свою очередь, соответствующее оперативное управление центрального аппарата НКВД подготовило подробнейший обзор оперативно-розыскных и следственных действий по разработке оуновского авторитета в условиях ИТУ, где была отражена роль «Громова», так в документе чекистов фигурировал «Артист». Обзор направили во все республиканские, краевые и областные подразделения НКВД.

Люди Хомя Гроба, а, также Лёни Севочкина, как ни старались, не могли выявить действительную причину

провала переправки рукописи Стецуняка на волю. Сошлись во мнении, что роковую роль здесь сыграло стечение обстоятельств, не зависящее от людей.

В Скальнинском ИТУ Назар пробыл до 1954 года, а затем был переведён в распоряжение Колымского управления исправительно-трудовых лагерей (Магадан), а оттуда – в один из дальних золотых приисков на северо-восток Колымского края. Можно только предполагать, чем вызвано это перемещение, либо тем, что зек не должен привыкать или адаптироваться к одним и тем же условиям, либо тем, что ослабленному Великой Отечественной войной государству нужно было в ударных темпах пополнять свой золотой запас. Если в Пермской области, где отбывал Назар половину своего срока, климат – умеренно-континентальный, то на Колыме – резко-континентальный, с большими перепадами температур. Зимой мороз зачастую достигал пятидесяти градусов, в разгар лета жара подкатывала к тридцати. Осенью – пронизывающие ветра, весна – без дождей, яркое солнце, быстро съедающее трехметровый слой снега на равнине и не трогающее его в ущельях, потому и круглый год лежит там снежный покров. Сухой и разряженный воздух во многом способствует сердечным болезням, не говоря уже о скудном питании, отсутствии витаминов... Назару природа колымского края была в диковинку. Там росли карликовые берёзы, низкорослые кусты рябины с крупными ягодами, лиственницы, чья природная жизнь достигала пятисот лет. Но особо Назар отметил невысокие хвойные кусты, толщиной до десяти сантиметров под названием стланик.

Это очень неприхотливое растение, растущее на каменистой почве. На зиму он стелется по земле, как спрут, растягивая свои ветки. Снегопад засыпает стланик, и так он проводит всю зиму. Ну, а как только наступает весна, хотя снег ещё лежит толстым слоем, стланик встаёт во весь рост и тянется к солнцу, сигнализируя людям, что ещё одна суровая зима прошла, и скоро наступит лето... Стланик, как зек, его гнут морозы, но как только зачует весну – сразу разгибается. Ввиду сухости одной руки, Кошечкина не взяли на основные тяжелые работы в забой, где зеки кайлили камень и вывозили его на тачках. Он был оформлен в бригаду по устройству в забое тротуаров под вывозку тачек. На пилораме брёвна распускались в доски, из которых и сбивались узкие тротуары. Зеки еженедельно чередовались в своей работе на пилораме и на воздухе, потому что в помещении, где стояла пилорама, работать было, сравнительно, нетрудно, а, вот, сбивать тротуары на сорока-пятидесятиградусном морозе – уже другое дело. Уроженец юга Украины, Назар, очень трудно привыкал к суровому климату Колымы, но человек способен привыкнуть ко всему... Здоровье Кошечкина также стало ухудшаться, он резко похудел, половина зубов выпала от цинги. С грустью он вспоминал свою прошлую жизнь в Скальнинском ИТЛ, где ему пришлось трудиться по учёту кубатуры вырубленного осужденными леса и выведения процентовки бригадных выработок. Но мы знаем, что жизнь состоит из белых и чёрных полос, и на Колыме Назар вступил в чёрную полосу.

После смерти Сталина, в 1953 году, в стране стали происходить разительные перемены. В больших масштабах

пересматривались уголовные дела по статье 58-10 Уголовного Кодекса, и подавляющее большинство бывших «контрреволюционеров», троцкистов, правых и левых уклонистов и других, освобождены из лагерей. К тому же, в связи со смертью вождя, была объявлена амнистия уголовникам. Что из этого вышло, хорошо отображено в художественном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего», снятого в девяностых годах.

Число зеков значительно уменьшилось, но золото по-прежнему было нужно стране. Поэтому, повысились нормы выработки для осужденных и интенсивность их труда.

Прибыв в новый для себя лагерный коллектив, «Артист» стал присматриваться к окружению. Большинство зеков были бывшими участниками РОА генерала Власова, немецких казачьих формирований Доманова. Много – бывших карателей, полицаев, а, также, агентов империалистических разведок, осужденных до начала войны, и чьи дела не так-то просто пересмотреть и прийти к однозначному выводу.

Лагерное отделение, в котором находился Назар, обслуживал оперуполномоченный оперчасти ИТК старший лейтенант Чиж, уроженец Белоруссии. В войну он воевал в партизанском отряде, а его жена и малолетний ребёнок погибли от бомбового удара. После войны, он окончил училище НКВД и, как одинокий мужчина (второй раз он не женился), был распределён для прохождения службы на крайний северо-восток. Тут, как и во всей нашей жизни, были несомненные плюсы и минусы. Это год службы за полтора, повышенное в этой же пропорции денежное содержание,

длительные отпуска. К минусам можно отнести суровый климат, захолустье, скукота, размеренный, в рамках Устава, образ жизни без особых развлечений, кроме игры в карты, шахматы и употребления спиртного, да еженедельных субботних бань. Чиж, в некоторой степени, был ортодоксально мыслящим человеком. Как участник Великой Отечественной войны, и потерявший в ней семью, он резко отрицательно относился ко всем, без исключения, лицам, сотрудничавшим с немцами – бандеровцам, власовцам, литовским «лесным братьям», а, также, побывавшим у противника в плену и т.п. Но все мы хорошо знаем, что человек попадал в плен, зачастую, по независящим от себя обстоятельствам, да, и во власовской армии и немецких казачьих формированиях, отнюдь, не все были «врагами народа», просто людям некуда было деться. Более снисходительно старший лейтенант Чиж относился к различным «троцкистам-утопистам», верующим, сионистам, а, также, лицам, осужденным по бытовым статьям, в том числе и блатарям. Блатные сразу же почувствовали психологию «кума» и умело подстраивались под неё. Охотно соглашались, за небольшое вознаграждение в виде чая, папирос, несколько рублей на отоварку в ларьке, выполнить любое оперативное поручение «кума» по «враждебному элементу», заранее обговаривая, что по «братве» работать не будут.

В отличие от прежнего места отбытия наказания «Артистом», в лагерном отделении на золотом прииске «Серпантинка» довольно многочисленным было землячество бывших литовских «лесных братьев».

Естественно, они компоновались между собой, но не чурались бесед с товарищами по несчастью. Охотно рассказывали историю Литвы, особенно в период с 1920 по 1940 годы, когда их государство было независимым. Подчеркивали, что Литва потеряла независимость, благодаря пакту Молотова – Рибентроппа, в результате которого России отошла Литовская Республика. Очень отрицательно относились как к немцам, так и к русским, и вели с ними освободительную партизанскую войну с 1944 до 1954 года, до тех пор, пока местное население, устав от такого положения в республике, перестало материально поддерживать «лесных братьев». И, кроме того, органами НКВД, в результате предательства начальника охраны, был арестован лидер формирования «лесных братьев» всей Литвы, бывший офицер Йонас Жемайтис. Много боевиков арестовано, осуждено и отправлено в лагеря, а члены их семей – выселены в Западную и Восточную Сибирь. Словом, послевоенной истории этого маленького государства не позавидуешь.

Время шло, Назар понемногу привыкал к новым условиям жизни и работы. Обзавёлся связями, как из числа соседей по нарам, так и бригадников. Как человек, немало повидавший на своём веку и хорошо разбиравшийся в человеческой психологии и вопросах оперативной деятельности специальных служб, в выборе знакомств и связей, он не делал скоропалительных решений, опасаясь совершить непоправимую ошибку. Наиболее близко Назар сошелся со своим бригадником Мотовиловкером Залманом Шмулевичем, примерно шестидесяти лет, осужденным по

статье 58-10 УК на десять лет, где-то в пятидесятом году. Вместе они пилили доски, сбивали тротуары, сидели в лагерьной столовой. Многие зеки звали Мотовиловкера дядя Зяма, постоянно подтрунивали над ним, как человеком еврейского происхождения. Дядя Зяма на шутки не обижался, охотно рассказывал еврейские анекдоты, угощал своих соседей по нарам и товарищей по бригаде содержимым продуктовых посылок, которые он регулярно получал с воли в установленные сроки. Словом, Зяма пытался со всеми ладить и не конфликтовать, тем более, что по комплекции он был щупл и невысок, не отличался смелостью, а скорее наоборот. Да и возраст Зямы давал о себе знать.

Но очень отрицательно к дяде Зяме относились два бывших монархиста: князь Соловьёв-Зарайский и юнкер Штерн, оба примерно 1900 года рождения. Революцию они встретили в возрасте 17-18 лет, оба воевали в 1919-20 годах в составе добровольческой армии, которую возглавлял сначала генерал Лавр Георгиевич Корнилов, а после его гибели – генерал Антон Иванович Деникин. Оба, как социально чуждые элементы, к тому же боровшиеся с советской властью с оружием в руках и состоявшие в тридцатые годы в подпольной монархической организации, в 1937 году осуждены по нескольким статьям за контрреволюционные преступления на длительные сроки. В лаготделении они стремились держаться всегда вместе, поддерживая друг друга. Вспоминали эпизоды их прошлой военной службы, боевые действия под Екатеринодаром, ледовый поход Белой армии и другие подобные события. Каждый год 17 июля они просили православного священника

из числа заключённых отслужить молебен за упокой царской семьи, расстрелянной в 1918 году большевиками в Екатеринбурге. Причём, за церковную службу, готовы отдать священнику последнюю рубашку.

В кругу зеков их звали «Князь» и «Юнкер» без упоминания фамилий и имён. Чувствовалось их достойное воспитание и образование, речь была грамотной, культурной и несколько старомодной. К любому, даже самому «зачуханному» зеку, они всегда обращались на «Вы». Октябрьскую революцию в России они называли не иначе как «великим жидо-массонским переворотом». Мягко выражаясь, особой любовью к еврейской нации они не пылали. Поэтому дядя Зяма для них был как красная тряпка для испанского быка. «Князь» и «Юнкер» никогда не упускали возможности лично, или в кругу зеков, высказать претензии дяде Зяме за то, что евреи распяли Иисуса Христа, всегда стремились продать и предать Россию, убили Петра Аркадьевича Столыпина, председателя правительства; их вожди – Троцкий, Свердлов, Каменев, Луначарский и другие, да и сионизированный космополит Ленин совершили в России великий переворот на германские и еврейские деньги. И среди извергов, расстрелявших императора Николая II и его августейшую семью, с их слов, было несколько евреев. В одной из стычек с дядей Зямой, «Юнкер», побледнев от злости, сквозь зубы заявил, что в сейфе умершего в результате травмы Янкеля Мовшевича Розенфельда (Свердлова) оказались сотни тысяч царских рублей и золотых десятирублёвых; а кто был первым начальником ГУЛага ОГПУ – еврей Берман. Что евреи в кожаных куртках

комиссаров чека гнобили и издевались над русским народом, проводя массовые зачистки и кровавые репрессии.

- Ты, жид пархатый, посмотрел бы на тысячи загубленных россиян, в подвалах Одесской и Севастопольской чека, тогда перестал бы рассказывать свои еврейские анекдоты про Сар, Дор, Янкелей и Мойш.

Проходящий мимо «Артист», услышав сентенцию Штерна, вежливо сказал:

- Прошу прощения, гражданин «Юнкер», но дядя Зяма не в коей мере не отвечает за грехи еврейского народа в тридцать третьем году нашей эры, когда был распят Иисус Христос. Что касается революции и последующих трагических событий в истории России, то и здесь простой помощник техника-дантиста, коим являлся дядя Зяма на воле, не играл ни малейшей роли, и являлся маленькой песчинкой в большой буре. Кроме того, дядя Зяма старше вас по возрасту лет на десять и с этим тоже нужно считаться.

- По возрасту, но не по воинскому званию, - пробурчал «Юнкер», и, тут же, официальным тоном, обращаясь к Назару, сказал:

- Я бы вам, гражданин полицаи и каратель, посоветовал не принимать на себя роль адвоката, особенно в тех проблемах, где вы не разбираетесь.

- Ну, зато вы с «Князем» во всём хорошо разбираетесь, а вот как драпали от красных, вплоть до Крыма и дрались между собой за места на пароходе, отплывающем в Турцию, - отпаривал «Артист».

Удар что называется, был нанесён ниже пояса, юнкер побледнел, затрясся и, задыхаясь от ярости, заявил:

- Эх, жаль, что мы не сошлись с тобой в штыковом бою под Ростовом, тогда бы посмотрели, кто бы из нас драпанул... Вы же не знаете, гражданин полицай и каратель, во сколько раз превосходила Красная Армия по численности и материальному обеспечению Добровольческую армию, которой командовали боевые генералы и патриоты России – Корнилов и Деникин, но тем не менее, существовала реальная угроза взятия Москвы силами Белой Армии. Не знаете вы также, что в армии красных было более полумиллиона наёмников: китайцев, чехов, венгров, поляков, не щадивших россиян и воевавших исключительно за большие деньги, а не за идею.

- Ну и что, - ответил «Артист», - Ты воевал за высокую идею, а сейчас такой же зек, как я, дядя Зяма и тысячи других. Строишь из себя аристократа, а сам «говно».

- Да как вы смеете оскорблять русского офицера, - взвился юнкер и бросился на Назара с кулаками.

Но «Артист» был гораздо младше «Юнкера», к тому же меньше отсидел, да и помог дядя Зяма. Короче говоря, «Юнкеру» завернули руки, остудили пыл, и он ретировался, сквозь зубы, роняя угрозы. Так и сошлись Назар с дядей Зямой, который видел, что молодой украинец вступился за него, старого еврея.

В тот же вечер, Назар, лёжа на нарах, рассуждал о случившемся накануне инциденте. «Как всё-таки устроен мир», - думал он, - «Юнкер» и «Князь», будучи 17-18 летними юношами, сражались за идею, императора и самодержавие, действуя по принципу: «Жизнь Родине и царю, а честь – никому». По грудь в ледяной воде форсировали Дон, смело

ходили в штыковые атаки, стойко перенося все тяготы суровой военной жизни. А добрая половина российского офицерского корпуса, после революции, отсиживались по домам, со стороны наблюдая, кто же возьмёт верх в братоубийственной гражданской войне. После поражения белых эти два молодых человека длительное время скрывались от ЧК, ОГПУ и НКВД, добровольно вступили в подпольную монархическую организацию, за что и получили свои 20 лет. Видимо, у них была своя правда... С другой стороны, своя правда и идея были и у большевиков, сионистов, оуновцев и так далее». Здесь Назар сделал ясный для себя вывод, что не существует в мире одной правды; для каждого человека, нации, государства религии она разная. Поэтому, когда люди начинают навязывать и отстаивать свою идею, думая что только они правы, возникают коллизии как на микроуровне, такие как при скандале юнкера с Зямой, так и на государственном уровне, о чём свидетельствует пример России: революция, гражданская война, классовые чистки, произвол правоохранительных структур, Великая Отечественная война, разоблачение Хрущёвым культа личности Сталина, расстрел всемогущего Берии.

Но стычка «Юнкера» с дядей Зямой неожиданно-негаданно принесла ощутимую пользу «Артисту». Зяма всё более и более проникался доверием к «Артисту». В одной из бесед за крепким чаем и мацой, которую прислали Зяме его родственники накануне еврейской пасхи, шёл неторопливый разговор о зековском житье-бытье, политике, новостях с «большой земли». Пожилой еврей рассказал

Назару, что в 1949 году на Ближнем Востоке, в районе Палестины, образовалось государство Израиль, цель которого сплотить под своей эгидой всех евреев мира, как путём переселения на Землю Обетованную, так и на основе сионистской идеологии. Суть её заключалась, примерно, в следующем: каждый еврей, независимо от того, где он проживает, должен быть истинным патриотом Израиля и обязательно помогать своей исторической родине. Здесь нет разницы, кто по должности будет иудей – министр, либо сапожник, но каждый из них, в меру своих сил и возможностей, обязан помогать и служить интересам Израиля. Кроме того, евреи, проживающие за пределами Израиля, должны, не привлекая интереса к себе, помогать и поддерживать друг друга ради достижения единой высокой цели – поддержки израильского государства.

- Ты пойми, Назар, - с придыханием возвещал Зяма, - На протяжении мировой истории еврейский народ постоянно притеснялся и истреблялся, был рассеян по всему миру. Но так как мы Богом избранная нация, Господь не дал свой народ в обиду. Вот два последних примера: Гитлер и Сталин. Оба они, особенно фюрер, ненавидели евреев, хотя и имели неплохие от них дивиденды. Это и концлагеря, гетто, расстрелы и надуманные судебные процессы над евреями. И у обоих один и тот же конец – мучительная смерть, предательство соратников.

- Вот я, например, простой помощник дантиста, распространял в Бердичеве гуманитарную помощь международной еврейской организации «Джоинт», за что получил свой «червонец». Но, надо сказать, что энкаведисты

сработали по мне крайне слабо, выявив только то, что лежит на поверхности, и, не пытаясь вникнуть вовнутрь. Ты, может и не знаешь, что в Израиле, как и в любом другом государстве, существует своя разведка «Моссад», в которую, кстати сказать, влилось много бывших советских чекистов еврейского происхождения, эмигрировавших в эту страну.

- Нет, - ответил Назар, - Я нахожусь в лагерях с 1946 года, поэтому об Израиле, а особенно о «Моссаде» практически ничего не знаю.

- Так вот, - продолжал Зяма, - В «Моссаде» сидят очень умные и грамотные люди, многие из которых не уступают советским профессорам и академикам. Они на основе теории сионизма, выстроили чёткую и профессионально выверенную схему: создание опорных пунктов «Моссада» во всех странах мира, где проживает хотя бы один еврей. Естественно, основное внимание израильской разведки уделяется таким странам как СССР, США, Германия, а также другим богатым и могущественным государствам. Так вот, я не столько занимался развозкой гуманитарной помощи «Джоинта», сколько подбором кандидатур содержателей опорных пунктов «Моссада» на территории Бердичева и в близлежащих к нему районах.

- Ну и что, подобрал? - лениво спросил «Артист».

- Конечно, - с апломбом ответил Зяма, - Не только подобрал, но и передал сведения о них одному человеку, тайному представителю «Моссада», а тот по «эстафете» в посольство Нидерландов в Москве, представляющее в СССР интересы Израиля. Я горд, что принёс хоть маленькую, но пользу моей исторической родине и на 100 процентов уверен,

что она и сейчас помогает моей семье, а когда я выйду из заключения, то и меня не забудут и хорошо отблагодарят.

«Да, всё это занято», - подытожил Назар, «Но это уже политика, а она – вещь грязная и может выкинуть непредсказуемые фортели, и, тогда, уже не разберешься, кто прав, кто виноват. Я, например, получил, без малого, пятнашку за пособничество немцам, но не считаю себя врагом России. Всё это случилось ввиду стечения обстоятельств, которые и внесла в мою жизнь большая политика, а именно, раздел сфер влияния между Гитлером и Сталиным и, соответственно, между Россией и Германией. Как следствие этого раздела, и началась в 1939 году Вторая Мировая война, катком прокатившаяся по судьбам и жизням не одного десятка миллионов людей. Ведь у меня практически не было альтернативы: либо помогать военно-полевой жандармерии немцев, либо быть угнанным на принудительные работы в Германию. И неизвестно, как бы повернулась жизнь в неволе, и остался ли я бы вообще живым. Поэтому политика меня совершенно не интересует, я сыт ей по горло». Здесь же «Артист» перевёл разговор на бытовые зековские темы. Но Зяма, прежде чем поддержать их, сказал собеседнику:

- Назар, я тебе доверил очень серьёзную тайну и попрошу тебя, чтобы это осталось между нами.

- Будь спокоен, - ответил «Артист», - Всё останется между нами. Я не маленький ребёнок и не баба мокрохвостая, чтобы трепаться о таких серьёзных вещах...

Про себя «Артист» подумал, что, вот, и на далёкой Колыме он заполучил информацию, могущую иметь

значение для Министерства госбезопасности СССР (правопреемника НКВД). Теперь нужно ждать, когда на него выйдет опер Чиж, самому же проявлять инициативу восстановления связи нет смысла, так как можно засветиться, а народ здесь тёртый, палец в рот не клади... Действительно, в лагере для особо опасных государственных преступников всё его население, начиная с самого молоденького неопытного зека и, кончая, «мэтрами», имевшими за плечами по несколько ходок и не один десяток лет сроков, очень хорошо владело информацией о приёмах и методах оперативной работы сотрудников оперчасти, а, особенно, о способах выявления секретных осведомителей «кума». Естественно, выявленных агентов по головке не гладили, многие из них были жестоко биты и лишались жизни за нарушение канонов «зековского братства».

И Назар терпеливо ждал, когда же на него выйдет старший лейтенант Чиж. Следует сказать, что «Артист», методом наблюдения и из бесед с осужденными, сумел составить подробный психологический портрет «кума», в котором отражены были не только деловые качества оперативного сотрудника, но и психологические черты его характера, сведения о прошлой жизни, в том числе, об участии в партизанском отряде, негативном отношении к любому человеку, так или иначе помогавшему врагу, и гибели членов семьи. «Не так-то просто будет сработаться с Чижом», - заключил для себя «Артист», - «Но ничего не поделаешь, такова жизнь. Не мы выбираем себе руководителей, а они выбирают нас».

Время шло, но Чиж никак не обозначался. За время

ожидания, Назар сумел заполучить сведения о чёткой организационной структуре в землячестве бывших «лесных братьев» из Литвы, моральной и материальной поддержке их от единомышленников с воли, приёмах взаимного информирования и связи между лагерными отделениями, находящимися в сотне километров друг от друга.

Но время шло, и где-то в середине 1956 года под подушкой у себя на нарах Назар обнаружил маленький затёртый клочок бумаги, где было написано: «Запишись такого-то числа на приём к фельдшеру», и стояли инициалы: «Ч.И.А.», (Чижа звали Иван Алексеевич), и «Артист» сразу же смекнул, что к чему. За день, перед указанной в записке датой, «Артист» пришел в санчасть лагеря и, обратившись к помощнику фельдшера, из числа заключённых, попросил записать его на приём. Помощник вынул толстый журнал, неторопливо макнул перьевую ученическую ручку в чернильницу, и, со значительным лицом, стал заполнять графы журнала, в конце поинтересовавшись, на что жалуется Кошечкин.

- Болит поясница, видимо надорвал её, поднимая тяжелые брёвна на пилораме.

- Бывает, - ответил помощник, - С такими жалобами к нам обращаются многие...

В санчасти зоны царили порядок и чистота. Перед входом висела табличка: «В обуви не входить!», полы были чисто вымыты, стены и потолки свежесмылены, а двери и оконные рамы – покрашены белой масляной краской. «Везёт же людям», - подумал Назар о помощнике фельдшера: «Такой же зек, но содержится в комфортных условиях, лицо сытое,

опрятен. Видимо, имеет медицинское образование, а то бы никак сюда не попал. Это не на сорокаградусном морозе вкалывать в забое с кайлом и лопатой, катать тяжелые тачки, да и монтировать тротуары на жгучем морозе тоже нелегко». «Но что сделаешь, каждому – своё», - заключил про себя «Артист».

Между тем помощник фельдшера сказал Назару:

- Придёшь завтра к такому-то часу, да не забудь поставить в известность бригадира.

- Знаю, не маленький, - отпарировал Назар и вышел от помощника.

В этот вечер он долго не мог заснуть, обдумывая и обновляя в памяти те малейшие нюансы имеющиеся у него за душой информации, могущей представлять интерес для опера.

На следующий день в точно назначенное время «Артист» пришёл в санчасть и помощник показал ему кабинет фельдшера. После осмотра фельдшером, стучания молоточком по коленям и укалывания иглой поясницы, фельдшер разрешил Назару одеваться, дал ему несколько таблеток и мазь для втирания, объяснив, через какое время принимать таблетки и натирать поясницу мазью. После этого, фельдшер приказал Артисту зайти в смежный кабинет, плотно закрытый обитой дерматином дверью. Назар, постучав, зашёл в смежный кабинет. Там, как и оказалось, сидел опер Чижа, обложившись какими-то бумагами. Войдя в кабинет, Назар встал по стойке смирно и чётко представился по установленной форме. Чижа, показав рукой на стул, позволил сесть.

- Кошечкин, - начал с места в карьер «кум», - Есть ли у тебя что-нибудь полезное для оперчасти?

- Да, гражданин старший лейтенант, - и «Артист» чётко и внятно «вылепил» информацию о подготовке «Моссадом» опорных пунктов для своей разведывательной деятельности в СССР, полученную от дяди Зямы.

Чиж слушал внимательно, не перебивал. В конце задал несколько уточняющих вопросов, на которые Назар дал обстоятельные ответы. Далее опер сказал:

- Я знаю о тебе, Кошечкин, многое, но не всё. Всё знает один Бог... По моему мнению, ты грамотный и опытный информатор, романтик своего дела. Не сотрудничал бы ты в прошлом с фашистами, я бы тебе оказал посильную помощь, вплоть до актирования, то есть освобождения из ИТК по болезни. Но у меня ко всем без исключения немецким пособникам однозначно отрицательное отношение. Да, ты сейчас будешь оправдывать себя, что не имел возможности отказаться от предложения сотрудника военно-полевой жандармерии, что у тебя не было альтернативы. Но всё это блеф, захотел бы и сбежал со своего села на восток, вступил бы в партизаны. Поэтому, даже тогда, когда ты отбудешь срок и освободишься, я всё равно тебе руки не подам, хоть, может быть, ты и принесёшь большую пользу МГБ. Есть на то у меня веские основания, гражданин осуждённый, - подытожил Чиж, и стал инструктировать «Артиста» о способах связи с ним, а также о конкретных лицах и проблемах, интересующих оперчасть.

Расстались друг с другом холодновато нейтрально.

Идя в барак из санчасти, Назар подумал про себя, что

был во многом прав, в видении «кума» Чижа, но всему есть своё оправдание: всё-таки от рук немцев погибли его жена и сын. Здесь же «Артист» с удовлетворением отметил, что у него за душой ещё, как минимум, одна ценная информация об организационной структуре литовских «лесных братьев» в условиях ИТК, а, также, информировании связей на воле, о членах альтернативных (созданных органами НКВД) партизанских отрядах, предназначенных для уничтожения настоящих «лесных братьев».

Придя в помещение оперчасти, Чиж составил для себя тезисы полученной от «Артиста» информации для последующего доклада начальнику оперчасти майору Рыбакову. Майор, бывший житель Ленинграда, работавший в своё время в «Большом доме» (Управление НКВД, а затем МГБ) на Гороховой, располагал большим опытом оперативно-розыскной деятельности, особенно по проблемам контрразведки. Неоднократно участвовал в оперативных играх с разведками Великобритании и Швеции, подставляя им своих людей. Карьера у Рыбакова складывалась хорошо, но один случай смазал всё. При ежегодной сверке обнаружилась пропажа целого оперативного дела, числящегося за ним. Рыбаков не мог понять, как пропал целый том, но во сне ему было откровение, что дело он случайно сжёг при уничтожении документов, потерявших оперативную ценность и значимость. На следующий день он доложил о своём предположении в отношении пропажи непосредственному начальнику, естественно ничего не сказав о «вещем сне», так как опасался, что посчитают за психа и вообще уволят

из органов. Шеф сказал Рыбакову, что охотно ему верит, но где хоть малейшие подтверждения. А их-то, к сожалению, у оперработника не было. Как наказание за утрату секретных документов, Рыбакова понизили в должности и перевели в распоряжение Колымского управления исправительно-трудовых лагерей. Вначале, он был назначен старшим опером, но через короткое время, начальство убедилось в его высоком профессионализме и повысило в должности до начальника оперчасти лаготделения «Серпантинка». Естественно, на Колыму свою семью Рыбаков не взял, ежегодно ездил в отпуск в Ленинград, благо, что отпуска у военнослужащих районов крайнего Севера были длинными. Этот факт, также, способствовал результатам оперативной деятельности, как самого Рыбакова, так и подчинённой ему структуры, так как он не был обременён никакими бытовыми и семейными проблемами и мог всецело отдаваться своей работе. За это же Рыбаков ценил и опера Чиж, хотя бы лучше было бы, чтобы он был человеком семейным; но что если у него такая судьба...

Между тем, Чиж, наметил для себя чёткую последовательность доклада шефу с констатацией не только полученной оперативной информации, но и предполагаемыми мероприятиями по её реализации. Как он ожидал, Рыбаков с большим вниманием и интересом воспринял полученную от «Артиста» информацию о создании израильской спецслужбой «Моссад» опорных пунктов в СССР и по всему миру. Единственно, что опер Чиж предложил реализовать эту информацию только по отношению Мотовиловкера (возбудить на него уголовное

дело в связи с вновь открывшимися обстоятельствами: измена Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР).

- Погодите, Алексей Иванович, - обратился Рыбаков к подчинённому, - Здесь нужно крепко подумать. Я, хоть и имею достаточный опыт работы в контрразведке, но всё-таки, посоветуюсь со своими бывшими коллегами из Службы контрразведки Управления МГБ по Ленинградской области, как реализовать полученную вами ценную информацию.

Мэтры контрразведки из Ленинграда посоветовали Рыбакову подготовить подробную информацию по разведке «Моссад» в Главное Управление контрразведки МГБ СССР в Москву. Возбуждать уголовное дело на Мотовиловкера, на их взгляд, пока нецелесообразно, так как израильской спецслужбе сразу же станет известно о том, что МГБ СССР заполучило информацию об активных действиях «Моссада» по созданию опорных точек, как в России, так и других странах. «Артист», как мелкий винтик в большой игре, в расчёт не шёл, хотя и он бы тут крепко «засвечивался», реализуй его сведения возбуждением уголовного дела на дядю Зяму, как бы искусно не проводились мероприятия по зашифровке источника информации.

Через месяц отшлифованная и выверенная информация в отношении разведки «Моссад» легла на стол начальника Главного Управления Контрразведки МГБ. Тот ознакомил с ней начальника линейного Управления, специализирующегося на борьбе со спецслужбами Израиля

и записался на приём к Министру, перед этим ненавязчиво выяснив мнение начальника линейного Управления по поводу информации, полученной из далёкой Колымы. В душе он был глубоко удовлетворён, что у его подчинённого такое же мнение касательно этой информации. Короче говоря, после доклада документа министру ГБ, его сжатое изложение дошло вплоть до членов Президиума ЦК КПСС, главного руководящего органа Советского Союза.

Итог этой эпопеи: оперуполномоченный Чиж досрочно получил очередное воинское звание «капитан» и в подарок от начальника Магаданского Управления – наручные часы. Майор Рыбаков получил Почётную грамоту за подписью Министра и переведён обратно в Ленинград. «Такие люди нам нужны в Центре, а не в захолустной Колыме», - обосновывал свою просьбу в отношении Рыбакова, перед Министром, начальник Главного Управления контрразведки МГБ. Что же касается вышестоящего руководящего состава Министерства ГБ, то о характере их поощрений одному Богу известно... Главный же виновник раздачи подарочных слонов, информатор «Артист», получил от капитана Чижа, в качестве поощрения, сто рублей мелкими купюрами (сумма для лагеря очень неплохая).

- Будешь отовариваться через уголовников, - рекомендовал «кум».

В системе ГУЛага запрещалась лагерная отоварка политических, разрешалось только отоваривать бытовиков и блатных – дружественных власти категорий осуждённых. Назар зашил деньги под подкладку ватника, распределив их так, чтобы не было выпуклостей, которые могли бы

насторожить контролёров. На вознаграждение от Чижа, «Артист», в течение года, покупал, через других людей, в ларьке то пачку маргарина, то ржаных пряников, то карамелек к чаю.

Время шло, в лагерь стали прибывать люди, осуждённые за различные преступления уже в период «хрущёвской оттепели». Это бывшие солдаты и матросы, проходившие службу за пределами страны и пытавшиеся уйти на Запад, похитив кое-какие военные секреты; валютчики и фарцовщики, подрывающие экономические основы государства; различные расхитители социалистической собственности, а также, лица, осуждённые чисто по уголовным статьям. Назар для себя отметил, что значительно сократилось число людей, осуждённых за антисоветскую агитацию и пропаганду, хотя встречались и такие.

В 1957 году освободились «Князь» и «Юнкер». Перед выходом на волю, они попрощались со всеми соседями по бараку, попросили их простить, если они в чём-то были не правы. Рассказали, что намерены вернуться в Санкт-Петербург (так они всегда называли Ленинград), где живёт достаточное число их единомышленников и бывших сослуживцев по Белой армии.

- Боевые товарищи не оставят нас в беде и не бросят на произвол судьбы. Плохо только то, что нам уже по 57 лет, - говорили они, - И в этом возрасте трудно устроится на работу. Ну ничего, как-нибудь, Бог даст, устроимся в условиях развитого «жидо-массонского социализма».

Здесь же говорили, что Хрущёв – соратник Сталина,

также имеющий непосредственное отношение к репрессиям против россиян. Просто он вовремя сориентировался и после смерти своего «патрона» стал активно разоблачать культ личности Сталина, исподволь формируя ореол величия себя самого. Нельзя не отметить, что Соловьёв-Зарайский и Штерн в этом аспекте как в воду глядели... Перед выходом, они раздали зекам имевшиеся у них картонные иконки и открытки духовного характера, пояснив, что только вера и Бог помогли им выжить в таких ужасных условиях колымских лагерей.

Обращаясь к «Артисту», «Юнкер» сказал:

- Я на тебя зла не держу, когда ты меня, как российского офицера, года три назад глубоко обидел, защищая жида. Но Бог тебе судья, единственно, хочу тебя предупредить, что жидо-массонский сионизм ещё даст о себе знать в России и она очень пострадает от его происков.

Здесь также «Юнкер» как в воду глядел, о чём свидетельствует события истории нашей страны конца восьмидесятых, первой половины девяностых годов двадцатого века.

- Пойми, твой приятель-жид, при определённой ситуации, «сдаст» тебя с потрохами, такие вот они люди.

С дядей Зямой монархистам не удалось переговорить, так как года полтора до их освобождения, он был этапирован для дальнейшего отбытия наказания в Дубравный ИТЛ (Мордовия), и на «Серпантинке» однажды прошёл слух, что на него возбуждено уголовное дело, по каким-то вновь открывшимся обстоятельствам. Здесь «Артист» предположил, что не исключено, что за сотрудничество Зямы

с «Моссадом».

Между тем время шло, и, незаметно, наступил 1960 год. Назару он запомнился тем, что на XXII съезде партии Хрущёв с трибуны на весь мир заявил, что через двадцать лет, в 1980 году, советский народ будет жить при коммунизме. Но после смещения Никиты Сергеевича, за подобные заявления бывшие партийные соратники обвинили его в волонтаризме и слабом владении диалектикой социализма. Вот тебе и лидер партии и государства...

Жизнь на «гражданке».

В этом же году, Назар, отбыв срок наказания от звонка до звонка, освободился и выписал себе проездные документы в один из городов Кемеровской области. Об этом городе он узнал от одного из бригадников, который рассказывал, что расположен он на юге западной Сибири, в нём много шахт, есть разрез, обогатительная фабрика, словом на работу устроится можно. В Сумскую область, на малую родину, он возвращаться не стал, резонно полагая, что односельчане могут знать о его прошлом сотрудничестве с военно-полевой жандармерией и судимости за пособничество врагу.

Ранним утром из общего вагона Иркутск – Новокузнецк вышел мужчина лет сорока, с короткой причёской, вставными металлическими зубами и тоненькими усами. Одет он был скромно и опрятно, в руке держал небольшой чемодан, обтянутый коричневым кожзаменителем с металлическими накладками по углам. Внимательно осмотревшись на перроне, он зашёл в здание вокзала и, обратившись к пожилой женщине, спросил:

- Скажите, мамаша, где в этом городе можно снять

комнату в частном секторе?

Женщина оказалась разговорчивой, подробно рассказала, где в городе расположены частные дома и как туда добраться. Посоветовала собеседнику ехать в район «Гончарки», где много частных домов, пояснив, что в этом районе проживают в основном бывшие спецпереселенцы.

- А кто это такие? - спросил Назар.

- Да это раскулаченные крестьяне, высланные в тридцатых годах с центральных областей России в Сибирь.

- Спасибо за совет, - поблагодарил Назар и хотел уйти.

Но женщина спросила, а откуда приехал её собеседник.

- Да с курорта, мамаша, - и пошёл на автобусную остановку.

«Гончарка» открылась взору Артиста узкими не мощеными улочками, небольшими бревенчатыми домами с приусадебными участками. Людей на улицах было мало. Походив по домам, спустя два часа Назар нашёл дом, где пожилая женщина сдавала комнату. Договорились о цене, правилах проживания, о дополнительной плате за питание. Назар честно сказал хозяйке, что прибыл из мест не столь отдалённых, но уголовным преступником не был.

- Понятно, понятно, - ответила женщина, - Я вижу, что, вы, человек порядочный, не приклатнённый, да и на руках нет наколок.

Недели две Назар отдыхал, ездил по городу, встал на учёт в горотделе милиции, как лицо, прибывшее из мест заключения, получил паспорт. Город ему не очень понравился, был пыльный, серый, шахты находились вблизи жилых массивов. Поразили приезжего высокие терриконы

с породой, из которой люди выбирали куски угля и складывали на тачки. Затем либо продавали добытый таким способом уголь, либо везли домой для топки печей.

Преобладали преимущественно деревянные одноэтажные и двухэтажные бараки, построенные либо до войны, либо после неё. Только в центре города стояли кирпичные дома сталинской и хрущёвской постройки, в которых, по всей вероятности, жили руководители города и предприятий.

Что хорошо, в местной газете и на автобусных остановках была масса объявлений о приёме на работу. Наиболее приемлемые для него рабочие вакансии он записывал на лист бумаги, а затем советовался с хозяйкой, стоит ли устраиваться на то или иное предприятие, взвешивал все «за и против». Однажды, на одной из досок объявлений, он увидел листик бумаги, на котором было написано: «Требуется помощник бухгалтера в жилищно-эксплуатационный участок (ЖЭК)», излагались требования к претенденту, и, в конце, стоял номер телефона. «Вот это то - что мне надо» - решил Назар, и с ближайшего телефона-автомата позвонил по указанному номеру. Приятный женский голос пригласил его придти на собеседование к начальнику, назначив конкретное время. Перед аудиенцией, Назар побрился, одел недавно купленную белую рубашку и галстук, выгладил брюки.

Начальник ЖЭКа и кадровичка встретили Кошечкина доброжелательно, но, тем не менее, в ходе беседы спросили, за что он отбывал наказание. Назар ответил, что по пятьдесят восьмой статье, по политической окраске. Женщины особо

не удивились, так как, в тот период времени, был самый расцвет разоблачений культа личности Сталина. В местной газете печатались воспоминания репрессированных, появились художественные книги и статьи в толстых литературных журналах по этой тематике. Должностные лица ЖЭКа подумали, что перед ними очередная жертва политических репрессий, о которых так много писалось и говорилось по радио. Через неделю Кошечкина оформили на работу с испытательным трёхмесячным сроком. С порученной работой он справлялся неплохо, не стеснялся задавать вопросы по непонятным для него проблемам, перечитал и законспектировал ряд методических разработок по бухгалтерскому учёту в системе жилищно-коммунального хозяйства. Когда было нужно, задерживался после окончания рабочего дня, благо, что дома его никто не ждал.

Несмотря на то, что в городе проживало много бывших осуждённых, Назар никого из знакомых по колымскому лагерю не встречал. Единственно, что месяца через четыре после освобождения, в столовой во время обеда он случайно встретил бывшего вора-рецидивиста Сашку Фунтикова, отбывавшего наказание в лаготделении «Серпантинка». «Фунтик», изобразив на лице неожиданную радость, долго жал руку «Артисту» и хлопал его по плечу. Пригласил за свой столик выпить водки, но Назар отказался. Сашка интересовался, устроился ли куда работать его собеседник, не нуждается ли в чём. Назар, в рамках необходимой объективности, рассказал о своём житье-бытье, впечатлениях от шахтёрского города и его обитателей, и в свою очередь спросил, как дела на свободе у Фунтика.

- Да ничтяк, браток, пока нигде не работаю, братва «гreet» неплохо. Нашёл женщину, работающую, в ламповой шахты, живу у неё в бараке, - рассказывал бывший зек.

На прощание, Фунтик сказал Назару, что если будут какие-то проблемы, в особенности если кто-нибудь будет «наезжать» или ещё что-то в этом роде, то Назар смело может обращаться к нему, а он уж найдёт способы, как развести «рамсы». При этом Фунтик на клочке салфетки написал и отдал Назару свой адрес.

- На, может пригодится, - заключил бывший рецидивист.

Время шло, Назар отработал уже около года в ЖЭЖе, никаких изменений не было. Единственно, что он отметил, это ухудшение материального состояния людей. В магазинах зияли пустотой полки, за хлебом стояли длинные очереди. «Вот, при Сталине», - роптал народ: «Через несколько лет после войны, в продуктовых магазинах было всё, начиная от варёной дешёвой колбасы и кончая красной и чёрной икрой. А что при Никите - нищета, только идёт спаивание народа, водку и вино, в том числе на розлив, продают на каждом углу». Да и пышным цветом расцвели хищения социалистической собственности; Сталин бы этого никогда не позволил. Даже директор одной из шахт, ежедневно идя к восьми утра на работу, забегал в овощной магазин и выпивал для «тонуса» стакан разливного фруктового вина и спешил на производство организовывать и контролировать рабочий процесс. А что говорить о простых работах...

Хрущёв, исходя из своего характера и видения социально-экономической обстановки в стране и перспектив

её развития, уверено вёл государство к неминуемому кризису. Чего стоит, например, сокращение армии на миллион человек без необходимой предварительной подготовки; кубинский кризис; присвоение высокого звания Героя Советского Союза египетскому лидеру Гамаль Абдель Насеру и ряд других подобных действий. То создавались совнархозы и сельские обкомы партии, громадные средства «вбухивались» на освоение целинных земель. Подхалимы пели дифирамбы Хрущёву, а народ всё более и более выражал своё недовольство. Чего стоят многочисленные анекдоты о лысом Никите, кукурузе, колхозных доярках и т.д.

- Да, - думал Артист, - Многие рассказчики анекдотов, в былые времена, оказались бы там, где «Макар телят не пас».

Особенно, в период правления Хрущёва активизировался воинствующий атеизм. Газеты пестрели многочисленными статьями антирелигиозного характера, с заголовками типа «Мракобесы в сутанах», «Апостолы без масок», «Адвентисты-мошенники» и т.п. Многие активные верующие, особенно протестантской направленности, высылались, как антиобщественные элементы, на север Томской области, а это были, в основном, трудолюбивые, порядочные и многодетные семьи. В рабочих клубах и ДК чуть ли не каждую неделю проводились атеистические собрания, на которых разбирались и подвергались остракизму представители различных конфессий. Словом, Никита Сергеевич усердно пилил сук, на котором сидел...

Где-то в 1962 году, Назар познакомился с женщиной-продавщицей киоска «Союзпечать», вдовой. Её муж погиб

на шахте, на руках остался двенадцатилетний сын. Жила она в небольшом домике с огородом на окраине города. Рядом находились обвалы, образовавшиеся от горных выработок и заполненные водой. Весной ребятишки плавали на обвалах на самодельных деревянных плотках, летом купались и даже ловили рыбу. Зимой в этих же местах они катались на лыжах, благо рельеф местности с многочисленными спусками, подъёмами и небольшими трамплинами способствовал этому. Через несколько месяцев после знакомства, Назар и Маша (так звали женщину) решили пожениться, и он перешёл жить в её домик. Мужчина сразу же принялся за хозяйственные работы, отремонтировал крышу, заменил прогнивший штакетник на ограде и т.д. Регулярно проверял выполнение школьных домашних заданий сыном Маши, так как за мальчишками, в этом возрасте, нужен глаз да глаз. Выявил несколько фактов, когда пасынок, уходя с портфелем в школу, туда не приходил, а проводил время с друзьями-приятелями, бродя бесцельно по городу. Супруги сразу же по горячим следам приняли должные воспитательные меры, после чего, никаких нареканий к мальчику не стало.

Назар ждал, что рано или поздно на него выйдут представители местного отделения КГБ (Министерство ГБ к тому времени трансформировалось в Комитет госбезопасности СССР), но вплоть до 1964 года на него никто не выходил. Единственно, что сумел зафиксировать «Артист», это повышенный интерес к его личности со стороны одного из соседей, а также мастера ЖЭКа. Обладая аналитическим мышлением, Назар понял, что, по всей вероятности, к нему проявлен интерес со стороны КГБ как

к лицу, сотрудничавшему в период войны с немецкими полицейскими и контрразведывательными органами и к тому же отбывшему срок за особо опасное государственное преступление по статье 58 Уголовного Кодекса. Как к перспективному и опытному информатору, к сожалению, в тот период времени интереса к нему никто не проявил.

Скучая по романтике сыскного дела, Назар методом наблюдения выявил весь личный состав местного подразделения КГБ, благо, что он был немногочисленным. Перед зданием, где в числе других учреждений располагалось городское отделение КГБ, был небольшой скверик со скамейками. В обеденный перерыв Кошечкин сидел на одной из скамеек с газетой в руках, делая вид, что внимательно её читает. Сам же исподволь наблюдал за входом в горотделение. Таким методом он выявил всех сотрудников горотделения, начиная с водителя и кончая начальником. Гадал, кто же всё-таки из них рано или поздно восстановит с ним связь, но время шло, а изменений никаких не происходило. «Артист» подумывал, что, наверное, в КГБ о нём забыли, что где-то не сработала их система взаимного информирования, но почему тогда, как минимум, два человека из его окружения продолжают проявлять к нему повышенное внимание.

Наступил 1964 год, богатый общественно политическими событиями в жизни страны, самое важное из которых смещение Хрущёва со всех его постов и избрание Генеральным секретарём ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Новый руководитель активно стал разбирать и устранять все огрехи и ошибки, допущенные его

предшественником, как внутри страны, так и на международной арене. В своих выступлениях он никогда не допускал крестьянских шуток, коими часто пользовался Никита Сергеевич, не совершал действий, типа стука снятым ботинком по трибуне в ООН. Сразу же Брежнев стал укреплять боевую мощь государства, обращая должное внимание на её материально-техническую оснащённость, не забывал, также, нужды личного состава Вооружённых Сил. Во-вторых, он назначил Председателем КГБ Юрия Владимировича Андропова, мудрого, талантливого и дальновидного политика. Бывший Председатель Семичастный В.Е., выходец из ленинского комсомола, был снят и отправлен возглавлять всесоюзное общество «Знание». Тем самым, новый генсек заручился поддержкой сразу двух мощных силовых структур: КГБ и Вооружённых Сил; а спустя некоторое время назначил Министром внутренних дел своего хорошего друга, Щелокова Н.А., и тем самым, весь силовой блок сделался очень лояльным к новому Генеральному секретарю.

Да и жизнь простого народа изменилась в лучшую сторону. Повысилась заработная плата, улучшилось снабжение продуктами и товарами, активно строилось жильё. Постепенно, стала затихать компания по дискредитации культа Сталина, репрессий тридцатых годов и т.д. Может быть, это было верным решением, так как страна уже устала от «хрущёвской оттепели» и повальной критики Сталина и его клеветников, к коим относился и сам обличитель Хрущёв.

К концу 1964 года, на «Артиста» вышел представитель

органов ГБ. Однажды, когда он сидел на автобусной остановке, к Назару подошёл человек лет тридцати и назвал Кошечкина по имени-отчеству. Назар вежливо поинтересовался: «Чем могу быть полезен»? Человек пояснил, что он является старшим оперуполномоченным горотдела КГБ капитаном Васильевым и хотел бы переговорить на тему, представляющую взаимный интерес. Назар ответил согласием и опер назначил встречу в комбинате одной из шахт на окраине города.

Первая встреча с Васильевым продолжалась часа полтора и носила ознакомительный характер. Особого интереса к прошлой жизни Назара опер не проявлял, вероятно, и так о ней неплохо знал. Заявил, что намерен строить негласную работу с «Артистом» на принципе взаимного уважения и доверия, пояснив, что не в его правилах и убеждениях «потыкать» человека прошлыми ошибками. «От тюрьмы и от сумы никогда не зарекайся», - отметил капитан, - «Поэтому я смотрю на эти вещи очень реально».

Оказывая негласную помощь оперработнику, «Артист» всегда проявлял точность во встречах, строго соблюдал конспирацию. Рекомендации Васильева, он, естественно, принимал к сведению, но как догму не воспринимал. Короче говоря, к своим обязанностям стал относиться творчески, по делу проявляя инициативу и неплохие актёрские качества.

Где-то в 1967 году Назар получил приятный сюрприз. Однажды в своём почтовом ящике он обнаружил письмо от Мотовиловкера Залмана Шмулевича (г. Хайфа, Израиль). В письме дядя Зяма писал, что отбыв 15 лет заключения,

приехал обратно в Бердичев. Там у него образовался дальний родственник, работающий помощником главного раввина Израиля. Он и выслал мне и супруге вызов на постоянное жительство; мы быстро оформили документы и получили разрешение советских властей. Кто же будет ставить препоны старому еврею, к тому же судимому. Государство сразу же от моего выезда будет иметь двойную выгоду, во-первых, не будет платить мне заработанную пенсию, а во-вторых – избавится от потенциального сиониста. Словом и мне хорошо, и государству неплохо. Пояснял, что адрес Кошечкина в Сибири он нашёл через международный Красный крест, в чём Назар сильно усомнился. «Не иначе, как «Моссад» помог в этом вопросе дяде Зяме, чтобы восстановить связь с одним из обиженных советским режимом человеком», - резонно рассуждал «Артист».

Дядя Зяма в своём письме расхваливал условия жизни на «Земле Обетованной», хорошая пенсия, дом, прекрасный климат, достойное медицинское обслуживание, изобилие дешёвых фруктов и овощей, дружелюбный настрой местного населения к эмигрантам. Приглашал Назара в гости, поясняя, что с вызовом не будет проблем. Посмотришь хоть на кусочек настоящего социалистического рая, ведь в Израиле, в отличие от Советов, настоящий социализм с человеческим лицом. В конверт вложены красочные фотокарточки Зямы и его супруги на фоне моря, пальм, хороших автомобилей. О полученном послании от бывшего солагерника, «Артист» поставил в известность оперативного работника. Через несколько месяцев, Васильев на встрече сказал Назару, что в ходе проверки выяснилось, что ни один человек не

запрашивал в Красном кресте адрес гражданина СССР Кошечкина. «Как я оказался прав в предположении о «Моссаде», - подумал Назар...

Но принёс он более весомую пользу и, как это ни странно, не органам Комитета ГБ, а внутренних дел (милиции). Остановимся на этом поподробнее. Как мы все знаем, за каждым городом страны представителями организованной преступности (хотя этот термин был введён в обиход в девяностых годах) назначался так называемый смотрящий, на которого возлагались ряд функций, в том числе за соблюдением братвой понятий, сбором денег в общак и последующим их расходованием, исполнение обязанностей третейского судьи в конфликтах и спорах, как между конкретными братками, так и группировками, а, также, много иных обязанностей, перечислять которые здесь нет смысла. Так вот, смотрящим за городом, где жил Назар, являлся авторитет со странной кличкой «Джалма», а в миру Костя Савушкин. Дело в том, что в пятидесятые – шестидесятые годы на футбольных полях мира блистала команда Бразилии, и мальчишки того времени знали наизусть своих кумиров-футболистов: Пеле, Диди, Вава, Джалма и в футбольных играх между собой присваивали себе их имена. Такая же ситуация и сейчас, ведь каждый уважающий себя юный футболист знает и апеллирует именами сегодняшних футбольных маэстро, таких как Зидан, Рональдо, Бэкхем, Марьентас и др. Костя Савушкин играл в футбол на месте защитника, коим в сборной Бразилии являлся Джалма и именовал себя в кругу сверстников этим именем, которое постепенно к нему приросло.

Теперь кратко остановимся, как он занял довольно высокий пост для любого братка, а именно – смотрящего. Дело в том, что Костя и его сестра Оля были круглыми сиротами, до пятнадцати лет воспитывались в детдоме, а затем взяты на воспитание и попечение тётей, родной сестрой их покойной мамы. Однажды где-то в шестидесятом году Костя и Оля пошли на танцы в заводской клуб, где играл ВИА «Дунай». Всё было бы хорошо, но на этих же танцах проводила досуг группировка членов местной секции бокса, в которую входили сыновья отдельных руководителей предприятий города. Естественно, все они хорошо питались, имели дома гантели и эспандеры для накачки мышц. Тренер их был также неплохим профессионалом, но никудышным воспитателем. В связи с этим, боксёры нередко участвовали в уличных драках, дебоширили в кафе и ресторане, на танцах. Всё это им сходило с рук, так как милиция знала, кто их родители, и никаких репрессивных мер к отпрыскам не применяла, ограничиваясь отеческими внушениями и добродушным пожуриванием хулиганов. Возглавлял группировку сын заместителя директора одной из шахт по хозяйственной части, Василий Руденко, учащийся горного техникума.

Но вернёмся к танцам. Костя танцевал в одном углу зала, Оля в другом, но помещение было маленьким, поэтому они визуально могли наблюдать друг друга. Когда оркестр заиграл танго «Маленький цветок», Олю пригласили одновременно два парня: один учащийся ремесленного училища, второй - Вася Руденко. Оля пошла танцевать с ремесленником, а Васёк был расстроен и разъярён.

Пошептавшись о чём-то со своими приятелями-боксёрами, он подошёл сзади к танцующей Оле и двумя руками дёрнул вниз её короткую чёрную юбочку. И оказалась Оля перед залом в светленьких застиранных трусиках, не зная что делать. Стояла и плакала, закрыв лицо ладонями, а боксёры хохотали. Джалма бросился защищать сестру, но был сбит ударом в челюсть, нанесённым «шестёркой» Руденко – Колькой Хвостовым, сыном работяги, но полностью находящимся под негативным влиянием Васька, к тому же, подкармливаемым им. Джалма с разбитой губой, чуть не плача, выкрикивал угрозы в адрес Руденко и Хвоста, перемешивая их обильной нецензурной бранью. Откуда-то появились милиционер и два члена комсомольского оперативного отряда. Вместо того, чтобы объективно разобраться в инциденте, они «навесили всех собак» на Костю Савушкина, составили на него протокол (был пьян, выражался нецензурной бранью, затеял драку в общественном месте), который затем передали в инспекцию по делам несовершеннолетних для постановки Джалмы на учёт, как потенциального правонарушителя.

После случившегося на танцах, обида и горечь жгли сердце Кости Савушкина. Он утром просыпался с мыслью, как отомстить обидчикам и вечером засыпал с нею. Ничего дельного придумать не мог; хулиганы-боксёры были сплочены между собой, по одному в городе практически не ходили, а всегда группой. К тому же они неплохо подготовлены физически и владели азами боксёрского мастерства. Но Костику помог счастливый случай: один из его знакомых по детдому посоветовал обратиться со своей

проблемой к Арсену Подомацкому, проживающему в двухэтажном бараке по улице Крутые Топки. Костик знал, где находится эта улица, и без труда нашёл дом, в котором проживал Арсен вместе с престарелой бабушкой.

Арсену было двадцать с небольшим лет, волос русый, подстриженный под «бокс». Вёл он не вполне обычный образ жизни – днём спал или читал книги, а вечером уходил на всю ночь. Говорил, что разгружает на товарной станции вагоны, плата за это ежедневно. У него всегда водились деньги, которые он, никогда не отказывая, давал займы пожилым соседям по дому, а также, раз в год, на праздник 9 Мая, угощал фронтовиков, проживающих в их «ауле», водкой. Матери и бабушки из барака и соседних домов советовали своим чадам брать пример с Арсена: «Вот, мол, не болтается, не хулиганит, честно работает и всегда при деньгах». Периодически Арсена навещал дядя Вася, мужчина лет тридцати пяти, всегда приезжавший к дому на такси. Вид у Васи был измождённый, лицо серовато-землистого цвета, одет хорошо. Кисти рук его были в обильных наколках, это и год рождения, и перстни на пальцах, солнце, как на пачке папирос «Север», своё имя и женское и т.д. Вася находился у Арсена час-полтора, разговаривали, выпивали, затем он выходил и уезжал на ждущем его у подъезда такси. Ходили слухи, что дядя Вася крутой авторитет в жиганской иерархии, имеющий за плечами не один срок.

В один из дней, Костя подошёл к дому Арсена, и спросил у мальчишек, где он живёт. Постучал в названную квартиру, дверь открыла бабушка. Костя поздоровался и

попросил позвать Арсена. Арсен вышел, Костя представился и пояснил, что у него серьёзное дело, и он хотел бы поговорить о нём без свидетелей. Арсен оделся, и они вышли на улицу. Гость, волнуясь, сбивчиво изложил суть своей просьбы: поставить на место боксёров Руденко и Хвоста, незаслуженно обидевших его и сестру на танцах. Здесь же Костик пояснил, что в долгу не останется и готов, чем может, помочь Арсену.

Тот, подумав, сказал:

- Браток, я не даю тебе каких-либо гарантий, но постараюсь помочь. Резину тянуть не буду, но если что-то не срастётся, поставлю тебя в известность. Как тебя найти?

Записал на пачке папирос адрес Савушкина. Прошло дней десять, всё шло без изменений. Но днём в комнату барака, где жила тётя Савушкиных, постучали два парня, пояснив, что хотели бы видеть Олю. Она вышла и спросила, что им надо. Парни, а это были Руденко и Хвост, потя и сбиваясь, извинились перед Олей за инцидент на танцах, поясняя, что были выпивши и не контролировали себя. Вручили девушке запечатанный конверт для брата Кости и ушли. Когда брат пришёл домой, Оля рассказала ему о визите двух парней и передала конверт. Костя вскрыл его, там лежало сто рублей и небольшая записка: «Извини, пожалуйста», и стояли имена: «Василий и Николай».

На следующий день Костя взял пятьдесят рублей, (остальные отдал сестре) и пошёл благодарить Арсена. Тот встретил его радушно, как старого знакомого. Замахал руками и заматерился, когда Костя попытался вручить ему деньги за оказанную помощь. Сказал:

- Браток, я тебе помог сегодня, а ты мне поможешь завтра, вот и рассчитаемся. Денег я с тебя не возьму, а если у тебя будет нужда – сам всегда дам тебе займы.

Расстались, пожав друг другу руки. Где-то через месяц, Арсен, как бы случайно встретил Костика неподалёку от его барака. Поздоровались, Арсен пояснил:

- Браток, есть небольшой «базар», пойдём, выпьем по сто грамм и я тебе скажу, в чём дело.

Зашли в рабочую столовую, Арсен взял графинчик водки и закуски. Когда Костя захмелел, собеседник изложил суть проблемы: нужно постоять на «атасе» в одном месте, согласен ты или нет? Костя, конечно, согласился ведь на добро нужно отвечать добром...

Короче говоря, дружба Савушкина с Арсеном в итоге закончилась тремя ходками Кости в места не столь отдалённые. Кстати и сам Арсен, спустя некоторое время, за кражи и грабёж был осуждён на восемь лет и больше, в городе никогда не появлялся. Говорили, что он женился на женщине немецкой национальности, и, в семидесятые годы, вдоволь помытарившись по тюрьмам, уехал вместе с ней на постоянное жительство в Германию. Костя же, после освобождений из мест заключения, всегда возвращался на круги своя. Годам к тридцати пяти он был назначен смотрящим с «погонялой» Джалма. В своих действиях по многочисленным криминальным разводам, он всегда старался быть объективным и действовать строго по понятиям.

Обидчик Джалмы в юношестве Василий Руденко, окончив два ВУЗа, в девяностых годах сделался

председателем правления одного из коммерческих банков. Видимо, прошедшая беседа с братками Арсена произвела на него неизгладимое впечатление, потому что к зрелому возрасту, будучи банкиром, всегда шёл навстречу просьбам «синих» будь то выдача кредитов или операции по отмывке добытых преступным путём денег.

Теперь остановимся на том, как судьба свела «Артиста» с Джалмой. Дело в том, что дворником в ЖЭЖе, работал дядя Ваня Косых, примерно 1923 года рождения, участник Великой Отечественной Войны, имеющий ранения и многочисленные награды. Дядя Ваня, как в юности, так и зрелом возрасте, благопристойным поведением не отличался. В малолетнем возрасте, судим за грабёж, в войну, до первого ранения, воевал в штрафбате. Всегда подчёркивал, что воевал в составе первого Прибалтийского фронта под командованием генерала армии Баграмяна Ивана Христофоровича, хотя самого командующего вживую никогда не видел. Выписавшись из госпиталя, где он лечился по поводу осколочного ранения ноги, дядя Ваня был назначен старшим по охране немецких военнопленных. Но и тут он умудрился совершить правонарушение. В один из обеденных перерывов он зашёл в помещение, где обедали пленные. Они, не обратив внимания на вошедшего, продолжали есть, а должны были стоя приветствовать начальника. Дядя Ваня, обложив их нецензурной бранью, схватил котелок с горячим супом и надел его на голову одному из пленных. Тот истошно заорал и выскочил из помещения. Об инциденте как-то узнало вышестоящее командование, возбудили уголовное дело и в назидание другим военнослужащим, Косых был

осуждён на три года.

Отбывая наказание в одной из ИТК, дядя Ваня познакомился с авторитетом Кузовковым Виктором по кличке «Кузов». Он являлся смотрящим за зоной, не работал, часто помещался за это в БУР (барак усиленного режима) и карцер. В последующем, Кузов был коронован в вора в законе, но никогда не забывал передавать приветы через связи своему знакомому фронтовику дяде Ване Косых. Несколько раз приветы от Кузова передавал ему смотрящий за городом Джалма, в связи с чем они и познакомились. Каждый год, перед Днём Победы, Джалма приезжал к ЖЭЖу, вручал дяде Ване энную сумму на подогрев и устраивал небольшое застолье на столике со вкопанными скамейками. Водитель, он же охранник Джалмы, Вадик, бывший воин-афганец, сноровисто раскидывал на столике скатерть-самобранку, и начиналось застолье по поводу знаменательной даты. Вадик же сидел в машине, слушал магнитофон и внимательно наблюдал, что творится вблизи застолья.

В 1980 году Джалма также подъехал к ЖЭЖу поздравить дядю Ваню. Выпили изрядно, что Джалма даже затянул песню «Сизый полетел по лагерям». Здесь же он, как бы между прочим, рассказал собеседнику, что трое пацанов, на днях, намерены совершить «гоп-стоп» в отношении кассира одной из автобаз, навар намечается хороший, так как кассир будет везти получку работникам автобазы. Естественно, значительно пополнится и общак. Дядя Ваня воспринял сказанное индифферентно и Джалма перешёл к другой теме, вот мол, дядя Ваня, ты воевал,

имеешь ранения, а тебе даже «Запорожец» не выделили.

- Так я и не просил, - ответил захмелевший ветеран.

- Хочешь, мы тебе подгоним «жигу», вместо «Запорожца», не умеешь ездить, так продашь и поделишь деньги между собой и детьми?..

- Нет, спасибо,- отвечал дядя Ваня.

Невольным очевидцем разговора по поводу крупного «гоп - стопа» явился «Артист», который стоял у раскрытого окна кабинета, а Джалма говорил довольно громко. Единственно, что «Артист» видел собеседника дяди Вани со спины. Тогда он вышел, сделал небольшую прогулку в сторону от ЖЭКа, а, затем, как - будто, возвращаясь к рабочему месту, мельком взглянул на собеседника Косых, а, также, на номер стоящей неподалеку машины.

Девятого мая «Артист» срочно вызвал на связь оперативного работника и подробно рассказал о невольно подслушанном разговоре, описал приметы собеседника дяди Вани и номер автомобиля, на котором он, вероятно, и приезжал. Опер сразу же доложил «жареную» информацию начальнику горотдела, а тот – в управление, и, с санкции руководства, проинформировал начальника горотдела милиции. Так как в городе было несколько автобаз, и неизвестно в отношении какого кассира из них будет осуществлен «экс», разработали мероприятия с привлечением сил наружного наблюдения, оперативных сотрудников уголовного розыска в штатском из областного центра, так как местных розыскников «братва» могла знать. На бумаге оперативно-розыскные мероприятия были изложены гладко, но, на практике, не обошлось без накладок

и стрельбы. Дело в том, что «гоп – стоп» обеспечивала наружка преступного сообщества, к тому же, вооруженная пистолетами. В итоге, один из нападавших на кассира был тяжело ранен, второй – задержан. Не обошлось и без ранений работников уголовного розыска. Сумку с деньгами возвратили на предприятия. По радио и телевидению сообщили о бдительных милиционерах, случайно оказавшихся вблизи от места преступления и проявивших мужество и находчивость при задержании опасных преступников, пытавшихся лишить работников автобазы заработной платы.

Спустя месяц – полтора, «Артист», за предоставление оперативно-ценной информации, позволившей пресечь опасное уголовное преступление с крупным финансовым ущербом, был поощрен от имени начальника областного УВД золотыми часами, а от имени руководства Управления КГБ – транзисторным магнитофоном. Подарки вручил своему негласному помощнику оперативный работник горотдела КГБ. «Артист» расчувствовался, прослезился, приглашал куратора выпить коньяку в ресторане, но тот вежливо отказался. На следующей встрече, Назар всё-таки вручил оперу бутылку армянского коньяку, как тот не отнекивался.

Эта история имела своё продолжение и со стороны криминала. Вор в законе Кузов приказал провести тщательную разборку случившегося и наказать виновников провала «гоп - стопа». Из Новосибирска в шахтёрский город был направлен представитель вышестоящей криминальной группировки – Зязя, бывший опер ОБХСС. В своё время,

он, допившись до «чёртиков», из табельного оружия застрелил своего коллегу, с которым немеренно потребляли спиртное в общежитии. На следующий день, он ничего не мог вспомнить и пояснить, до того был накануне пьян. Наводку на Зязю одному из криминальных авторитетов дал инспектор оперчасти колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов, получив за это хорошее денежное вознаграждение. Работники силовых структур, осуждённые за совершенные преступления, содержались в отдельном исправительно-трудовом лагере, так как, в противном случае, им не избежать самосуда и расправы со стороны уголовных зеков. Зязя в преступном сообществе выполнял роль сотрудника службы безопасности, и напрямую замыкался на вора в законе. В шахтёрском городе Зязя находился в течение месяца. Кое-что ему удалось выяснить, а именно то, что информация в горотдел милиции о готовящемся «гоп - стопе» пришла откуда-то со стороны. Документально она нигде не отражалась. Операцию по задержанию пацанов провели приезжие менты, местных к операции не привлекали. К тому же, Зязя опросил и смотрящего Джалму, его водителя-охранника Вадика, и других людей, располагающих информацией о готовящемся «гоп – стопе». Лично побывал вблизи ЖЭКа и произвёл дислокацию на местности, в плане выяснения, откуда можно было слышать пьяный разговор между Джалмой и дядей Ваней. Вадик вспомнил, что мимо столика, где выпивали его шеф и дворник дядя Ваня, проходил пожилой мужчина с усиками, зашедший в дверь ЖЭКа и не вышедший оттуда. Зязя установил «Артиста» и провёл с ним беседу. Но Назар

психологически был готов к такому повороту событий, пояснив Зязе, что, по определённым причинам, сильно обижен на советскую власть, в своё время чалился на Колыме, и его хорошо должен знать местный авторитет Сашка Фунтик.

- Что, власовец или полицей? – спросил Зязя, но «Артист» ничего не ответил.

Короче говоря, опер криминала ничего конкретного не выяснил, о чём и доложил Кузову. В беседе с ним Зязя сделал несколько предположений, что было необъяснимое стечение обстоятельств, и не исключено, что либо пацаны сами где-то проболтались, либо ментам помог какой-то ясновидящий – экстрасенс, либо информация получена по каким-то современным техническим каналам, вплоть до космических спутников – шпионов, в чём Кузов сильно усомнился.

- Ты, Зязя, скоро еб...ся со своей шпиономанией, надо плясать не от техники, а от людей. Активнее внедрять наших пацанов в агентурный аппарат уголовного розыска, подкупать сыскарей, ведь и они – люди и хотят жить красиво, а их мизерная зарплата не позволяет этого. Да и отдельные из них обижены на начальство, на этом тоже можно играть.

- Будет исполнено, Кузов, я и сам уже давно работаю в этом направлении.

- А о спутниках, технике и ясновидящих забудь, всё это мур, чтобы заморочить население шпионскими страстями,- подытожил вор в законе.

Время шло, «Артист» вышел на пенсию. По мере сил, стал помогать семье своего пасынка, выросшего в крепкого

мужика, работающего бригадиром на шахте. Пасынок очень уважительно относился к Назару, периодически давал матери и отчиму продукты и деньги, просил их присмотреть за внуками (мальчиком и девочкой), что Назар и супруга охотно делали. Здоровье, подорванное колымскими лагерями, давало о себе знать. У «Артиста» сильно болели застуженные на севере нервы лица, особенно, к перемене погоды. Перенёс он, также, инфаркт и микроинсульт. Где-то в 1982 году, он пришел на встречу с оперработником и честно сказал:

- Иван Иванович, я больше не могу помогать Комитету, силы и здоровье стали сдавать.

Опер пытался уговаривать опытнейшего информатора, но тот твёрдо стоял на своём. На следующую встречу пришел начальник горотделения и представитель Управления, в звании полковника, опытнейший оперативный работник. Они искренне поблагодарили «Артиста» за плодотворное сотрудничество и организовали небольшое застолье с хорошим коньяком, икрой и другими деликатесами. В ходе непринуждённой беседы, полковник спросил:

- Назар Корнеевич, а как Вы оцениваете уровень работы и подготовки оперативных сотрудников СМЕРШа, НКВД, МГБ, КГБ, работавших с Вами, а, также, представителей противоположной стороны: имперской службы безопасности, ОУНа, немецкой военно-полевой жандармерии?

«Артист» честно ответил, что у каждого из его кураторов, были плюсы и минусы, что все они, в разной степени, были профессионалами своего дела, и служили своим государствам и режимам. Он же, как мог, впитал в

себя и аккумулировал знания и опыт своих бывших кураторов, которые использовал, как в своей оперативно-розыскной работе, так и в повседневной жизни.

- Я, наверное, нахожусь на уровне майора КГБ, - пошутил «Артист», а собеседники искренне рассмеялись.

Расстались очень дружелюбно, оперработники попросили «Артиста» не стесняться, выходить на них, если будут какие проблемы.

Находясь на пенсии, Назар стал посещать русскую православную церковь, молился, участвовал в церковных обрядах. Супруга его шутила с соседками: «Вот, мол, мужики, на старости лет, начинают, либо «донжуанить» с молодыми дамами (седина в бороду, бес в ребро), либо ударяться в религию. Вот и мой супруг стал ревностным прихожанином, соблюдает все каноны церкви, посты, и так далее». «Это даже хорошо», - говорили соседки, - «Не будет доставлять тебе никаких неприятных проблем».

Умер Назар Кошечкин в 1986 году, в возрасте шестидесяти восьми лет, так и не дожив до перестройки, гласности и рыночной экономики. Перед смертью, он пригласил через жену священника, и, после святого причастия, отошел в мир иной. Сотрудники горотделения КГБ помогли при похоронах своего бывшего ценного помощника, организовав материальную помощь от шахты, где трудился пасынок «Артиста», передовик-бригадир, от ЖЭКа, и, естественно, добавив в эту сумму свою солидную лепту.

Подводя итог повествованию, хочется сделать некоторые выводы. Вот отдельные из них. Большое влияние

на судьбу конкретного человека оказывают глобальные объективные и субъективные события и явления. К примеру, не было бы Второй Мировой войны, не оказался бы «Артист» в сетях военно-полевой жандармерии и имперской службы безопасности и не получил бы, без малого пятнадцать лет лагерей; не произошла бы революция 1917 года, «Князь» и «Юнкер», по всей вероятности, не имели бы такую трагическую судьбу; не образуйся в 1949 году государство Израиль, не связался бы дядя Зяма с «МОССАДом». Но история, как известно, не приемлет сослагательного спряжения. Что касается субъективных факторов, то здесь конкретный пример, не случись инцидента на танцах в рабочем клубе, скорее всего Джалма никогда не стал бы криминальным авторитетом.

Что касается главного героя нашего повествования, скорее всего, Назар Кошечкин сотрудничал с различными спецслужбами не по идеологическим мотивам, а как романтик оперативно-розыскной работы. Таких людей немного, но, всё же, они встречаются в нашей жизни. При других обстоятельствах, из него мог бы получиться талантливый артист театра, грамотный финансист. Но судьба распорядилась по-иному. Недаром говорят, что все мы ходим под Богом.

В отношении того, чего больше принёс «Артист» нашему государству и обществу, пользы или вреда, то здесь арифметические и математические вычисления неприменимы, и никто на это не даст однозначного ответа. Читатель сам, прочитав эту повесть, сделает для себя необходимые выводы...

СУДЬБА ОФИЦЕРА

Очерк в трёх частях с эпилогом

Часть первая. Игорь Рощинский

Игорь Рощинский родился в 1959 году в небольшом шахтёрском городе Киселёвске, в обыкновенной советской семье, как принято было тогда говорить. Его папаша, в Великую Отечественную войну, был эвакуирован из Орловской области в Сибирь. Здесь окончил горный техникум, женился на учительнице. Трудился он на одной из шахт руководителем среднего звена, полностью отдаваясь работе, не считаясь с личным временем. Как и все шахтёры, для снятия стресса от тяжёлых и опасных условий труда, в свободное время, иногда, участвовал в застольях с товарищами-горняками. Такая традиция, видимо, зародилась со времён постройки первой шахты в России, и продолжается по сей день. Шахтёры тогда были уважаемыми людьми, получали за свой тяжёлый труд хорошие деньги. В 1955 году, в молодой семье, родилась дочь Люда, а спустя четыре года – сын Игорь. Семейство Рощинских получило от шахты полнометражную благоустроенную квартиру, в самом центре города. Папаша Игоря, под ещё свежими впечатлениями от недавней войны, которую, встретил – мальчиком, а проводил – юношей, был настроен весьма патриотично, и, в душе, жалел, что не пришлось послужить в армии (у шахтёров, в то время, была броня от призыва на военную службу). Мамаша Игоря, также, тепло и душевно относилась к защитникам Отечества. Преподавала Александра

Николаевна русский и литературу в средней школе, пользовалась авторитетом, как у учителей, так и у школьников. Игорь, как и большинство детей того времени, ходил в детский сад, где довольно неплохо развивали ребятшек, учили стихам и, по большей части, патриотическим песням.

В 1960 году, Н. С. Хрущёв сократил на 1 миллион 200 тысяч человек Вооруженные Силы, и многие демобилизованные офицеры и солдаты приезжали в шахтёрские города, устраивались на шахты, заводы, в школы. Своим новым коллегам много рассказывали о службе, снабжении в армии, пенсионном обеспечении военнослужащих. На чём свет, костерили Никиту (Хрущёва), сломавшего уже устроенную и отлаженную жизнь. Папаша Игоря – Николай Петрович много общался с демобилизованными воинами, охотно угощал их, живо интересовался конкретными условиями офицерской службы

Но в 1964 году Хрущёва сместили со всех его постов, и Леонид Ильич Брежнев, новый генсек ЦК КПСС, стал постепенно укреплять и наращивать Вооруженные Силы и другие силовые структуры, особенно Комитет государственной безопасности. Расширялась сеть военных училищ; в средствах массовой информации проводилась активная популяризация Советской Армии, и началась кампания по повышению денежного содержания, как действующих военнослужащих, так и военных пенсионеров.

Но вернёмся к Игорю Роцинскому. В 1966 году он пошел в школу, в ней вступил в пионеры и, затем, в комсомол. Учился хорошо, отличался активной позицией, занимался

спортом, в школе слыл культурным, начитанным, дисциплинированным мальчиком. «Сорвиголовой» не был, но всегда мог постоять за себя. Как и большинство мальчишек, увлекался футболом, и автор сих строк, который жил с семьёй Роцинских в одном многоквартирном доме (в разных подъездах), подарил ему альбом с описанием и фотографиями футбольных приёмов в исполнении известнейших в стране футболистов: В. Боброва, Л. Яшина, И. Нетто, Н. Симоняна и других. Да, и вообще, автор поддерживал дружеские отношения с Роцинскими, тем более что глава семейства был компанейским, общительным человеком и интересным собеседником.

Игорь играл в футбол в школьном дворе и рядом с домом, где жил. Родители покупали ему настоящие футбольные мячи, и мальчишки часами играли в эту увлекательную и популярную в стране игру. Учась в 5 или 6 классе, Игорь в составе школьной бригады выезжал в Крым для сбора урожая фруктов и отдыха на море. Трудился там очень добросовестно. Время бежало быстро, и в 1976 году Игорь на «отлично» и «хорошо» окончил среднюю школу. Выбор его дальнейшей судьбы был однозначен – конечно же, военная стезя, о которой он с детства был слышан от отца. Поступил он в Новосибирское высшее военное политическое училище. На каникулы приезжал в ладно сидящей форме курсанта военного училища, общался с друзьями, приятелями и соседями по дому. Физически был подготовлен хорошо, да и в интеллектуальном плане не отставал.

Мамаша и папаша Игоря гордились сыном и уже

видели в нём бравого и удачливого офицера. В 1980 году он успешно окончил военное училище. Бывшие курсанты, а затем молодые лейтенанты прошли парадным маршем, бросая по традиции вверх монеты. Весело отметили это событие вместе с преподавателями, в меру выпили «горячительного», попрощались друг с другом и знакомыми девушками. После месячного отпуска молодые офицеры разъехались по военным округам, где им предстояло нести свою нелёгкую военную службу. Выглядел Игорь следующим образом: среднего роста, тёмно-русый, подтянутый, большие тёмные выразительные глаза. Словом симпатичный, привлекательный молодой человек. По характеру – доброжелателен, улыбчив, начитан, уважительно относился к старшим.

Хотелось бы теперь немного остановиться на важном событии того времени не только для Советского Союза, но и для мирового сообщества. Как мы все знаем, в конце 1979 года, по просьбе афганского правительства, в Афганистан были введены советские войска. На этот счёт сейчас существуют самые разноречивые суждения, ведь все мы сильны «задним умом» и в душе чувствуем себя политиками, аналитиками и стратегами. Большинство людей считают, что это было ошибкой престарелых кремлёвских руководителей, но что было – то было. Теперь уже ничего не изменишь и не вернёшь назад. Но, видимо, опыт «успешного» ввода советских войск в Венгрию и Чехословакию, также по «просьбе» их правительств, сыграл злую шутку с тогдашними руководителями советского государства. Потому, что никак нельзя отождествлять менталитет,

характер, психологию, религиозные убеждения венгров, чехов и словаков с одной стороны и представителей народностей и племён Афганистана – с другой.

Игорь Рошинский был распределён в распоряжение одного из территориальных военных округов. Прослужив в нём несколько месяцев, молодой офицер подал рапорт на имя командования о направлении его на службу в контингент советских войск в Демократическую Республику Афганистан, как она стала тогда называться. Хотя, до этого времени, Афганистан долгие годы был монархией, которую возглавляли короли. Причём в этой стране, вплоть до сегодняшнего времени очень ощутимо влияние мусульманской религии и духовенства.

Рапорту лейтенанта Рошинского был дан ход, и его направили в распоряжение Туркестанского военного округа для дальнейшего прохождения службы в Афганистане. Родители, и особенно мамаша, с тревогой восприняли решение сына. Но, тем не менее, вслух осуждать решение Игоря и тем более отговаривать его от поездки на службу в ДРА не стали. Ехал Игорь в Туркестанский военный округ через Москву. В этом городе проживал его дядя Пётр Петрович, родной брат отца, Николая Петровича.

Будучи в Москве в 1990 году на курсах повышения квалификации при Высшей Краснознамённой школе КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского, автор, по просьбе отца Игоря, заходил к Петру Петровичу. За товарищеским застольем Пётр рассказывал, что когда у него в гостях был Игорь, то он сказал ему буквально следующее: «Игорь, возьми бутылку спирта, выпей в поезде и учини небольшой дебош в вагоне. Вызовут

милицию, оформят протокол и отошлют по новому месту службы, но тогда тебя наверняка не направят в Афганистан, где идёт настоящая война и советские войска, как и афганцы, несут немалые потери».

Игорь искренне возмутился и заявил: «Дядя Петя, что вы такое говорите, я никогда ничего подобного не сделаю». Сказано это было без пафоса, но довольно твёрдо.

Не знал тогда Игорь, что дышло сердце, как и сердце его матери, чуяло неладное. Увы, верна поговорка: «Если бы знал, где упасть, соломку бы подстелил». Но молодой офицер шёл по дороге, которую ему предопределила судьба. Короче говоря, побыв день или два в гостях, Игорь сел на поезд Москва – Ташкент и поехал в Туркестанский округ. Прощёл «обкатку» несколько месяцев в учебном подразделении, где молодых офицеров обучали тактике военных действий в Афганистане и особенностям ведения военно-политической воспитательной работы среди советских военнослужащих в ДРА.

Через несколько месяцев, Игорь на военно-транспортном самолёте, в числе других военных, прибыл в Афганистан и назначен замполитом роты, дислоцирующейся в нескольких десятках километров от города Кандагар. Работы у офицера-политработника было предостаточно. Не дремали и антисоветские идеологические центры за границей. Чего, например, стоят листовки зарубежной антисоветской организации «Народно-трудовой союз» (НТС), возникшей в самый разгар «холодной войны». Всё их содержание акцентировано на ослабление морального и боевого духа советских солдат в Афганистане. Приведу на

память лишь одно стихотворение на основе переделанной борзописцами из НТС известной песни времён Великой Отечественной войны «Катюша»: «Ой, ты песня, знаю я заранее, не лети за ясным солнцем вслед. И бойцу в чужом Афганистане от Катюши не носи привет. Он не помнит девушку простую, он не слышит, как она поёт. Пал он в землю знойную чужую и назад в Россию не придёт...» Даже если принять во внимание враждебность апологетов НТС к социалистическому строю, но зачем же желать смерти солдатам, молодым парням?

Кроме того, среди военнослужащих стали зарождаться наркомания, пьянство и прочие тлетворные моменты. Угнетающе на солдат действовал однообразный гористый ландшафт без привычного леса и травы. Немудрено было впасть в хандру и депрессию. Не секрет, что отдельные солдаты переходили на сторону противника, принимали ислам, и с оружием в руках воевали против своих соотечественников. Замполит работал в тесном взаимодействии с командиром и офицерами роты, а также с оперативным работником военной контрразведки, обслуживающим военную часть. Словом и делом, молодой офицер, как мог, подбодрял подчиненных, не давая им впасть в уныние и поддерживал должный боевой дух. Забот и проблем у молодого офицера-политработника в тяжелых и экстремальных условиях хватало. Потому, что рота, где служил Игорь, была, что ни на есть, боевой единицей, а не тыловой войсковой структурой, которые дислоцировались в городах Афганистана под солидной охраной как советских, так и правительственных войск и силовых структур ДРА.

Часть вторая. Абульхасан Садр

Абульхасан Садр родился в городе Мазари-Шариф в Афганистане примерно в 1950 году, в зажиточной семье уличного торговца. Отец продавал японскую радиотелеаппаратуру, которая поступала из соседних Пакистана и Ирана. Мамаша была домохозяйкой и занималась с многочисленным семейством. Детей в афганских семьях, во все времена, было полным-полно. Отец, в будущем, хотел видеть Абульхасана муллой или, даже, имамом и настоятельно советовал сыну поступить учиться в медресе – духовное учебное заведение. Но Абульхасан, как личность, формировался в шестидесятые годы, когда король Афганистана, Мухаммед Закир-Шах, начал усиленно налаживать отношения с Советским Союзом. Советское руководство предложило королю бесплатное обучение некоторого количества молодых афганцев в Университете Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы в Москве, а также, в военных училищах СССР, предполагая, что, тем самым, приобретает сторонников социалистического образа жизни из числа выпускников таких учебных заведений

Короче говоря, Абульхасан, в числе других юношей из Афганистана, в 1967 году прибыл в Москву и был принят в Университет Дружбы Народов, где учились, в основном, выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки. Год Абульхасан учился на подготовительном отделении, изучал русский язык, жил в двухместном номере общежития в компании со студентом из далёкой Кубы. Овладев русским языком, Абульхасан был зачислен студентом экономического факультета. Во время учёбы, юноша посещал Соборную

мечеть в Москве, читал Коран и молился. Однако ортодоксального мусульманина из него не получилось. Всё-таки, студенческая жизнь и окружение оказывали воздействие на юношу-афганца.

Кто-то из русскоязычных сокурсников-шутников придумал Абульхасану прозвище «Буль-Буль В Стакан», хотя, он, вообще, не употреблял спиртного, и лишь иногда, выпивал баночку лёгкого пива. Граждан СССР в Университете имени Патриса Лумумбы училось достаточно много, с тем, чтобы иностранные студенты не «варились в собственном соку», а находились в соответствующем идеологическом окружении.

На летние каникулы Абульхасан выезжал на родину. Когда ему стукнуло лет двадцать, во время каникул, пригласил его в участок некий офицер полиции и завёл с ним любопытный разговор: «Хотя и СССР, по большому счету, и является другом Афганистана, но, всё же, это – атеистическое государство, населенное «неправоверными». Хотя, в Средней Азии Советского Союза много мусульман, но они не особенно преданы Аллаху, так как живут среди атеистов и просто не могут в полном объёме исполнять всё каноны ислама». Далее полицейский офицер пояснил, что в распоряжении их структуры имеется информация, что в Университете имени Патриса Лумумбы действует скрытая сеть КГБ и атеистических пропагандистов, целью которых является «промывание мозгов» студентам-мусульманам и привлечение их к сотрудничеству в качестве информаторов, пропагандистов-атеистов и т.п. Поэтому Абульхасан, как истинный мусульманин, должен оказать своей Родине

негласную помощь в выявлении афганских студентов, попавших под влияние КГБ или других идеологических структур. Безусловно, это будет отнимать у него какое-то время, но его помощь зачтется, при возвращении в Афганистан. Естественно, молодой человек согласился с доводами офицера полиции, после чего тот подробно объяснил, что и как Абульхасану следует делать, причём обратил особое внимание на соблюдение конспирации и осторожности с тем, чтобы не попасть в поле зрения советской контрразведки. А если на него выйдут представители КГБ, или каких-то других идеологических структур ВУЗа, не отталкивать их, а сделать вид, что готов чем-либо им помочь, но пока плохо представляет, как он может быть полезным таким солидным людям. И, конечно же, о любом контакте с представителями «неправоверных», ставить в известность офицера полиции, по прибытии в Афганистан, а в безотлагательных случаях – сотрудника службы безопасности посольства Афганистана в Москве, дав его служебный телефон, и пояснив, что ему следует представляться под именем «Али».

Когда многочасовая беседа закончилась, офицер дал Абульхасану 100 долларов США на обратный проезд и мелкие расходы, предложив расписаться в ведомости.

Следует отметить, что никто из представителей госбезопасности, а также идеологических органов в Москве на Абульхасана не выходил, но, тем не менее, при каждом посещении Мазари-Шарифа он приходил к куратору и писал подробный отчёт о положении дел в колонии афганских студентов, о характеристиках лиц, с которыми общался в

Союзе, в том числе и о Кубинце, соседе по комнате. Так незаметно пролетели шесть лет учёбы в университете и Абульхасан, с новеньким дипломом экономиста сельского хозяйства, приехал на родину в Афганистан. Там он получил рядовую должность в аппарате администрации губернатора провинции, но на очередной встрече куратор ему сказал, что коль скоро Абульхасан по мере своих сил и возможностей оказывал помощь государству и исламу, будучи в Москве, то и они в свою очередь окажут протекцию в продвижении по службе своего помощника в Мазари-Шарифе. И слово своё офицер сдержал, вскоре Абульхасан был повышен в должности и состоял в списке кандидатов на дальнейшее выдвижение.

Но время шло, в Афганистане вынудили уйти с престола короля Мухаммеда Захир-Шаха, и он эмигрировал с многочисленными родственниками и свитой в Италию. Далее произошли ещё более значимые события в жизни страны, и правительство, ориентирующееся на Советский Союз «попросило» ввести войска могущественного северного соседа в их страну. Естественно, всё это было обыграно соответствующим образом в рамках Конституции и международного права. Далее произошла череда государственных переворотов: Хафизулла Амин сверг и уничтожил предыдущего главу правительства Нурмухаммеда Тараки, «убрали» затем и его самого, и пост руководителя Афганистана занял просоветский лидер Бабрак Кармаль. Большинство населения страны вовсе не приветствовали ввод советских войск; на основе ислама и зарубежных финансовых вливаний, активно возникали мобильные

партизанские отряды моджахедов и недостатка в вооружении душманы не испытывали. Из Пакистана непрерывным потоком шло оружие производства КНР, а также, ведущих капиталистических стран. Опыт партизанской войны против колонизаторов-англичан у афганцев был большой.

Абульхасан Садр продолжал работать на административной должности, видимо новые власти знали, что он учился в СССР, и не стали смещать его с должности. Но однажды его пригласил на конспиративную встречу старый знакомый, офицер полиции (куратор). Естественно, при новом режиме он уже там не работал. На встрече бывший офицер кратко пояснил, что с Абульхасаном хотели бы переговорить имам и представитель международного института по исследованию ислама. «Наверное хотят предложить какую-то духовную должность», - подумал Абульхасан. Тут же обговорили встречу в одном из кишлаков, неподалёку от Мазари-Шарифа.

На встречу наш герой прибыл в точно обусловленное время, одет был просто, имел вид наёмного рабочего. В саманном домике уже сидел имам, а с ним человек лет сорока, европейской внешности, в светло-серой рубашке и таких же брюках. В руках у него, также как у имама, были чётки. Имам представил Абульхасану европейца, в его визитке значилось: «Доктор Гарри Шталберг, профессор международного института по исследованию ислама, Австралия, Сидней». У верхнего среза визитки золотистой арабской вязью было написано изречение из Корана: «Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Абульхасан подумал: «Вон как далеко забрался профессор». Имам вёл

себя, как и положено духовному авторитету, но чувствовалось, что не он здесь играет главную роль. Гарри внешне почтительно относился к имаму и обращался к нему, склоняя голову.

Доктор Шталберг в беседе показал хорошее знание Корана, наизусть цитируя многие «суры» (главы). Но цитировал он в основном выдержки о необходимости священной войны с «неверными», коварно вторгнувшимися в Афганистан. О миролюбии и гуманизме учения ислама он умалчивал. Приводил пример с американцами, потерпевшими фиаско во Вьетнаме, подчёркивая, что военно-финансовый потенциал США гораздо выше, чем в России. По патриотизму и воинственности народности Афганистана во многом превосходят вьетнамцев. Кроме того, Аллах поможет изгнать из страны «неверных».

Имам пояснил: «Мы знаем, что Абульхасан является настоящим правоверным мусульманином. В Москве он был тайным воином ислама, а здесь ему следует поручить взять оружие в руки, вступить в «джихад», священную войну с захватчиками из России». Абульхасан без колебаний согласился, но поинтересовался, как быть с семьёй.

Имам и Шталберг заверили Абульхасана, что его семью они в беде не оставят, будут помогать ей и материально и морально, тем более что Абульхасану для пользы дела придётся переехать в провинцию Кандагар, где его никто не знает, и возглавить мобильный отряд «мюридов» (воинов ислама). Обговорив конкретные детали, они дали явки и имена мюридов, входящих в его отряд. В заключение вручили Абульхасану крупную сумму афганей,

эквивалентную нескольким тысячам долларов США. Для такой бедной страны, как Афганистан, этот гонорар был более чем солидным. Рекомендовали сменить гражданский костюм на национальную одежду, отпустить бороду и усы.

Спустя несколько месяцев, в кишлак неподалёку от Кандагара, вместе с другими беженцами от просоветского режима, прибыл грязный и оборванный мужчина в чалме, лет тридцати, имевший при себе станок для заточки ножей, ножниц и т.п. инструмента. Абульхасан, а это был он, имел возможность посещать всех жителей кишлака, а в случае необходимости и соседние населённые пункты. Устроился на жительство у одного пожилого мусульманина, адрес и имя которого ему дал имам. Для создания мобильного отряда и налаживания его организационных связей потребовалось около месяца. Следует отметить, что отряд не был в буквальном смысле боевой единицей. В него входили крестьяне и ремесленники, днём работавшие на полях и в мастерских, а ночью, бравшие в руки автоматы и гранатомёты. В нескольких кишлаках были оборудованы тайные склады оружия. Подавляющее большинство населения поддерживало мюридов, и у душманов не было проблем с разведкой, связью и материальным обеспечением боевых операций. Система получения информации о передвижении советских войск, их вооружении, численности и задачах у душманов была поставлена хорошо; здесь действовали как 12-13 летних мальчишек, мечтающих скорее вырасти и взять в руки автоматы, так и седобородых почтенных стариков, не говоря уже о прочем мужском населении. Отряд, который возглавлял Абульхасан Садр,

специализировался на ночных обстрелах советских войск, административных учреждений просоветского режима, организации минирования и нападений на автомобильные колонны советских и правительственных войск. Обе стороны несли потери в ходе боевых действий, но потери моджахедов отряда Абульхасана были гораздо меньше, чем у их противников. Тем более, что на одно вакантное место в отряде было до десятка претендентов, тому способствовали хорошее финансовое обеспечение мюридов, и духовная значимость их борьбы с неправовыми: «Любой павший за ислам воин сразу попадает на небо, к Аллаху».

Часть третья. Столкновение

Рота, в которой служил Игорь Рощинский, как мы знаем, дислоцировалась в районе Кандагара, и выполняла ряд задач, начиная от уничтожения моджахедов, и кончая прикрытием воинских и продовольственных автоколонн, прочесыванием кишлаков, с целью обнаружения складов с оружием и взрывчатыми материалами. Короче говоря, была повседневная рутинная боевая жизнь со всеми тяготами, невзгодами и маленькими радостями – присвоения очередных воинских званий, письма из дома, дни рождения сослуживцев, помывка в передвижной бане, новые блюда, приготовленные солдатским поваром. На войне, как на войне, и руководителям роты, иногда, приходилось организовывать отправление в Союз «груза 200», так назывались цинковые гробы с телами погибших военнослужащих.

Однажды командир роты, капитан, тяжело заболел и попал в госпиталь в Кандагар. Исполняющим обязанности командира роты, был назначен замполит, лейтенант

Рощинский. Спустя несколько дней, из штаба батальона, в роту пришло предписание – прочесать один из кишлаков, с целью выявления и уничтожения живой силы и материальных средств противника. Операция готовилась довольно тщательно, был сделан расчет необходимого количества личного состава, начерчена схема его движения, обусловлены способы связи между участниками. По мере возможности, с помощью вертолёта провели доразведку кишлака и обозначили объекты для первоочередного огневого удара. Руководство операцией взял на себя лейтенант Рощинский.

В это же время к Абульхасану Садру прибыл связной и передал на словах, что в ближайшее время боевая единица «неверных» в количестве примерно столько-то человек планирует осуществить прочёсывание их кишлака. Вышестоящее руководство моджахедов рекомендует нанести из засады упреждающий решительный удар по «неверным» и передаёт в распоряжение отряда Абульхасана с десятков воинов с крупнокалиберными пулемётами. Руководитель отряда также произвёл расчёт и дислокацию своих подчинённых. В глиняной ограде, опоясывающей кишлак, были скрытно, под покровом ночи сделаны бойницы для установки пулемётов, которые закрыты ставнями, обмазанными глиной, так что обнаружить их с помощью бинокля было невозможно. Абульхасан, мысленно представлял себя в роли руководителя боевой единицы «неверных», правильно экстраполировал направление движения солдат, приказав сделать перед ними скрытые огневые засады. Как оказалось, он не ошибся, притом, что

информация о предстоящем прочёсывании оказалась достоверной. Как это произошло, гадать не будем, но факт остаётся фактом.

Утром августовского дня 1982 года рота, возглавляемая Игорем Рощинским, на бронетранспортёрах выдвинулась в район проведения войсковой операции. Игорь принял деятельное участие в её организации и проведении. Как в той песне группы «Любэ», он не прятался за спины солдат, а был в самом эпицентре операции. Всё, казалось бы, начиналось хорошо, был небольшой туман, кишлак, как видно, ещё спал. Солдаты, рассредоточились, и короткими перебежками приближались к глиняной ограде кишлака, временами залегая с автоматами на изготовку. Среди них был и Игорь, командовавший передвижением. Когда до ограды было метров пятьдесят, случилось непредвиденное. В ограде распахнулось несколько ставень, и из образовавшихся бойниц на солдат обрушился шквальный пулемётный и автоматный огонь. И произошло это, как раз во время короткой перебежки. Большинство солдат были убиты и ранены. Тяжело раненый Игорь приказал вызвать по рации подкрепление, благо, что бронетранспортёры были недалеко. Подкрепление в первую очередь погрузило раненых и доставило их в госпиталь, затем забрало и убитых. Спустя несколько часов, Игорь скончался в госпитале от полученных ран.

Эпилог

В шахтёрском городе, в августе 1982 года, в первой половине дня в квартире Рощинских раздался звонок в дверь. Открыв, супруги увидели капитана Советской Армии и с ним

сержанта. Капитан, сильно волнуясь и сбиваясь, рассказал отцу и матери, что их сын лейтенант Роцинский Игорь Николаевич героически погиб при исполнении боевого задания. Сержант стоял и молчал, уныло склонив голову. Здесь же капитан предъявил родителям соответствующий армейский документ о смерти военнослужащего. Сказал, что цинковый гроб уже во дворе и солдаты могут занести его в квартиру. Подробности я описывать не буду, но все мы люди и прекрасно знаем, как родители реагируют на известие о смерти их детей.

Похороны Игоря состоялись со всеми воинскими почестями. Проводить в последний путь офицера пришло очень много народу. Здесь были и шахтёры, соседи по дому, учителя и ученики школы, где ранее учился Игорь. Поминки были многочисленными, многие спрашивали у капитана, как погиб Игорь, но тот ничего не мог ответить, т.к. очевидцев не осталось, практически вся рота ушла в небытие.

Спустя несколько месяцев, на могиле храброго воина поставили гранитный памятник с барельефом Игоря. Сам он посмертно награждён орденом Боевого Красного Знамени. Военкомат и городские власти оказали семье погибшего офицера материальную помощь. Спустя некоторое время одну из улиц города назвали именем Игоря Роцинского, погибшего при выполнении воинского долга. В школе, где он учился, создали небольшой музей, где в основном хранятся фотографии, письма и некоторые личные вещи Игоря, а также воспоминания знающих его лиц.

Автор этого очерка также написал и отдал в музей своё воспоминание об Игоре, где изложил его характер,

отношение к учёбе, жизни и людям. Но человека уже не вернёшь. Я периодически смотрю на большое фото, примерно двадцать на тридцать сантиметров, где изображён молодой симпатичный человек с выразительными большими тёмными глазами в парадной лейтенантской форме. Время бежит очень быстро, уже повзрослело поколение, родившееся после Афганистана, но хотелось, чтобы музей И. Роцинского существовал как можно дольше

Судьбе так угодно было распорядиться, что Игорь был не женат и не оставил наследников, как в известной песне Булата Окуджавы о паренёке с Арбата Лёньке Королёве ушедшем и не вернувшемся с Великой Отечественной Войны. Говорили, что в Новосибирске у Игоря была девушка, ведь симпатичный курсант военного училища не мог не нравиться представительницам прекрасного пола.

Сестра Игоря – Люда вышла замуж, родила двух мальчиков Игоря и Федю, которые сейчас выросли и учатся в институтах в Томске. Гибель сына очень подкосила его родителей, сильно сдала и постарела мамаша, отец Николай Петрович стал часто болеть и в середине девяностых годов скончался. Похоронен недалеко от сына.

Таким образом, высшая геополитическая стратегия тогдашних руководителей Советского Союза, касающаяся ввода войск в Афганистан, сфокусировалась в судьбе одного офицера и его семьи. А как мы знаем, в афганской войне погибло не менее пятнадцати тысяч советских солдат и офицеров, а сколько ещё ранено и пропало без вести... Большинство воинов – афганцев получили тяжелые психологические травмы. А какой результат этой войны? В

1989 году наш воинский контингент выведен из Афганистана. Видимо, здравый смысл всё-таки восторжествовал, но какова цена почти десятилетней афганской кампании. Если считать в масштабах страны, то пятнадцать тысяч для неё составляет ничтожно малую долю процента. А если опуститься до каждой семьи, потерявшей сына, брата, внука то трагедия её невосполнима. Ведь Бог единожды дал жизнь каждому человеку и очень больно, что военные обстоятельства отбирают её в самом расцвете сил.

Вот такая грустная история о патриоте и порядочном молодом человеке Игоре Рощинском, положившем голову в ратном сражении, в далёком Афганистане, до конца выполнившим свой воинский долг. Да, он в некоторой мере явился заложником обстоятельств, но навсегда останется в нашей памяти как геройский офицер-патриот. Мой художественный очерк, пусть хоть и запоздалая, но всё-таки должная дань памяти лейтенанту Советской Армии Игорю Рощинскому.

P.S. Предлагаемый читателю очерк носит художественный, а не документальный характер, поэтому настоящая фамилия главного героя изменена. Но думаю, что ничего страшного не будет, если в конце этого повествования я расскажу, что речь в нём идёт о моём хорошем знакомом Ращупкине Игоре Николаевиче, лейтенанте Советской Армии, навсегда оставшемся в этом звании. Пусть люди, знавшие Игоря, а их довольно много, прочитав этот очерк вспомнят храброго воина-афганца и помянут его добрым словом по старому русскому обычаю выпьют чарку за упокой его души... Всё.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ

Очерк

Сюжетом к данному очерку послужили конкретные жизненные ситуации, к которым автор сам имел отношение, либо рассказанные ему многочисленными друзьями, приятелями и просто знакомыми. Многие, наверное, знают, что в мире существует высшая справедливость, в лице Господа Бога, от которого не скроешь и не утаишь ни один, даже малозначительный проступок, идущий вразрез с определённой библейской заповедью. Словом, Бог всё видит и воздаёт каждому за содеянное. За хорошие и добрые поступки, дела, слова и мысли, на человека нисходит милость Божья, а за негатив – сами понимаете. В подтверждение этого тезиса, автор хочет привести несколько историй, случившихся с конкретными лицами.

Вот одна из историй. Её мне рассказал один из слушателей курсов повышения квалификации руководящего состава налоговой полиции России в посёлке Медвежье, пригороде Санкт-Петербурга, где автор обучался в течение месяца. Как мы все знаем, 18 марта 1992 года в Российской Федерации Указом Президента были созданы органы налоговой полиции, призванные бороться с налоговыми преступлениями и правонарушениями, и тем самым обеспечивать экономическую безопасность страны. Комплектование налоговой полиции велось по следующим направлениям: путём откомандирования руководящего и

оперативного состава органов контрразведки, разведки, внутренних дел, а также офицеров Российской Армии и привлечения гражданских лиц. Но лимит командруемых офицеров силовых структур был очень небольшим, и приходилось привлекать на службу в полицию лиц, уволившихся из МВД, КГБ, разведки, армии по бытовым (некомпрометирующим) мотивам.

Сергей Шариков, примерно 1947-48 года рождения с 1971 проходил службу в органах КГБ СССР, а затем России. Имел высшее юридическое образование, окончив юридический институт в Свердловске, ныне Екатеринбург. Успел поработать в районной прокуратуре, затем был приглашён на службу в органы госбезопасности. Работал опером, следователем в следственном отделении Управления КГБ, словом, на основной оперативно-розыскной работе. Он был среднего роста, худощав, благообразен. По характеру – спокойный, выдержанный, жёсткий, в меру разговорчивый человек, обладавший неплохими артистическими данными и искусством подстраиваться к собеседнику при разговоре. С одними вёл беседу чётко и конкретно, с другими более пространно с приведением различных историй и примеров. С охотниками не преминул заговорить об охоте и повадках зверей и птиц, с рыбаками – о рыбалке, с владельцами авто мог предметно говорить о достоинствах и недостатках той или иной марки автомобиля. Сам Сергей, не будучи охотником, для дела читал журналы «Охота», откуда и «черпал» необходимую информацию. Одевался также по-разному, в зависимости от уровня благосостояния и характера одежды будущего собеседника. Словом к

оперативной работе относился творчески, постоянно подыскивая какие-то новые формы и методы сложной и многогранной оперативно-розыскной деятельности. Ежегодно имел конкретные положительные результаты, неоднократно поощрялся грамотами, благодарностями и ценными подарками от руководства Управления и Комитета госбезопасности Союза. В 1987 году на семидесятилетний юбилей органов госбезопасности СССР награждён юбилейным знаком «70 лет ВЧК-КГБ» (щит и меч со звездой с цифрой 70).

В период зарождения перестройки, организованной тогдашним ген. секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёвым, буйным цветом расцвела гласность, но зачастую в уродливых формах. В средствах массовой информации, практически каждый день появлялись компрометирующие органы ВЧК, НКВД, КГБ материалы в различные периоды существования нашего государства. Тут концентрационные лагеря, массовые расстрелы и репрессии, организованные Ф.Э. Дзержинским по прямому указанию Ленина, тут и евреи в кожаных куртках комиссаров ЧК, «гнобившие» россиян в отместку за антисемитизм в царской России. Затем «ежовые рукавицы», 1937 год, муссирование членов ненавистников из НКВД (Берии и его ближайших соратников), дела врачей, преследование диссидентов в период брежневского застоя и т.д. Естественно, сознательно замалчивались положительные моменты, которые вносили органы государственной безопасности в развитие нашей страны. Всё это делалось с конкретной целью: ослабить мощь СССР и увести его из числа ведущих держав мира. Ну а кому это

выгодно, читатель прекрасно знает сам и разъяснений здесь не требуется.

Под таким идеологическим прессом многие, особенно молодые, оперативные работники, начали демонстративно выходить из рядов КПСС, сопровождая это публичными заявлениями. Значительно увеличилось количество увольняемых из органов ГБ по собственному желанию. По всей вероятности, эти сотрудники планировали заработать хорошие деньги в период зарождения в Союзе рыночной экономики, но девяносто девять процентов остались у «разбитого корыта», так ничего и не заработав. Впитали они в себя негативные черты характера, такие как склонность к пьянству, обману, меркантильности, жульничеству и т.п., которые присущи обществу в любые общественно-политические и экономические перемены.

Шариков и другие кадровые сотрудники госбезопасности стойко держали удары идеологической перестройки, из партии вышли только тогда, когда деполитизировались силовые структуры и армия. По мере своих сил и возможностей, продолжали оперативную деятельность, которую во многом осложнили и затруднили два путча в начале девяностых годов, особенно августовский 1991 года, когда в ГКЧП, наряду с другими силовиками принял участие тогдашний председатель КГБ СССР В.А. Крючков. Но, видимо, недаром в средствах массовой информации всё чаще и чаще появляются сведения, что фактически путча не было, а Горбачёв прекрасно знал замысел группы руководящих деятелей не дать стране окончательно скатиться в пропасть и обратиться к нему с

предложением добровольно уйти от руководства партией и государства. Но рассуждение на эту тему – прерогатива историков и политических исследователей. В данном очерке речь идёт о другом.

В 1993 году, в области, где проживал Шариков, стали создаваться органы налоговой полиции. Нашего героя, и ещё четырёх опытных оперативных работников, откомандировали в распоряжение Департамента налоговой полиции. Шариков возглавил подразделение собственной безопасности, в задачи которого входили выявление злоупотреблений и коррупции среди работников налоговой инспекции и полиции, перекрытие каналов утечки на сторону конфиденциальной оперативной и коммерческой информации, оперативное обеспечение безопасности сотрудников НП и инспекции при осуществлении ими служебной деятельности. Сергей Шариков активно взялся за новое для себя дело, приходилось всё начинать с нуля, начиная с комплектования подразделения работниками, кончая материальными и хозяйственными проблемами.

Конечно, руководители Управления налоговой полиции как могли, помогли Шарикову, но у них у самих было дел невпроворот. Вначале Сергей для себя составил список кандидатов на работу из числа бывших работников госбезопасности, но часть их, пенсионеры, сразу же отпала, так как пенсионеров силовых структур в налоговую полицию тогда брать не рекомендовалось. Пришлось ориентироваться на уволенных из ГБ по собственному желанию. Шариков делал предложение многим таким людям, большая часть отказывалась, так как «вкусила» уже прелести свободной

гражданской жизни, где особо не наказывалось употребление спиртного в рабочее время, ранний уход с работы, путаница собственного кармана с производственным и т.д. Но всё-таки три бывших офицера ГБ согласились перейти в налоговую полицию. Хотя в УКГБ они работали в других подразделениях, не вместе с Шариковым, но Сергей довольно неплохо знал их, благо располагалось в одном здании. По зачислении в налоговую полицию им присвоили те же звания, что и в КГБ, а у кого срок нахождения в звании истёк – присвоили вышестоящие специальные звания.

Анатолий Каблуков, 1954 года рождения, по гражданской специальности инженер, окончил политехнический институт. Отслужил два года в армии, в пограничных войсках, награждён знаком «Отличный пограничник». Где-то в 1980 году, был приглашен в органы КГБ, окончил Высшие курсы в Минске. Работал в структурном подразделении, которое осуществляло оперативное обслуживание важных народно-хозяйственных объектов (оборонные заводы, шахты, химические предприятия и т.п.). С желанием взялся за новое для себя дело, быстро вник в оперативную обстановку, сэкстраполировал тенденции её развития. Приобретал оперативных помощников, поддерживал деловые контакты с администрацией обслуживаемых объектов. Спиртное употреблял в меру и в нерабочее время, от подобных предложений никогда не отказывался. В 1992 году, в звании майора, подал рапорт на увольнение из органов КГБ по собственному желанию. Устроился в коммерческий отдел одного из заводов областного центра; приходилось часто

бывать в командировках, с целью поиска рынков сбыта продукции, расширения уже существующих партнёрских отношений. Зачастую приходилось, для дела, употреблять водку, когда на спиртное денег не хватало, приходилось продавать образцы изделий завода. Склонность к спиртному и коммерции, понемногу, брали своё, происходили негативные изменения в характере, которые он, как достаточно опытный оперативный работник, умело скрывал. Внешне выглядел деловитым и общительным человеком, одевался аккуратно, следил за внешним видом. Больших денег на гражданке не заработал, а, скорее всего, даже меньше, чем в КГБ. Всё чаще и чаще в голову Анатолия стали приходиться мысли, а не зря ли он ушел из госбезопасности, но каждый раз он их отгонял, оправдывая, что всё, что ни делается – к лучшему. В связи с тем, что «парад суверенитетов» разрушил производственные связи; предприятие, где работал Каблуков, с трудом сводило концы с концами, зарплата у работников желала быть большей, но, увы,... Директор завода часто срывал зло на специалистах коммерческого отдела, в том числе и на Анатолии, говоря, вот, мол, ты, бывший чекист, вроде бы должен хорошо уметь влиять на людей, а продукцию завода продвинуть на рынки не можешь, а только голословно ссылаешься на объективные трудности. Кто хочет работать – ищет пути достижения поставленной цели, а кто не хочет – выдумывает предлоги и трудности для оправдания своей бездеятельности. Такие тирады директора повторялись на каждом совещании, в присутствии многих руководящих и инженерно-технических работников завода. Всё чаще Каблуков ловил на себе то

сочувствующие, то злорадные взгляды сослуживцев. Он уже начал всерьез подумывать оставить завод, но уйти-то легко, а, вот, хорошо устроиться – трудно. В то время, в России резко стала поднимать голову организованная преступность со всеми вытекающими из неё негативными последствиями: заказными убийствами, взяточничеством и коррумпированностью чиновников, правовым нигилизмом и т.п. Однажды, Анатолий, набравшись смелости, пришел в отдел кадров областного УВД и предложил себя, как достаточно опытного оперативного работника, на службу в органы внутренних дел, на оперативно-розыскную работу. Капитан-кадровик, вобравший в себя неприязнь к КГБ ещё со времён министра Щёлокова Н. А., приятеля генсека Л. И. Брежнева, внимательно рассматривал военный билет и трудовую книжку Каблукова, а, затем, изрёк: «Вы, в КГБ, привыкли ловить мифических шпионов, вербовать никому не нужную агентуру, выдавать желаемое за действительное, то бишь, не работать, а валять дурака. А в органах ВД конкретная работа, раскрыл преступление – положительный результат, не раскрыл – хоть напиши том красивых документов, тебя по головке не погладят. У нас вся отчётность строится на точных цифрах и процентах раскрываемости преступлений, которые никак не обманешь. А в госбезопасности можно ничего не делать, а расписать «семь вёрст до небес». Недаром, ни один из ваших офицеров, пришедших в восьмидесятых годах из КГБ на укрепление органов внутренних дел, не сумел себя показать на милицейской работе. Многие ваши работники просились обратно, а другие, как только получали право на пенсию,

сразу же уходили из ВД». Анатолий, как мог, разубеждал кадровика, но тот твёрдо стоял на своём, тем более что был при погонах, а Каблуков – в запасе. Последним аргументом кадровика было следующее:

- Вот, мол, не успела набрать ход перестройка и демократия в России, а вы уже, как крысы с тонущего корабля, стали бежать из госбезопасности, где же ваши идеи? Ведь ты же видишь, преступность захлёстывает страну, как и в любой переходный период.

Анатолий отпарировал, обращаясь к кадровику:

-Ты ведь сам, отнюдь, не на острие борьбы с уголовной преступностью, сидя в отделе кадров.

Капитан взорвался, подпрыгнув на стуле:

- А ты знаешь, что я раньше был в уголовном розыске, при задержании опасного рецидивиста, получил пулевое ранение в лёгкое, хотели вообще комиссовать, но я упрямился генерала перевести меня в отдел кадров, и большое спасибо ему, что он пошёл на встречу моей просьбе, а то где бы я был сейчас».

Анатолий молча забрал свои документы, и, не прощаясь, вышел из кабинета, в душе матеря мента и жалея себя. «Знал бы, что жизнь так обернётся, никогда не ушел бы из КГБ, а, то, вот, какой-то сраный мент поучает и старается очернить госбезопасность и ничего не поделаешь». После этого, на Каблукова, всё чаще, стала находить хандра, которую он старался утопить в вине. Но не даром говорят, что жизнь у нас в полоску, то чёрную, то белую. Так оно и случилось с Анатолием. Однажды, ему в коммерческий отдел, позвонил мужчина, и солидным баритоном попросил

пригласить к телефону Каблукова. Анатолий сказал, что он слушает. Мужчина представился:

- Твой бывший коллега по КГБ, Шариков Сергей Викторович, начальник собственной безопасности областного Управления налоговой полиции.

Тут же спросил, не забыл ли его Каблуков. Анатолий ответил:

- Сергей Викторович, я Вас прекрасно помню и знаю, что Вы перешли в налоговую полицию. Чем могу быть полезен полиции?

Шариков кратко пояснил, что в возглавляемой им службе имеются вакансии, и Каблуков может претендовать на одну из них. Анатолий, в душе, очень обрадовался звонку Шарикова, но вида не подал. Шариков пояснил, что всё по телефону не переговоришь, и пригласил его прийти на беседу в налоговую полицию. В беседе с Шариковым, Анатолий без колебаний согласился перейти на службу в налоговую полицию. Естественно, о своих зловключениях на гражданке, он ничего не рассказал. Шариков доложил о состоявшемся разговоре с кандидатом начальнику Управления, тоже бывшему сотруднику госбезопасности, получив у него разрешение на изучение Каблукова, как возможного кандидата на службу в налоговую полицию. С учётом того, что из УКГБ Анатолий уволился не слишком давно, сильно глубоко не копали. Хотя, источники информации с завода, где трудился Каблуков, говорили о некоторой тяге его к спиртному. В беседе с Шариковым, его сотрудник, проводивший сбор характеризующих данных на Каблукова, пояснил, что Анатолий на гражданке пристрастился к вину,

но добавил: «А кто из нас, людей, Сергей Викторович, не грешен? Только Иисус Христос. А, ведь, его соратники-апостолы были грешниками, даже притесняли христиан, но, затем, раскаялись и стали примерными мужами». Работник хорошо знал Священное Писание, так как во время работы в ГБ, нередко, контактировал с верующими людьми. Шариков согласился с собеседником. В справках по изучению кандидата Каблукова, всё же, нашло отражение – его склонность к спиртному, но в сглаженной форме: «Спиртное употребляет в меру, только в свободное время. Контроля над собой не теряет. В быту ведёт себя нормально».

Короче говоря, отдел собственной безопасности, вскоре, пополнился ещё одним работником, имеющим за плечами достаточный опыт оперативной работы.

Виктор Уханев родился, примерно, в 1963 году, в одном из шахтёрских городов области. После школы, поступил в политехнический институт, успешно окончил его, получив специальность горного инженера. Поработал год с лишним горным мастером на шахте. Как молодого специалиста, его вскоре приметил оперативный работник горотдела КГБ, курировавший шахту. После негласного изучения, оперработник предложил Виктору встретиться с начальником горотдела, по поводу рассмотрения его, как возможного кандидата на службу в органы ГБ. На встрече Виктор дал принципиальное согласие на переход на службу в органы, справедливо полагая, что лучше быть сотрудником КГБ, чем рядовым инженером, тем более, он видел, как уважительно относятся руководители шахты к куратору из КГБ. Характеристики на Уханева были получены сугубо

положительные, но не учли, что в ГБ должны работать сильные, волевые личности, ведь оперативная работа тесно связана с людьми, с борьбой идей, характеров, мировоззрений. Не так-то просто оказать на человека, попавшего в поле зрения КГБ, нужное психологическое воздействие для достижения конкретной цели. Уханев, как раз, был ничем не выделяющейся личностью, что даже было видно по его внешнему облику. Да, в технике, особенно автомобилях и мотоциклах, он разбирался хорошо, мог провести ремонт квартиры, самостоятельно сложить деревянный сруб. Обладал аналитическим мышлением, но, повторяю, сильной личностью он не был.

После окончания Высших курсов КГБ СССР в Киеве, Уханев был направлен в один из шахтёрских городов, в горотделение КГБ. Поработав около полугода младшим опером, был допущен к самостоятельной работе. Оперативно обслуживал несколько шахт. Шахты старые, с крутым падением пластов, опасные по газу метану и угольной пыли. Особых результатов молодой работник не достиг, да их, особо, от него никто не ждал, но и борозду не портил. Вскоре, Виктор женился на девушке, имевшей высшее юридическое образование, работавшей помощником прокурора. У супруги родители жили в областном центре, и она ожидала, когда окончатся три года её работы по распределению в шахтёрском городке. Когда окончился срок работы супруги Виктора на периферии, она, через связи, добилась перевода в областную прокуратуру. Перевод ей был дан, и Уханев, вместе с супругой, переехал в областной город, где зачислен в отдел Управления КГБ, сотрудники которого осуществляли

оперативное обеспечение важных народнохозяйственных объектов. Виктор опять получил в своё обслуживание несколько шахт. Вскоре, супруги получили двухкомнатную квартиру, и у них появилось пополнение в благородном семействе. Взяли участок земли под дачу, и Виктор своими руками, без посторонней помощи, трудясь, как муравей, сложил сруб под дачный дом, размером пять на шесть метров. Всё у супругов шло хорошо, жена быстро росла по служебной иерархии прокуратуры. Это была небольшая, худенькая женщина, обладающая сильным по женскому типу и, несколько, вздорным характером. Получала она жалование не меньше, а, даже, больше, чем муж – капитан КГБ. Шариков, также, неплохо знал Виктора, начиная с его работы в городском подразделении КГБ шахтёрского города и, кончая, его работой в областном управлении. Сергей понимал, что Уханев, со своим слабым характером, довольно неуютно чувствует себя в структуре госбезопасности, в период «разгула» демократии и гласности в России. Удар нужно уметь держать, чего не мог Виктор. Супруга, также, неоднократно стала попрекать его небольшой зарплатой, ниже, чем у неё, не говоря уже о мало-мальски удачливых кооператорах. Шариков, как хороший психолог, тонко уловил душевное состояние Виктора и, также, по телефону пригласил его к себе на беседу в налоговую полицию. В разговоре, Шариков рассказал о проблемах налоговой полиции, как молодого правоохранительного органа России, о её целях и задачах по предотвращению экономического ущерба России. Сделал акцент на премиальной системе работников налоговой полиции, добившихся конкретных

положительных итогов в оперативно-служебной деятельности. Виктор проявил интерес к этой теме, глаза его загорелись. Шариков предложил перейти ему на работу в полицию. Уханев пояснил, что перевод ему никогда не дадут, и придется увольняться из ГБ. Сергей Викторович сказал: «Ты же не уходишь на пустое место, а в конкретную правоохранительную структуру, и я даю тебе слово, что ты будешь зачислен в собственную безопасность областной налоговой полиции». Получив принципиальное согласие от Виктора, Шариков доложил своё резюме от беседы с ним начальнику Управления.

Вскоре, подразделение собственной безопасности налоговой полиции пополнилось Виктором Уханевым, имеющим за плечами хоть и небольшой, но опыт, оперативно-розыскной деятельности. «По крайней мере, он будет не слабее любого сотрудника, пришедшего в структуру «с улицы», либо с Вооруженных Сил РФ»: резонно полагал Шариков.

Александр Волков, 1957 года рождения, по гражданской специальности – химик-технолог, пришел в органы госбезопасности в 1981 году, в самый период рассвета, как Советского Союза, так и органов государственной безопасности, которые около пятнадцати лет возглавлял мудрый человек и государственный деятель, Юрий Владимирович Андропов. Именно во время его руководства, КГБ достиг больших результатов в пресечении враждебной деятельности против СССР разведок иностранных государств и зарубежных центров идеологической диверсии. Недаром, Ю. В. Андропов был

избран вторым человеком в партии, после Л. И. Брежнева, ну а после смерти «Ильича» - возглавил партию и государство. Автор на сто процентов уверен, что если бы не скорая смерть нового генсека, Ю. В. Андропова, наше государство не постигли бы такие бедствия и коллизии, как в период правления Горбачева, последствия которых мы не можем расхлебать уже более десяти лет. Да и под руководством обиженного на КГБ Ельцина Б. Н., Россия не достигла каких-либо высот, а только теряла свой престиж и авторитет в мире.

Волков, прежде чем прийти в органы госбезопасности, несколько лет отработал на крупном химическом предприятии, в одном из приволжских городов. Как оперативный работник ГБ, курировал это же предприятие. Особого труда оперативное обслуживание завода для Александра не представляло, так как он неплохо знал технологический процесс производства, а самое главное – людей, работавших на нём. Словом, особых проблем в приобретении источников информации для Волкова не было. Информация, которую он получал от своих помощников, была, в основном, о предпосылках к чрезвычайным происшествиям на важном народнохозяйственном объекте, и, во многом, увязывалась с функциями инженера по технике безопасности завода. В основном через него, Волков и реализовывал получаемую оперативную информацию. Каждый рабочий и инженерно-технический работник химического завода считал своей обязанностью не допустить и предотвратить взрывы, пожары, хищения компонентов и готовой продукции предприятия. Поэтому у Александра

постоянно была в работе оперативно-значимая информация, и он был на хорошем счету у руководства горотдела КГБ. Где-то в 1986-1987 году, он, как перспективный оперативный работник городского подразделения, переведён в областное Управление КГБ. Здесь ему также поручили кураторство химического предприятия. Технологический процесс Александру был понятен, но люди были новые. Кроме того, требования к результатам в оперативно-розыскной работе в Управлении были несколько выше, чем в городском подразделении, да и начальников поболее... Но, тем не менее, Волков с желанием взялся за новый участок работы, и, спустя год – полтора, уже ничем не отличался (по результатам) от «коренных» работников областного аппарата. Вскоре грянула перестройка, а, затем, и, августовский 1991 года, путч ГКЧП. Как изложено выше, участились нападки на органы госбезопасности, как боевого отряда КПСС. Александр по характеру был спокойный, в меру общительный человек, лидерскими качествами не обладал. Но тут, как какая-то шлея попала, демонстративно подал в партком УКГБ заявление о своём выходе из КПСС, чем шокировал руководство Управления и членов парткома. Просьба его была удовлетворена, и, спустя несколько месяцев, он подал рапорт об увольнении из органов КГБ по собственному желанию. На гражданке его судьба была типичной и, во многом, совпадала со стезёй Анатолия Каблукова, даже в пристрастии к употреблению спиртного. Где-то в 1993-1994 году, он также попал в поле зрения Шарикова, с последующим предложением прийти на службу в налоговую полицию. Он согласился, но пояснил, что в

последнее время работы в КГБ и на гражданке, у него стали проявляться проблемы со здоровьем (сердце, печень), так что требуется определённая помощь полиции в прохождении военно-медицинской комиссии. Здесь ему оказал содействие главный кадровик областной налоговой полиции, тоже, кстати, выходец из ГБ, располагавший связями среди врачей военно-медицинской комиссии. Вскоре, собственную безопасность налоговой полиции пополнил ещё один «боевой штык»- Александр Волков. Одновременно СБ пополнили несколько офицеров Российской Армии, а, также, гражданских лиц. Коллектив был разношерстный, как по возрасту, так и представительству. (КГБ, армия, гражданка), и, конечно, по профессионализму. Армейские офицеры и молодой человек с гражданской структуры активно и с желанием взялись постигать новую, для себя, оперативно-розыскную деятельность. Как известно, «не боги горшки обжигают», было бы желание к достижению поставленной цели. Ведь в период создания ВЧК, в неё пришли, в основном, рабочие, имевшие, в лучшем случае, за плечами начальную школу. Но, как всем известно, положительные результаты в борьбе с контрреволюцией, саботажем и другими преступлениями, наносящими урон молодой России, у вновь испечённых чекистов, безусловно, были. Чего, например, стоит локализация известного эсеровского боевика-террориста Бориса Савинкова...

Словом, подразделение СБ налоговой полиции, потихоньку начало набирать ход. Появились конкретные результаты, например, пресечена попытка вымогательства взятки у частного предпринимателя со стороны налогового

инспектора; с поличным были пойманы мошенники, выдававшие себя за налоговых инспекторов и «стригущие» продавцов коммерческих ларьков и магазинчиков. Пресечена попытка представителей криминально-коммерческой структуры внедрить в оперативную службу УФСНП своего человека, с использованием протеза одного из представителей областной администрации.

Естественно, отмечались в СБ дни рождения сотрудников и другие праздники. Шариков, в целом, отрицательно относился к спиртному, но, тем не менее, принимал, по возможности, участие в дружеских застольях. Но ему непонятны были желания большинства оперработников опохмеляться на следующий день. А что такое опохмелка – та же пьянка, но под другим названием. Однажды, когда Шариков был в очередном отпуске, в отделе случилось ЧП. Александр Волков, будучи, также, в отпуске, употреблял у себя дома спирт «Ройял» с малознакомым человеком. Лето было в тот год очень жаркое, все дни стояли за тридцать градусов. То ли день был уж очень жарким, то ли спирт «палёный», но Александр потерял над собой контроль, упал спать. А его гость нашёл табельный пистолет Волкова, сунул его себе за пояс, и с голым торсом, в одних брюках, вышел на улицу, пьяный вдрызг. Но, к счастью, особых отрицательных последствий от такого дефилирования вновь испечённого «Рембо» по улице города не наступило. Пройдя метров сто, он попал в поле зрения наряда милиции. Ему тут же «закрутили ласты», изъяли пистолет и доставили в райотдел милиции. Пробросив изъятый пистолет по информационным учётам,

милиционеры были немало удивлены, что он принадлежит областному управлению налоговой полиции. По данному факту возбудили уголовное дело, и осуществлялись необходимые следственные действия. Начальник Управления полиции был очень расстроен и удручён таким событием. Не поздоровилось бы ни Волкову, ни Шарикову, но они находились в отпуске, а Сергей, к тому же, с выездом за пределами города. Постепенно, пыл у начальства по наказанию виновных значительно снизился. Волков отделался строгим выговором, а Шариков – замечанием. Шариков применил весь свой опыт работы с людьми и сумел найти общий язык с дамой – следователем милиции, в производстве которой находилось уголовное дело по факту утраты табельного пистолета сотрудником налоговой полиции. Короче говоря, пистолет возвратили в налоговую полицию, похитителя подвергли уголовному осуждению. Шариков принял близко к сердцу этот удручающий факт, сделал необходимые для себя выводы, что хищению пистолета, во многом, способствовала пьянка Волкова. Стал активно бороться со склонностью отдельных сотрудников к чрезмерному увлечению спиртным. Будучи человеком, по характеру, жестким и решительным, он периодически проводил «душеспасительные» беседы с нарушителями дисциплины. Беседы вёл громким голосом, иногда применял «крепкие» выражения и многоцветие русского языка. Но, тем не менее, «сор из избы не выносил», считая это излишним. Профилактические беседы Шарикова, на какой-то период времени, имели положительный эффект, но, затем, факты злоупотребления спиртным повторялись. Однажды с утра,

Анатолий Каблуков зашел в кабинет Шарикова и сказал, что два руководящих работника областной налоговой инспекции просят его помощи в проведении беседы с представителями объекта налогообложения. Сергей спросил: «Кто такие руководители отделов областной ГНИ»? Получив ответ от Каблукова, без обиняков, сказал: «Смотрите не «нажритесь» и не попадите в неприятную историю». Каблуков отпарировал, пояснив, что он лечит зубы, поэтому употреблять спиртное ему нельзя. Шариков сказал: «Анатолий, ты пьёшь горлом, а не зубами». Каблуков ещё раз заявил, что ни капли спиртного в рот не возьмёт. Может быть, он искренне верил в своё заверение начальника. Но уважаемый читатель поймёт, что когда собираются трое знакомых мужчин, примерно одного возраста, к тому же склонных к пьянству, то всё было предрешено. Не найдя коммерсантов, с которыми они намеревались составить разговор, троица тут же купила спиртного, зашли в кафешку, и «понеслась душа в рай»... Рабочий день подходил к концу, в кабинете Каблукова горел свет. Взяв у дежурного запасной экземпляр ключей от кабинета, Шариков, вместе с другим работником, вошли в кабинет и изумились увиденному: на столе, в беспорядке, лежали оперативные документы, пистолет, две обоймы. Сейф был открыт настежь. Сотрудники сложили документы и пистолет в сейф, опечатали его, выключили свет, закрыли кабинет. В этот день, Каблуков на работе не появился, на следующий день его доставили в Управление сотрудники физзащиты налоговой полиции, случайно обнаружившие его на автобусной остановке, на окраине города. Шариков приказал работникам

своего отдела отвезти Анатолия домой, чтоб он проспался. Они так и сделали, но, спустя час-полтора, пьяный Каблуков вновь появился в Управлении, шарахался по коридору, «качал права», пытался командовать работниками, которые были ниже его по званию. Шариков, в это время, в здании отсутствовал, но по прибытии, ему сразу сообщили ещё об одном «фортеле» Каблукова. Сергей был очень расстроен и взбешен. На следующее утро, Каблуков сам зашел к нему в кабинет, просить ключи от закрытого его сейфа. Шарикову он рассказал, что, действительно, они крепко выпили с налоговиками, потеряли ориентировку во времени и пространстве. Попали в милицию, где за дерзкое поведение Каблукова, милиционеры выбили ему подлежащий лечению зуб. С горя он выпил, и на следующий день пришел в управу, и, так как сейф его был закрыт, вынужден был слоняться по кабинетам. Шариков, не стесняясь в выражениях, «отбрил» Анатолия, взял с него письменное объяснение, и, только после этого, отдал ключи от сейфа.

Сочувствующий собутыльник из Москвы

Как известно, в центральном аппарате любого правоохранительного органа существуют так называемые инспекторские подразделения, сотрудники которых призваны отслеживать и анализировать обстановку и тенденции её развития в территориальных (республиканских, краевых, областных) Управлениях. В Федеральной службе налоговой полиции тоже было создано подобное подразделение. Куратором Управления, где работали Шариков и другие герои этого повествования, являлся подполковник Замойлов, лет сорока пяти, бывший

оперативный работник одного из отделов военной контрразведки, пришедший в налоговую полицию одной из сибирских областей. В Москве у него проживала тёща, и он попросил у руководства ФСНП перевести его в центральный аппарат, пояснив, что на квартиру в столице претендовать не будет. Это и явилось основой для принятия руководством Федеральной службы налоговой полиции положительного решения по рапорту Замойлова. В центральном аппарате он был назначен в инспекторско-кураторское подразделение Управления собственной безопасности ФСНП. Видимо, ещё в отделе военной контрразведки, да и в налоговой полиции сибирской области, он имел пристрастие к «зелёному змию». Эта страсть особенно развилась у Замойлова в период работы в Москве, так как часто приходилось бывать в территориальных органах налоговой полиции, где практически ежедневно хлебосольные хозяева – проверяемые угощали его водочкой с хорошей закуской. Примерно в 1997 году, согласно плану организационных мероприятий Управления собственной безопасности, Замойлов прибыл в областное Управление, где служили Шариков, Каблуков и другие наши герои. Перед этим, он проверял состояние дел в Кировской или Тверской области, где его изрядно загрузили спиртным. На железнодорожном вокзале его встречал Шариков, который сразу заметил, что около вагона, где ехал инспектор, находились два сотрудника линейного отдела милиции. Как только ноги вышедшего Замойлова вступили на перрон вокзала, Шариков сразу узнал по описанию куратора, подошел к нему, поздоровался, представился и предложил отвезти в гостиницу. Когда они

шли к подземному переходу, наряд милиции догнал их и, похлопав по плечу Замойлова, один из милиционеров пояснил, что Вы, гражданин, пьяны и предложил пройти в ЛОВД для составления протокола. Видимо проводнице вагона, изрядно надоел пьяный полицейский, что она попросила старшего проводника поезда сообщить по рации в милицию о наличии в вагоне пьяного пассажира. Шариков, шедший рядом с Замойловым, вытащив из кармана служебное удостоверение, вежливо пояснил, что его коллега, пусть и слегка выпивши, опасности для окружающих не представляет, тем более что их ждёт служебная машина, на которой Замойлов будет доставлен в гостиницу. На сотрудников ЛОВД, не столько возымело действие полковничье удостоверение Шарикова, сколько уверенный баритон седоватого мужчины. Короче, Замойлова отпустили с миром, и Шариков самолично помог ему оформиться в гостиницу. В понедельник, Шариков представил проверяющего начальнику Управления и поручил Анатолию Каблукову обеспечить проведение инспектором культурного досуга во внерабочее время, «отстегнув» Каблукову энную сумму денег на представительские расходы. К слову, этих денег хватило только на три дня, пришлось ещё выдавать денежную дотацию, да ещё помочь куратору в оплате за гостиницу. В один из дней, Замойлов, крепко выпивший, зашел в кабинет к Шарикову и попросил его, как опытного оперативного работника, помочь в составлении справки по итогам проверки отдела. Шариков любезно согласился помочь куратору, тем более что он довольно хорошо владел ситуацией в отделе, знал сильные и слабые стороны

деятельности отдела собственной безопасности, а составлял и писал он оперативные документы быстро и качественно. К концу проверки, «болванка» справки о проверке была готова, отпечатана и доложена начальнику Управления. Начальник воспринял её положительно, за глубокое исследование состояния дел в курируемом начальником УФСНП подразделении, хотя Замойлов при этом палец о палец не ударил. По распоряжению директора Федеральной службы налоговой полиции, структуры собственной безопасности напрямую курировались начальниками Управлений, как бы они сильно не были загружены другой, не менее важной, работой. В конце недели, Замойлов, затаренный кедровыми орехами и другими сибирскими презентами, благополучно отбыл в Москву, оставив даже в гостиничном номере свою куртку-ветровку, которую, по его телефонной просьбе, с одним из пассажиров авиарейса на Москву, ему затем переправил Каблуков, очень сдружившийся с ним на почве употребления спиртных напитков.

Словом, проверка подразделения Шарикова прошла нормально, и вновь началась повседневная рутинная оперативно-розыскная деятельность. Но спустя несколько месяцев, Шариков почувствовал изменение отношения руководства Управления собственной безопасности ФСНП к направляемым из отдела Шарикова материалам. Естественно, прежде чем попасть на стол к начальнику УСБ, резюме по ним давал куратор Замойлов. Шариков и другие сотрудники отдела, как могли, устно и письменно доказывали свою правоту, но Замойлов и его руководители, зачастую,

были непреклонны. Однажды, в кабинет Шарикова, по отдельности, зашли секретарь отдела (женщина) и двое оперативных сотрудников, один – бывший работник ГБ, а второй – пришедший с гражданки. Все они, каждый по-своему, рассказали начальнику, что Каблуков, постоянно при совместных возлияниях, нашептывал Замойлову, что Шариков – «удельный князёк», оторвался от нужд и чаяний коллектива, якобы ходатайствовал перед начальником Управления о назначении только себе максимального должностного оклада (действительности не соответствовало), оперативно-розыскную деятельность практически не организывает, а решает только свои личные проблемы и вопросы. Под предлогами встреч с источниками информации, использует служебный автомобиль и прапорщика-водителя для личных поездок к друзьям, приятелям, связям из числа верующих людей, экстрасенсов и т.п. дел. Далее рассказали, что Каблуков, как-то, будучи сильно пьяный, в коридоре Управления, заявил нескольким сотрудникам, что вскоре Шарикову и всем вам придёт п...ц, Замойлов всю компру вывернул наизнанку и доложил руководству Управления СБ ФСНП, и оно настроено очень агрессивно. Шариков, как опытный оперработник, очень чутко чувствовал опасность, поэтому попросил каждого из пришедших описать «мышиную возню» Каблукова и Замойлова письменно, что и было сделано.

Новый начальник УФСНП.

Как известно, у нас в России, как только к власти приходит новый президент, губернатор, мэр и их команды, сразу начинается перетряска всех ключевых структур, в том

числе и руководства правоохранительных органов. Так и случилось в области, где служили Шариков и другие герои нашего повествования. В 1998 году прежний губернатор области был переизбран. Вновь избранный областной руководитель сразу предложил начальникам Управлений ВД и НП искать для себя новые места службы, так как они не вписываются в состав его новой команды. Генерал, начальник УВД, в сравнительно небольшом возрасте и расцвете сил, подал рапорт об уходе на пенсию, а генерал налоговой полиции был переведён на ступень ниже по должности в одно из Управлений в европейской части России.

На освободившуюся должность начальника областной налоговой полиции пришёл полковник Безместников, примерно 1955 года рождения, до этого работавший замом в одном из краевых Управлений юга России. Кстати, до полиции он работал 7-8 лет в краевом Управлении КГБ, куда пришёл с комсомольской работы. По внешним данным (рост, вес, волевое лицо, манера одеваться) он представлял, так называемую, сильную личность. Но как, зачастую бывает, обманчив внешний имидж. На самом же деле, это был слабовольный, трусливый человек, не умеющий и не могущий отстаивать своё собственное мнение, однако умевший использовать свой административный ресурс, и пустить, что называется, пыль в глаза. Приехав в новое Управление, он сразу же собрал всех руководителей, в том числе, городских и районных подразделений, обозначил свои требования, ненавязчиво «лягнул» старого начальника УФСНП, распорядился, чтобы через неделю руководители

представили ему справки об оперативной обстановке на территории обслуживания с изложением приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности. Словом, произвёл впечатление делового и волевого руководителя. Как приказано, так и сделано. Точно к назначенному времени, Шариков пришел к начальнику Управления со справкой об оперативной обстановке по линии собственной безопасности. Тот, сделав вид, что внимательно прочитал документ, задал несколько незначительных вопросов и получил исчерпывающие ответы от Шарикова. Затем, без всякого перехода, заявил: «Сергей Викторович, я о Вас слышал много плохого». Шариков немедленно отпарировал: «Роман Захарович, идеальных людей, конечно, на свете не существует, у меня, безусловно, как и у всех представителей человечества, есть отрицательные качества, но, к счастью, они не превалируют в моём характере и поведении. Не стоит, конечно же, при первом же знакомстве акцентировать внимание на этом вопросе». Безместников побагровел, как сваренный рак, и перевёл беседу на другую тему. Вскоре аудиенция закончилась, и собеседники распрощались внешне дружелюбно, Роман Захарович даже пояснил, что он не вполне и не всегда верит характеристикам, полученным от третьих лиц, а надеется на свои личные впечатления и наблюдения. Шариков довольно благожелательно выслушал тираду начальника Управления, после чего удалился. Отношения между Шариковым и Безместниковым развивались внешне нормально, споры были только по проблемам оперативно-служебной деятельности. Безместников иногда провоцировал Сергея Викторовича на

резкости, заявляя примерно следующее: «У нас отдел СБ, скорее не правоохранительное силовое подразделение, а адвокатское бюро». А, по его сведениям, в Управлении практически каждый, в той или иной мере, ворует и использует служебное положение в личных целях. Шариков, внешне вежливо и культурно, разбил доводы начальника, да так, что последнего в пот бросило. Спустя несколько месяцев, по Управлению был объявлен письменный приказ об осуществлении комплексной проверки отдела собственной безопасности силами организационно-инспекторского и кадрового подразделений с изложением конкретных кандидатур проверяющих.

Здесь следует отметить, что к тому времени Уханев ушел из отдела СБ в помощники начальника Управления (должность полковника, а функции секретаря-референта). Каблукова, за его пьянство, Шарикову удалось всё – же, не мытьём, так катаньем, вытеснить в организационно-инспекторское подразделение, которое он, вскоре, возглавил, что, кстати, указывает на уровень принятия кадровых решений Безместниковым. Но что было, то было. Анатолий сразу перетащил в своё подразделение Александра Волкова. Естественно, вся комплексная проверка была направлена на выискивание и высасывание из пальца настоящих и мнимых недостатков и упущений в работе. Особенно усердствовал и рыл землю в этом плане слабовольный Уханев, которому Шариков всегда делал только хорошее. Кстати, Волков и Каблуков формально в комплексной проверке не участвовали, а осуществлял её от организационно-инспекторского подразделения Борис Войлошников, до

перевода в областной центр, по семейным обстоятельствам, заваливший всю работу в одном из районных отделений налоговой полиции. Кстати, Войлошников был также выходец из органов ГБ, но работал в Узбекистане, и, после отделения этой республики от России, вынужден был переехать оттуда. Он честно, в приватной беседе, рассказал Шарикову, что через Уханева он получил указание начальника УФСНП загнობить отдел СБ, с тем, чтобы в отношении Шарикова, в будущем, принять соответствующие меры, как не справляющегося с руководством отделом. Спустя некоторое время, из Управления СБ ФСНП Шарикову позвонил один из сотрудников и рассказал Сергею, попросив не раскрывать его, примерно следующее. Перед назначением начальником Управления, Безместников «обкатывался» во всех основных структурных подразделениях Федеральной службы налоговой полиции, в том числе и в Управлении СБ. Начальник этого Управления, якобы, озвучил Безместникову негативный вымысел куратора Замойлова, естественно стуситив краски. Безместников сразу пообещал генералу Шлыковскому, начальнику УСБ ФСНП убрать Шарикова, вместо того, чтобы пояснить, что примет полученную информацию к сведению, однако тщательно разберется и присмотрится к опальному Шарикову. Отсюда его слова при знакомстве с Сергеем, что слышал о нём много плохого. Когда же, по приезду в областное Управление, новый начальник убедился, что особо ни к чему в деятельности Шарикова придраться невозможно, как профессионал и руководитель он находится на должном уровне, ему тут же Шлыковский посоветовал провести комплексную проверку

отдела Шарикова, «накопать» недостатков и упущений. Далее, по результатам комплексной проверки, издать приказ о наказании Шарикова и поставить вопрос о понижении его в должности. Однако гладко бывает на бумаге, но забывают про овраги... Шариков оказался крепким орешком и упрямым человеком. Как бы Уханев, Каблуков, Волков, да и сам Безместников ни «сливали» Борису Войлошникову мнимый негатив в отношении деятельности руководимого Шариковым отдела, Сергей методично, пункт за пунктом, в пух и прах разбивал высосанный из пальца негатив. Вероятно, большой опыт работы в ГБ и стрессоустойчивость сыграли здесь свою роль. Да и сама справка по результатам комплексной проверки, была написана так топорно и из рук вон плохо, что даже «заряженный» Безместников не стал её утверждать. А не утверждённый и не заверенный начальником органа документ никакой юридической силы не имеет, и не может быть выслан в центральный аппарат. Каблуков же, чтобы прогнуться, выслал неутверждённый начальником УФСНП документ в Москву, тем самым, в пылу служебного рвения и обид на Шарикова, оказал медвежью услугу начальнику Управления. Справка шлифовалась и обсасывалась в УФСНП месяц, два, полгода, а обещание Безместникова Шлыковскому повисло в воздухе. Шариков тоже пошел в ва-банк и по телефону, в течение тридцати минут, презрительно-надменным голосом так отбрил Замойлова, что тот, не докончив разговора, бросил трубку. После этого, Шариков написал аргументированный рапорт о неправомерных действиях Замойлова, пытавшегося, под диктовку обиженного алкаша Каблукова, загнобить и

очернить деятельность всего личного состава возглавляемого Шариковым отдела. Ответ на рапорт пришел за подписью Шлыковского, которому не с руки было признавать негативные действия подчинённого Замойлова. Здесь опять было допущено нарушение, так как, коль скоро, рапорт писался на имя директора ФСНП РФ, то и ответ должен быть от имени руководства Федеральной службы, а не от имени руководителя структурного Управления, пусть даже генерала по званию.

Развязка и итоги повествования.

Шариков, проанализировав и просчитав ситуацию, сделал правильный вывод, не тратить на борьбу здоровье, время и нервы, а доработать до максимальной выслуги лет, которая была не за горами, и уйти на пенсию. Что он и сделал.

На собрании коллектива Управления, по поводу прохода Шарикова на пенсию, выступил Безместников, другие руководители, произнесли причитающиеся этому событию слова, вручили наспех купленный памятный подарок. И поплыл Сергей в бурном потоке гражданской жизни. Помощи в устройстве на достойную работу у своих бывших коллег по ГБ и НП он не просил, а те и не предложили ему своё протече. Свою положительную роль в этом вопросе сыграли многочисленные гласные и негласные связи Сергея, в том числе из «новых русских» и «старых евреев», не оставившие безработным опытного оперработника и нормального работающего человека.

Спустя несколько дней после подачи рапорта на увольнение Шариковым, Каблуков и Волков всю ночь в кабинете писали план Управления на новый год. При этом

выпили на радостях по бутылке водки, толком не закусывая, а только куря сигареты. На утро Каблукова с планом пригласил начальник Управления. Сивушный запах, идущий от Анатолия, чуть не свалил Безместникова с кресла. К тому же, план явился образцом пьяного бреда, а не основополагающего управленческого документа. Генерал Безместников был сильно расстроен, и в возбуждении резко заявил Каблукову: «Я с тобой больше не работаю, чтобы завтра от тебя был рапорт на увольнение по собственному желанию». Но рапорт был подан спустя 3 или 4 месяца. Каблуков, расстроенный таким демаршем патрона, которому он так помог в свержении Шарикова, выкидывает его со службы, как нашкодившего щенка, на следующий день получил сердечный инфаркт и был доставлен в реанимацию кардиологического центра. Управа заплатила за лечение своего сотрудника определённую сумму денег. По выписке из медицинского учреждения, Каблукову дали инвалидность третьей группы, после чего он и подал рапорт на увольнение.

Уволившись из полиции, устроился в кредитный отдел солидного коммерческого банка. Всё, казалось бы, начиналось хорошо. Но Бог шельму метит... Однажды, Каблуков завизировал заключение о выдаче банком крупного денежного кредита одной фирме. Что им двигало, одному ему известно. Но в итоге фирма исчезла, как вода в песке, а с ней и кредит банка. За это Каблукову предложили уволиться по собственному желанию, что он и сделал, наивно полагая, что найдёт подобную работу в любом другом банке или фирме. Но начальник службы безопасности банка, бывший милиционер, по запросам новых потенциальных

работодателей, давал такую характеристику на Каблукова, что везде от него шарахались, как чёрт от ладана. В итоге, Анатолий, с большим трудом, устроился на небольшую зарплату администратором зала одного из универмагов. Оттуда его, также, уволили, и в конце - концов, он стал частным детективом с минимальной заработной платой.

Теперь о Викторе Уханеве. С должности помощника начальника Управления, он был назначен на рядовую должность в инспекторское подразделение. Мавр сделал своё дело и может уйти. Вскоре, злоумышленники угнали его «девятку». Супруга, работавшая судьёй одного из районных судов и занимавшая в семье главенствующее положение, выгнала с треском мужа-недотёпу, несмотря на то, что у них был семилетний сын. Спустя полгода после развода, он женился на сотруднице УФСНП, и, казалось бы, создалась «полицейская» семейная ячейка. Но супругу, вскоре, уволили по сокращению штатов, и она, в пылу обиды, в отместку за себя, заставила уйти из полиции и Виктора, на небольшую пенсию. Вскоре, у супругов родился ребёнок, но, к сожалению, мертворождённый. Уханев пытался устроиться в солидный холдинг, где в службе безопасности работали его бывшие сослуживцы по КГБ. Но, увы... Ему был дан отрицательный ответ. Он так и не смог устроиться на работу, несмотря на сравнительно небольшой возраст. Сидит дома и присматривает за двумя детьми его второй супруги. Иногда выполняет функции грузчика и хозяйственника в небольшом магазинчике или киоске, принадлежащим жене. Его детище – мичуринский сад зарос бурьяном, дачный дом потихоньку разваливается, ведь народному судье нет времени в одиночку

управляться с садом. Перед бывшими сослуживцами Уханев хорохорится, вот, мол, я работать не буду, а буду зарабатывать, но не говорит как. В душе понимает, что житейские неудачи – плата за свою трусость, беспринципность и подлянку, в отношении пригревшего его Шарикова.

Александр Волков уволился из налоговой полиции по болезни (вырезали рак печени). Купил новую «шестёрку», взамен старенькой «копеечки», так как получил солидные выплаты в виде страховки Военно-Страховой компании и выходного пособия. В настоящее время, занимается частным извозом, имеет постоянных клиентов. Но все мы знаем, как опасен частный извоз, ведь в любой момент можно потерять голову от рук наркомана, преступника, а то и молодых пацанов. Знакомым рассказывает о, якобы, больших деньгах, получаемых им от частного извоза, о намерении купить квартиру и жениться во второй раз. Особой помощи от налоговой полиции Александр, также, не ощутил, ведь спасение утопающих – дело рук самих утопающих, и каждый выживает, как может.

Замойлов, вскоре, был уволен из центрального аппарата ФСНП. С большим трудом устроился в службу безопасности Государственного таможенного комитета. Один раз побывал в командировке в областном центре, где ранее контактировал с Каблуковым, но встречаться с ним не стал. В Управление налоговой полиции также не зашел. В ГТК особым уважением не пользуется, видно дошли до руководства отголоски о его «художествах» в командировках и стремлении смешать воедино оперативно-розыскную работу и пьяные жалобы на начальника со стороны

Каблукова.

Теперь о двух генералах. Шлыковский, после прихода нового директора Федеральной службы, вынужден был уволиться из налоговой полиции. Якобы, трудится начальником службы безопасности в одной маленькой, по московским меркам, фирме. Помощи от бывших коллег по работе в госбезопасности и налоговой полиции не получает, скорее наоборот. А фирмачам нужна «крыша», которую он обеспечить не может. Отсюда постоянная жизнь, как под дамкловым мечом: «А что со мной будет завтра, уволят или нет»?

Все мы знаем, что 11 марта 2003 года, в средствах массовой информации, появилось решение Президента РФ об упразднении налоговой полиции и передаче её функций в МВД. Министр ВД сразу же не преминул лягнуть бывших коллег из полиции, мол, у МВД гораздо больше сил и возможностей по борьбе с налоговыми преступлениями, и они, в отличие от ФСНП, быстро наведут порядок в этом вопросе. На базе налоговой полиции, с 1 июня 2003 года, будет создан Государственный комитет по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ. Безместников оказался, как бы, в вакууме и под тонкими насмешками генералов из УВД, ФСБ, таможни и военкомата, под видом выражения ими сочувствия по поводу ликвидации полиции. Долго взвешивая «за и против» перехода в Государственный комитет по борьбе с наркотиками, он сделал правильный для себя вывод, что борца с наркобизнесом из него не получится, тем более что и в системе ВД, ФСБ, таможни уже функционируют службы по

борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Поэтому, статус вновь создаваемого Комитета не определён, штатная численность – тоже. Ещё не известно, какая будет зарплата и потолок по званию. В результате принял решение, уволиться из налоговой полиции, в связи с внутриведомственными изменениями. Уехал на родину, создал небольшое частное охранное предприятие, но конкуренция среди ЧОПов большая, заказов немного, зарплата мала.

Эпилог

Видимо, на сто раз правы и актуальны русские народные пословицы: «Бог шельму метит» и «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь». В моём плавном и не резком повествовании, на примере конкретных судеб, ещё раз подчёркивается глубокая народная мудрость и необходимость следовать в своей жизни библейскому принципу о любви к ближнему. Многие мои товарищи и бывшие коллеги приводят, на основе своей жизнедеятельности, массу примеров о существовании на Земле принципа высшей справедливости, заложенного нашим Создателем. Мой очерк – лишнее тому подтверждение. Естественно он носит художественный характер, фамилии героев изменены, кое-где использован художественный вымысел, но, в целом, рациональное зерно в нём, безусловно, имеется.

В конце своего повествования, автор, на основе функционирования отдела собственной безопасности одного из Управлений налоговой полиции, и коллизий, происходивших в нём, делает вывод, что, видимо, в целом по России, было очень много негатива в деятельности

структур этой Федеральной службы. Не исключено, что анализ обстановки в ней, и конкретные результаты её деятельности и привели к решению высшего руководителя России ликвидировать налоговую полицию и передать её функции в систему органов внутренних дел. Но это уже тема другого разговора...

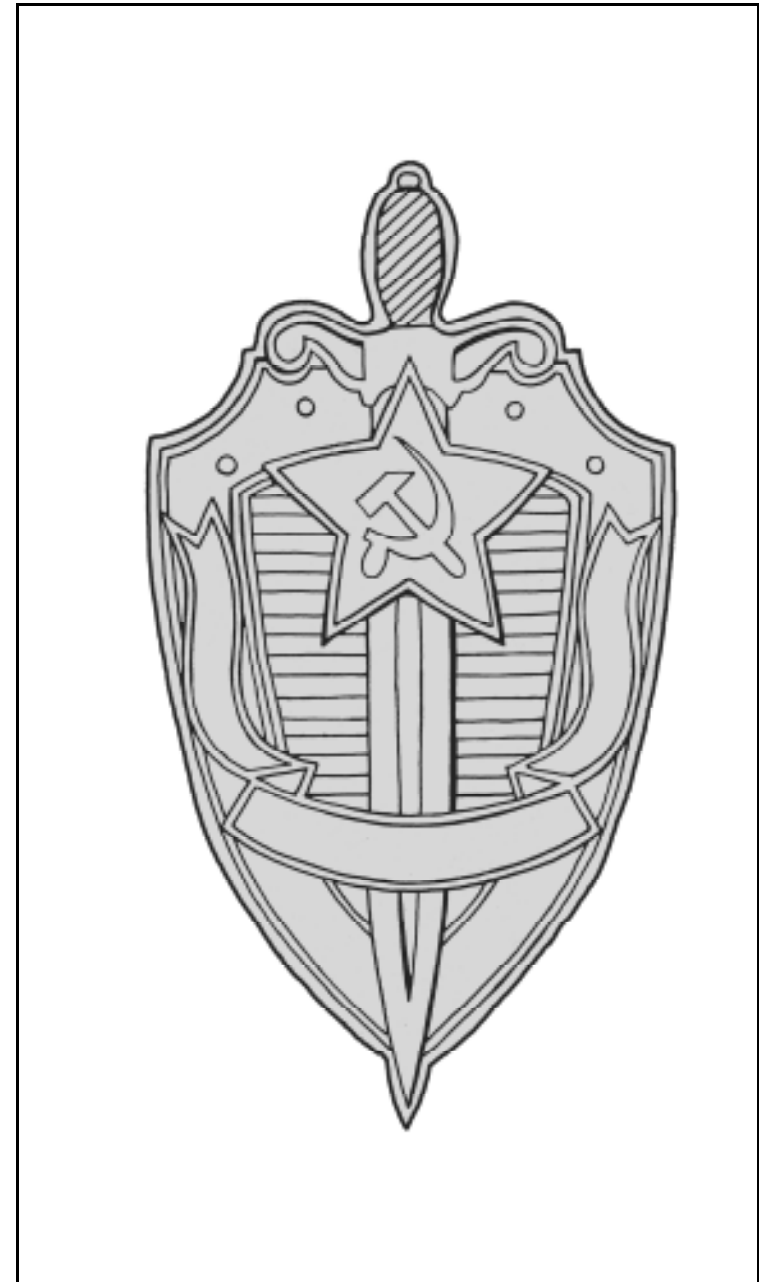
2003 год.

Содержание

Предисловие	5
Артист не того театра. <i>Повесть</i>	8
Судьба офицера. <i>Очерк в трёх частях</i> <i>с эпилогом</i>	137
Не рой другому яму. <i>Очерк</i>	157

С. Ю. ТУМАНОВ
СУДЬБА ОФИЦЕРА

Редактор
Технический редактор и корректор Брагин А. В.

Лицензия №

Сдано в набор . Подписано к печати .
Заказ № . Формат . Тираж экз.
Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. .